

Елизавета Соболянская

Вечаянная
НЕВЕСТА

Annotation

Не желая отдавать дядюшке и кузине титул и родовые земли, граф дю Боттэ женился на первой встречной и погиб, сражаясь за короля. Через год молодая вдова отправляется в столицу, чтобы искать справедливости и вдовьей доли.

Родственники, успевшие захватить поместье не желают огласки. Им проще убить скромную провинциалку, чем расстаться с нажитым, но... их ожидает сюрприз. Жак дю Боттэ оставил завещание в пользу юной супруги! Кто поможет, кто защитит ее?

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Эпилог](#)
-

Пролог

Худая, изможденная девушка медленно шла по лесу, искореженному артиллерией. Она аккуратно обходила воронки, заглядывала во все канавы, искала хоть что-то съедобное под каждым кустом. Эту землю перепахала война, но дома ждали сестра и брат, их нужно было кормить, а ранней весной раздобыть еды можно было только в лесу.

Девушка шла довольно смело – фронт откатился дальше, тыловые службы пронеслись через деревеньку оставив в общественном амбаре два десятка раненых солдат и хромого сержанта. Раненым офицерам местный лорд предоставил свой охотничий домик и пару слуг, вот к домику Амелия и шагала. Он стоял недалеко от болота, и там можно было набрать клюквы или поискать во мху прошлогодние грибы, не съеденные лосями.

Девушка шла так долго, что даже пустая корзина стала оттягивать ей руки. Пришлось присесть передохнуть на бревно у старинной каменной часовни. Она пригрелась на солнышке, и не заметила, как задремала, а проснулась чутко, как зверь, услышав мужские голоса:

– Жак, ты будешь полным дураком, если согласишься! Твой дядя тот еще змей! Он надеется, что ты погибнешь, и оставишь титул и состояние его дочери!

– Да мне плевать, – зло усмехнулся в ответ другой голос, – Алиса сказала, что не желает меня видеть, и уже дала согласие на брак с Ричардсоном!

– Ну и пусть! Это же не повод хоронить себя или отдавать семейное достояние в руки этой алчной рыбки!

– Ты назвал Кларису акулой? – второй голос кажется, повеселел.

– Я офицер и джентльмен! – с преувеличенным пафосом сказал первый, – я никогда не назову даму таким ужасным словом!

Второй негромко посмеялся и сказал:

– Я все понимаю Флай, я же не идиот. Только в этой глуши я не найду ни одной благородной девицы, чтобы заключить брак и натянуть дядюшке и Клариссе их длинные носы.

– Можно наведаться в деревню, – предложил первый, – во время военных действий закон позволяет жениться без позволения сюзерена. Дерзну пари, там найдется какая-нибудь благовоспитанная дочка священника или доктора, в крайнем случае, нищая учительница тоже подойдет!

– Фи, Флай, ты слишком приземлен! Если уж мне суждено жениться, пусть она будет прекрасной незнакомкой, тонкой и воздушной, как этот тростник на пруду! – со смехом отозвался второй.

– Ты хотел сказать – рогоз на болоте? Кто-то прогуливал уроки ботаники!

К этому времени Амелия уже сползла с камня, на котором задремала, и попыталась рвануть наутек.

– Лови ее! – позади раздался азартный голос и через минуту сильные мужские руки обхватили Амелию за талию.

– Попалась, птичка! – двое мужчин в потрепанной армейской форме рассматривали «добычу».

– Смотри, Жак, – усмехнулся тот, что был постарше, и довольно сильно подволакивал ногу. – Все, как ты хотел! Прекрасная незнакомка, тонкая, как тростник в пруду!

Второй оказался совсем молодым. Его рука покоилась в черной косынке, лоб пересекал довольно грубый шрам, но в остальном он выглядел здоровым.

– Кто ты? – спросил Жак, всматриваясь в лицо девушки.

– Амелия, – тихо ответила она, истово молясь про себя, чтобы ей ничего не сделали.

– У тебя есть родные, Амелия? – он отстранился, но не выпустил ее из рук.

– Брат и сестра, – стуча зубами от ужаса, ответила девушка.

– А родители? – теперь офицер повернулся так, чтобы его шрам скрылся под отросшими волосами.

– Погибли.

– А кем они были?

– Отец священник, а матушка принадлежала роду де Фийяр.

Мужчины переглянулись.

– Думаю, сами Светлые привели сюда эту крошку, – сказал Флай.

– Амелия, скажи, ты можешь помочь человеку избежать смертельной опасности?

– Опасности? – от неожиданного вопроса девушка растерялась.

– Я наследник титула, которым желает завладеть мой дядюшка. Перед войной я был помолвлен с одной благородной дамой, но после ранения она отказала мне и вышла замуж за другого. Дядя настаивает, чтобы я женился на его дочери. Я не люблю Кларису. Однако она готова пойти на все, только бы стать графиней. Думаю, меня перехватят у штаба и заставят жениться под надуманным предлогом. А в случае отказа я просто не доеду до места битвы. Его люди всюду присматривают за мной. Но если я женюсь на другой, я стану дядюшке не интересен. А ты сможешь устроить безбедную жизнь своим близким.

Предложение было... странным. Пугающим. Соблазнительным. В доме не осталось ни крошки еды, а пахать и сеять Амелия не умела. Она едва успела вернуться домой из пансиона благородных девиц, когда грянуло ссора с соседями, и ее родной городок оказался в самом центре раздора.

– Я согласна! – твердо сказала она, – но прошу подготовить все бумаги. Если ваш дядя так жаждет ваш титул, он пойдет на многое ради него!

Мужчины вновь переглянулись и потянули Амелию за собой – в часовню. Там в кафедре служителя нашлась бумага, перо и чернила. Сидя на разбитых скамьях, они составили брачный договор, по которому Амели Фонтен становилась супругой лорда Эммета-Жаккарда дю Боттэ, а в случае его смерти получала все его состояние и титул.

– Пропиши отдельно проживание во всех домах, – подсказывал старший товарищ, – получение доходов с земель, и титул для наследника.

– Какой наследник? – усмехнулся в ответ Жак, касаясь кончиками пальцев своего шрама, – скажи спасибо, что девочка так ослабла, что не смогла от меня убежать.

– Пропиши, – настаивал Флай, – девочка из хорошей семьи и не глупа. Пусть ее кровь продолжит род, если ты не вернешься.

– Ты прав! – Жак добавил строчку и кинул взгляд туда, где бродила по камням его будущая жена.

Амели не сидела рядом – она собирала первоцветы, чтобы составить букет невесты. Пусть на ней болтается поношенное платье,

пусть волосы в беспорядке после бега – невесте положен букет, и он у нее будет!

Через час ее позвали к брачной чаше. Девушка внимательно изучила документ, добавила одну строку, и подписала. Лорд Боттэ даже смотреть не стал, что вписала невеста – подмахнул бумаги, и вместе с ней опустил руку в чашу с водой.

Клятвы зазвучали под старинными осыпающимися сводами. Мужской голос произносил их громко, четко, даже с оттенком злорадства – должно быть лорд дюБоттэ представлял реакцию дядюшки на его внезапный союз. Женский голос звучал звонко, как натянутая струна – вот-вот оборвется, или сыграет еще одну ноту?

– Все! – Флай закончил читать традиционный текст из сборника храмовых молитв и добавил: – объявляю вас мужем и женой! Можете поцеловаться!

Амели отшатнулась, хотя Жак даже не наклонился к ней. Просто усмехнулся, протянул руку:

– Пойдем, жена, познакомлю тебя с нашей компанией.

– Мне бы домой... – невнятно проговорила девушка, глядя на солнце, стоящее в зените.

– Да, ты же куда – то шла! – вспомнил офицер. – Куда же?

– На болото, – Амели подхватила свою корзинку, едва они вышли из часовни, – хотела клюкву поискать, или прошлогодние грибы. Хоть суп сварить для Иланы и Бриса.

Мужчины новым взглядом посмотрели на тонкую фигуру в слишком просторном платье.

– Тем более идем к нам, – решительно потянул ее за собой Флай, – у нас там кое-что на кухне осталось, поешь и своим возьмешь. Главное – бумаги не потеряй!

Глава 1

Амелия Фонтен, точнее Амели дю Боттэ смотрела на бумаги в своих руках и вспоминала тот день. Ее действительно привели к охотничьему домику графа. Досыта накормили жидкой горячей кашей. Ее тогда развезло, потянуло в сон, и мужчины проводили до самой деревни, поставив в корзинку горшок варева, Отделив от своих припасов немного крупы, пожелтевшего к весне сала и соли. Флай, стесняясь сунул даже несколько кусочков сахара в старом письме.

Эта крупа и каша помогли им выжить. Дотянуть до травы, первой огородной зелени и ягод. Илана и Брис тогда еле ноги таскали, но уцелели. А теперь... им некуда идти.

Тем же летом деревню прислали нового священника. Молодого, энергичного с такой же молодой и энергичной женой. Поначалу миссис Пимберли ласково отнеслась к сироткам, восхитилась их стойкостью, расспросила о местных жителях и доходах. Но выяснив, что деревня небогата, а все, что есть в доме принадлежит семье Амели, начала попрекать их каждым куском, лазить по сундукам и намекать, что они с мистером Пимберли не так богаты, чтобы содержать чужих детей. Вот когда девушка возблагодарила привычку матушки помечать монограммой все свои вещи – от нижнего белья, до столового сервиза! В противном случае, миссис Пимберли просто отобрала бы все, что принадлежало семейству Фонтен!

А уж когда священник попытался защитить их перед супругой, сказав, что Амели многое делает для местных жителей, даже бесплатно уроки ведет для девочек, миссис взвилась, и заподозрила девушку в кокетстве со служителем церкви! По селу поползли неприличные слухи, от мисс Фонтен стали шарахаться прежние хорошие знакомые.

Зиму в такой обстановке они пережили с трудом. Амели распродала почти все, что уцелело в сундуках, и поняла, что у нее не осталось выхода. Нужно ехать в столицу, искать своего нечаянного супруга, и просить его о помощи! Последнее сокровище – серебряный кубок, девушка продала трактирщику. На дилижанс нужны деньги.

Багажа с собой было мало – один маленький сундук с книгами, памятными безделушками и кое-какой одеждой, перешитой из родительской. Самой большой ценностью были вот эти самые бумаги и пачка пожелтевших писем – у матушки в столице все же были родственники, и если мужа найти не получится, придется обратиться за помощью к ним.

Последний раз окинув взглядом знакомый с детских лет пейзаж, Амели убрала бумаги в сумочку, поправила ленты шляпки и двинулась к стоянке. Там уже приплясывали от прохладного весеннего ветра Илана и Брис. Сестра очень вытянулась за зиму, ее темные глаза стали просто огромными на бледном худощавом личике. Брат, напротив, словно остановился в росте, и старательно прятал покрасневший нос в потертый отцовский шарф.

– Сейчас сядем в дилижанс, и согреемся! – пообещала им девушка, услышав цокот копыт.

– Скорее бы! – буркнул Брис. Ему только-только исполнилось восемь, но он считал себя мужчиной и защитником сестер.

Илана просто поежилась и спрятала руки в муфту. Девочке двенадцати лет хотелось быть красивой, и Амелия не стала убирать в сундук милую вещичку, пошитую, когда-то для нее самой. Отдала, обходясь перчатками домашней вязки.

Стук копыт приблизился. Заметив пассажиров, кучер натянул поводья:

– В город, барышня?

– В город!

Старик спрыгнул с облучка, и поставил сундучок на грудь другого багажа. Амели отдала деньги за проезд, и втиснулась на скамью за спиной кучера. Детям пришлось сесть на узкие возвышения в центре экипажа. Неудобно, тесно, трудно держаться, но других вариантов не было. Дилижанс ехал медленно, но все же быстрее чем идущий пешком человек. В тесной коробке сидела парочка хмурых мужчин – по виду рабочих, выбиравшихся в деревню к семье, пожилая дама в черном платье, и женщина непонятного возраста, в черном капоре и сером платье.

Амели сдержала вздох. Ее собственное платье тоже было черным. Точнее бурым до черного. Война изрядно выкосила провинцию, но экономя на крепе вдовы просто красили свои повседневные платья чем

придется, и продолжали носить, штопая локти и подолы. Заливаясь слезами, девушка сварила, когда-то любимое голубое платье в отваре ольховой коры. Цвет получился скорее грязным, чем черным, поэтому детские вещички она перекрашивать не стала. Нашла кое-где траурные повязки, да запаслась парой черных лент, зная, что детям пренебрежение трауром простят, а вот ей – нет.

До ближайшего городка добрались часа через четыре. Там сделали остановку, попили ледяной воды из колодца, съели по пирожку и снова забрались в дилижанс. Дорога до столицы должна была растянуться на несколько недель, но Амели понимала, что дети не выдержат непрерывной поездки, поэтому планировала маленькие остановки в тех городах, где располагались порталные станции. Увы, на портал у нее попросту не было средств. Это колдовство до сих пор было слишком дорогим и даже при наличии магических стабилизаторов требовало от мага большого умения и сил. Путешествие в дилижансе втроем, стоило дешевле, чем один переход от границы в столицу.

К вечеру дети так устали, что даже ныть и капризничать не было сил. Амели решила, что пора сделать остановку. Она попросила кучера снять их багаж, и внести в маленькую гостиницу при почтовой станции. Тут было шумно, многолюдно и довольно грязно, зато дешево и безопасно. Они сняли одну комнатку с большой кроватью, быстро умылись, проглотили какой-то невнятный суп из мясных обрезков и крупы, а потом упали и уснули. Девушке едва хватило сил пихнуть саквояж с бумагами и деньгами под кровать.

Утром, приведя себя в порядок, все трое вышли размять ноги. Сундук оставили в гостинице, узнали, когда будет следующий дилижанс, уточнили, где тут ярмарка и двинулись гулять. Амели даже нашла для младших по медячку – на леденцы.

Бродили до вечера. Измерзлись, устали, поэтому гостиничное варево проглотили, не присматриваясь и снова упали на кровать. В пять утра их уже разбудила местная прислуга, выдала стакан кипятка с куском хлеба и показала на стоящий у выхода дилижанс. Упав на лавку, путешественники всеми силами старались погрузиться в дрему, чтобы не видеть однообразные, унылые пейзажи за грязным стеклом кареты. На остановках перекусывали, разминали ноги, и ехали дальше, до тех пор, пока Илана не начинала плакать во сне. Тогда снимали

номер, грелись, спали, ели горячее, чтобы через день-два вновь уместиться на жесткой скамье дилижанса.

Примерно в таком режиме Амели и дети ехали целый месяц. Постепенно серая хмарь сменилась ласковым солнцем, а на обочинах расцвели подснежники, когда самый новый и удобный из всех виденных ими дилижансов въехал наконец в столицу.

Глава 2

Даже окраина столицы ошеломила провинциалов. Здесь было шумно, грязно, ярко и...сытно. На каждом углу продавались горячие пироги, сбитень, бульон или морс. Возле станции дилижансов толпились люди, толкались, зазывали, кричали. Здесь практически не было траурных одежд – видимо столицу не коснулись нападения странных крылатых людей из соседнего королевства. Впрочем – люди ли они?

Амели с каменным лицом попросила служащего отнести сундук в гостиницу, и сжалась, услышав, сколько будет стоить одна ночь в номере на троих с ужином и мытьем в общей купальне на этаже. На эти деньги в провинции они бы неплохо прожили месяц. Или не слишком хорошо – два. И к тому же это были практически последние их средства. Недрогнувшей рукой девушка внесла оплату, и заметив у конторки кипу старых газет попросила их почитать.

– Да берите, барышня, – махнул рукой портье, – это хозяйка принесла у дверей стелить, чтобы господа обувь свою ставили, для чистки. Полы не портили. У меня еще есть. А как прочтете сюда вот в ящик положите.

– Спасибо вам! – искренне сказала девушка.

Она подхватила тяжелую пачку бумаги, и вместе с Иланой и Брисом поднялась на третий этаж, в маленький «спальный» номер, в котором была, собственно, только кровать, стол и место для их сундука.

Пока дети мылись, девушка успела просмотреть газеты, и выяснить, что они как раз годичной давности. Война, которая уничтожила их прежнюю жизнь в столичных изданиях называлась «пограничной стычкой». Потери упоминались вскользь, зато долго и подробно расписывалось триумфальное возвращение наследного принца «после победы над мерзкими гангутами». Правда списки некрологов подсказывали что «мелкая стычка» была не такой уж мелкой, но кто их читает эти некрологи, кроме древних стариков, да тех, кто проводил на войну близких?

Амели быстро отыскала газеты со дня своего брака и дальше. Перебрала, обращая внимание на некрологи и с комком в горле прочитала: «Скорбим. Граф Эммет-Жаккард дю Боттэ, погиб в стычке с гангутами, прикрывая отход своей части. Честь и слава! Посмертно награжден орденом». Больше ничего. Никаких упоминаний о свадьбе, титуле и владениях.

Поискав еще немного, Амелия нашла упоминание о Клариссе дю Боттэ, ставшей украшением балов сезона. А также смутное упоминание о возвращении к началу сезона виконта Флайверстоуна. По словам журналиста, благородный лорд получил ранение во время «пограничной стычки», и теперь является на балы с тростью, пугая дам своим мрачным видом, точно герой готического романа. К этой заметке прилагалась литография довольно плохого качества, но Амели смогла узнать того самого «Флая», который провел церемонию для нее и графа дю Боттэ.

Больше ничего полезного девушка не нашла, зато пришел ее черед мыться и ужинать. Если к рассвету она не придумает, как ей найти родню супруга, придется ехать к тетке со стороны матери, благо адрес имелся, и просить о приюте, хотя бы на первое время.

Впрочем, уже в неопрятной серой мыльне девушке пришло в голову, что она не сможет просто так, с улицы зайти в дом дю Боттэ и предъявить бумаги. Их могут просто отобрать и сжечь. Нужно сначала найти нотариуса, подтвердить подлинность бумаг, сделать копии, а потом уже доказывать свое право на вдовью часть и все, что указано в брачном контракте.

Значит сначала к тетке, потом поиск работы – нотариус стоит денег, а уж потом претензии к наследникам семьи дю Боттэ. Ради себя Амели не пошла бы на такую авантюру, но у Бриса проявился огненный дар. Его надо учить, чтобы он не выгорел, а Илане пора уже посещать школу для девочек, чтобы приобрести знания и умения, положенные благородной девушке. И на это все тоже нужны деньги, или хотя бы связи.

Когда принесли ужин – жидкий суп, небольшие котлетки с овощным рагу и компот, девушка подождала, пока младшие наелись и рассказала им свой план. Поиск родственников и работы сестру и брата не вдохновил, но дети уже достаточно повидали, чтобы понимать, как важно учиться и чем грязная работа отличается от

чистой, поэтому возражать не стали – помолились Светлым и легли спать.

Утром, когда шум за окном разбудил их, Амалия встала первой, привела себя в порядок, и наказала детям ждать ее.

– Если придут и скажут освободить номер, попросите снести сундук вниз, и подождите меня у крыльца. Я постараюсь вернуться, как можно быстрее! – сказала она и поспешила выйти на улицу.

Уже светало. Показав извозчику конверт с адресом тетки, Амели узнала, что проезд до нее обойдется в пять медяков, и вздохнув согласилась.

Ехать пришлось не далеко. Сестра матери жила в простом районе, где дома часто делились на два хозяина и почти не имели прилегающей территории – так, дровяной сарай поставить, или конюшню на одну лошадь. Весна еще не укрыла улицу зеленью, поэтому заметны были покосившиеся крылечки, слетевшая от зимних бурь черепица, и пустые горшки с торчащими ветками гераней. Вид был унылым и небогатым, но выбирать не приходилось.

Договорившись с возницей, что он несколько минут подождет ее у крыльца – вдруг тетушка не примет внезапно свалившуюся на голову племянницу? Амелия постучала в двери. Ей открыла служанка в грубом коричневом платье и простом холщовом переднике:

– Что угодно? – тускло спросила она, пряча под передник натруженные красные руки.

– Госпожу Парис, – вежливо ответила Амели, – скажите, что ее желает видеть племянница. Мисс Амели Фонтен.

Служанка прикрыла дверь и ушла. Вернулась она не одна. На пороге появилась сухопарая дама в черном платье с белым воротничком.

– Амелия? – строгим тоном спросила она, – что привело тебя ко мне?

– Если позволите войти, тетя, я все расскажу! – вежливо ответила девушка, готовясь развернуться и уйти. Она уже поняла, что трое нахлебников здесь лишние.

– Входи! – к ее удивлению, сказала женщина и отступила в глубину коридора.

Девушка вошла и поняла, что неприглядный внешний вид скрывал довольно уютный и удобный, а главное теплый дом! После

коварных весенних ветров и долгого путешествия аромат свежей выпечки и кофе пленял.

Следом за чопорной дамой, Амели прошла в гостиную, отдала служанке плащ, шляпку и перчатки, присела в широкое потертое кресло, взяла в руки чашечку кофе и... не заметила, как рассказала тетушке практически все! С трудом удержала только новость о своем замужестве.

– Значит, вы приехали сюда, потому что вас просто выжили, – тетушка сидела с каменным лицом, и спокойно рассуждала. – Первое время я смогу вам помочь, а потом выйдешь замуж, устроишь детей в школы, и все будет хорошо.

Амелия выдохнула. За время затянувшегося кофеепития тетя Сибилла успела рассказать ей, что овдовела чуть больше года назад. Ее муж был много старше, да еще провел молодость в походах, вот и не долго прожил в отставке.

– Хорошо, что мы успели купить дом, – так же ровно и спокойно рассказывала она. – Стефану год до выпуска из военной академии. У нас нет денег и связей, так что распределят его в какой-нибудь дальний гарнизон, а с вами я не заскучаю.

После беседы госпожа Парис велела служанке отыскать извозчика, и вместе с Амелией поехать за детьми.

– Я могу и сама, тетя, – попыталась отказаться девушка.

– Привыкай, – строго сказала ей она, – здесь в городе молодая девушка без компаньонки или мужчины легкая добыча!

– Спасибо! – искренне сказала Амели, садясь в коляску.

Глава 3

Дети, как встопорщенные воробушки сидели на сундуке возле гостиницы, и завидев Амели радостно бросились ей навстречу. Девушка обняла их, попросила прощения, что задержалась и с помощью крепкой служанки погрузила их скромный багаж в экипаж.

К домику тетушки ехали с хорошим настроением. Брис вместе с Иланой рассматривал город, спешащих людей и разносчиков. Вдалеке виднелись шпили королевского дворца, и Амелия пообещала брату и сестре, что когда-нибудь они непременно сходят погулять к решетке дворцового парка и, может быть, даже увидят самого короля!

Внутри девушка тряслась, как заячий хвост – что, если тетушка уже передумала? Вдруг она увидит детей и решит, что слишком стара для таких волнений? Или ей просто не понравятся Илана и Брис? Но внешне Амелия оставалась безмятежной и только слишком громкие и подробные объяснения выдавали ее тревогу.

Тетушка встретила их у дверей. Поздоровались, познакомились, и двинулись смотреть комнату, которую им могли предоставить. Это была обычная гостевая комната с большой кроватью, столиком для умывания и комодом. С первого взгляда она мало чем отличалась от тех гостиничных номеров, в которых сестры и брат Фонтен побывали за время путешествия.

– Здесь есть чистое белье, – тетушка кивнула на комод, и полотенца. Купальня и прачечная у нас внизу, в пристройке. Под кроватью есть кушетка, думаю она подойдет мальчику.

– Спасибо, тетя Сибилла, – Амели постаралась улыбнуться.

– Умывайтесь с дороги, устраивайтесь и приходите завтракать, – распорядилась тетушка и вышла.

– Мелли! – впечатлительная Илана прижалась к сестре.

– Все хорошо! – постаралась ее утешить старшая, – давайте умоемся, поправим прически и спустимся вниз.

Брис предпочел молчать.

На завтрак служанка подала кашу, немного патоки, и травяной чай с булочками. Дети поели, согрелись, их щечки покраснелись и Амели

поняла – они вот-вот начнут шуметь, захотят побегать, и просто изучить новую территорию.

– Тетя, – спросила девушка, – поблизости есть какой-нибудь парк? Илане и Брису полезно прогуляться!

– Да, вверх по улице есть общественный парк, – сказала тетушка, – раз уж вы собрались гулять, зайди в лавку, Амели, нужно кое-что купить для кухни.

Список покупок оказался внушительным. Мыло, крупа, патока, масло, Служанка вручила гостье объемную корзину, а вот денег тетя не предложила. Амели сдержала вздох. Ожидаемо. Их не просят платить за дорогое столичное жилье, но и кормить даром не собираются. Нужно срочно искать работу и бесплатную школу на первое время.

Она знала, что в любом городе есть магическая школа. Туда с радостью примут Брису – магически одаренный ребенок будет обласкан, и даже получит небольшую стипендию от короля или храма. Учить будут хорошо, а лет в пятнадцать начнут уговаривать пойти на службу. Если школа храмовая – то в храм, если королевская – то мелким чиновников в одно из многочисленных ведомств. В любом случае брат не пропадет, да и мал он пока для серьезной учебы. Вот через два года его уже могут взять в королевскую военную школу или закрытый лицей.

А с Иланой сложнее. Она не маг. Хотя их матушка принадлежала к аристократическому роду, как и тетя Сибилла. Но все же дети Иланы могут стать магами. Нужно лишь дать сестре приличное образование, и подыскать в мужья хотя бы офицера. И для того, и для другого нужны деньги. Школы для юных мисс стоят немало, но даже если найдется желающий похлопотать за сироту, участь бесприданницы печальна.

О себе Амели не думала – она успела получить образование в пансионе, и даже приобрести профессию. Ее скромные магические способности позволяли ей быть безупречным... каллиграфом. Для девушки из благородной семьи это умение было достойным и благородным. Ее даже научили копировать миниатюры из старинных храмовых трактатов, наносить позолоту на переплеты и заглавные буквы, а также рисовать и вышивать удивительные розетки, цветы и сказочных чудовищ для украшения папок или книжных футляров.

Даже в охватившей их дом нищете Амелия сохранила все свои инструменты, несколько качественных перьев и кистей, флакончики с разноцветными чернилами и даже три-четыре стопы хорошей бумаги. Она любила писать. Когда рука замирала над безупречным листом, для нее начиналась магия.

Отец-священник очень любил храм, в котором служил и мечтал, чтобы его дети остались жить в их скромном доме. Для этого он постарался развить в них полезные для церкви навыки и привычки. Амелия рано проявила свои способности и ее готовили в переписчицы старинных трактатов. Брису предстояло занять место отца, когда мистер Фонтен постареет. А Илане была уготована роль достойной жены и матери, кроткой и послушной. И до той самой «пограничной стычки» планы мистера Фонтена казались исполнимыми.

Тогда в их доме были кухарка, прачка и горничная. Миссис Фонтен занималась воспитанием детей, цветами в саду, и пением в храме. Мистер Фонтен вел службы, навещал прихожан, а в свободное время неплохо резал по дереву, и собственноручно украсил скамьи и двери в церкви и в доме.

Внезапное нападение гангутов застало жителей деревни врасплох. Люди готовились к празднику перелома зимы, и не ожидали того, что случилось после. Волна солдат в черных мундирах с алыми кантами затопила деревушку за несколько минут. Многие жители погибли, не успев осознать, что произошло. Их дома и амбары были разграблены, а уцелевшие – сожжены. Дом священника и храм избежали огня, потому что стояли в стороне от прочих жилых домов, на холме. Туда просто поленились нести факел.

Амели и детям повезло – они были в маленьком садовом домике, украшали его к празднику, предвкушая, как через несколько дней будут украшать «большой дом». Когда раздался шум, Амелия первая выглянула в окно и... предложила младшим поиграть в тихих мышек. Они забились под стол и скамейки, и затихли. До садового домика солдаты не дошли. Храм тоже не тронули. В доме многое перевернули, порвали, опрокинули, но как-то походя. Не тронули даже сундук с матушкиным приданым, зато не поленились разворошить амбар и вывезти все зерно.

Кто же знал, что у миссис Фонтен слабое сердце? Увидев пламя в саду, она решила, что дети погибли, и умерла на месте. Мистер Фонтен

продержался две недели. Похоронил жену, совершил поминальные службы по всем погибшим односельчанам, нашел доброе слово для каждого кроме...себя. Едва гангуты убрались, и люди начали понемногу восстанавливать дома, мистер Фонтен полюбил сидеть напротив кресла жены, не замечая, что по лицу текут слезы.

Таким вот – заплаканным, сидящим в кресле его и нашли однажды утром. Амели потом долго ругала себя. Ей не следовало брать на себя заботу о младших, нужно было теребить отца, требовать участия в ежедневной жизни семьи, но тогда девушка решила, что может взять на себя эту обузу, чтобы мистер Фонтен скорее пришел в себя. А он ушел вслед за любимой женой, сообразив, что за младшими может присмотреть Амели.

Глава 4

Стряхнув болезненные воспоминания, Амели вывела младших на крыльцо, повторила для них вслух адрес, и неспешно пошла с детьми вверх по улице, рассматривая все вокруг. Бакалейная лавочка попалась им по дороге, но девушка разумно решила сделать покупки на обратном пути. Незачем бродить по улице с тяжелой корзиной.

Дети веселились, дергали сестру, показывая интересные здания, вывески и нарядно одетых, совсем не по-деревенски людей. Амели старательно улыбалась, кивала, но не поддерживала разговор. Ее мучила необходимость как можно быстрее найти работу. Тетушка не должна содержать троих родственников, свалившихся на нее, как снег на голову. Довольно того, что она предоставила им недешевое столичное жилье. Но где и как она может приложить свои умения?

Дать объявления о переписке черновиков? Так нужно иметь рекомендации, искать клиентов. Подписывать визитки и карточки в типографии? Тоже нужны связи, юную мисс с улицы не возьмут. Поискать место учительницы или гувернантки? Диплом «школы юных мисс» давал право на такую деятельность, но с кем останутся дети? Амели не вправе вешать их на шею престарелой тетке!

Думая обо всем этом, девушка старательно рассматривала доски объявлений, купила газету за два медяка и сунула в корзину, чтобы изучить объявления позже. Даже присмотрелась к детям, гуляющим в парке с нянями и боннами – может все же попробовать? Илане и Брису между тем надоело гулять просто так и они потянули сестру на детскую площадку.

В этом парке все было устроено разумно и по возрасту. Для совсем маленьких детей, гуляющих в колясках, была устроена кольцевая аллея, обставленная скамейками. Нянюшки катали по ней малышей, останавливались, присаживались, болтали. Тихий уголок давал младенцам возможность выспаться на свежем воздухе.

Рядом располагался засыпанный песком круг, отгороженный плотной веревочной сеткой. Тут лепили куличики дети постарше. Для остальных была большая площадка полная снарядов для развития тела и даже немного для ума. Амели первая увидела отличную графитовую

доску в тяжелой деревянной раме и целую грудку разноцветных мелков в коробочке. На доске висела табличка, что это дар городу и парку от купца, чьи дети любили тут гулять.

– Илана, Брис, смотрите! Здесь можно порисовать! – Амели позвала младших, а у самой пальцы зудели – как давно она не имела возможности сделать что-то для удовольствия!

Пока младшие нехотя карябали домики и кошек, Амели нарисовала свернувшегося огнедышащего дракона, изображающего букву «О». Бросив мелки в коробочку, девушка чуть отстранилась, отряхнула пальцы, потом подумала, взяла мелок и дописала слово «Огонь» самым четким старинным шрифтом, каким умела. Потом вынула из кармана платок, чтобы стряхнуть мел с пальцев и услышала за спиной громкий разговор:

– А я тебе говорю, что этот косорукий нахал испортил заказ графини! Триста приглашений! Триста! Брось все и найди мне специалиста, Марек, или я тебя уволю!

– Но дядя! Где я вам найду каллиграфа за одну ночь!

– Ничего не знаю! Если к четвергу мы не изготовим триста уникальных приглашений, и потеряем заказ, я тебя не просто уволю, я тебя на части разорву!

Амели с интересом обернулась и увидела кругленького невысокого человечка, буквально напрыгивающего на высокого худощавого юношу, одетого, как небогатый клерк.

– Господа, – вежливо кашлянув она привлекла их внимание, – я невольно услышала, что вы ищите каллиграфа?

– Какое вам дело до этого, барышня? – огрызнулся коротышка, вынимая огромный клетчатый платок, и утирая им пот со лба. – Идите уже куда шли! Не мешайте мне порвать это длинноногое ничтожество на кусочки!

– Дело в том, сударь, – пряча улыбку сказала Амели, – что я каллиграф. С дипломом.

– Видели мы таких каллиграфов! – снова буркнул коротышка, и отвернулся, а вот молодой человек явно разглядел то, что Амели написала на доске.

– Позвольте представиться, мисс, – вежливо улыбнулся он, – Марек Четвертинский. Простите моего дядю, ему не видно то, что вы написали.

– Мисс Амели Фонтен, – так же вежливо улыбнулась в ответ девушка, открывая доску взглядам мужчин.

– Это вы? – коротышка подпрыгнул на месте и подбежал к доске. – Это правда написали вы? А еще можете?

– Это я. Да, могу, я же каллиграф с дипломом.

– Напишите вот тут! – толстячок ткнул пальцем в свободное пространство доски: Марк Четвертинский!

Амели постаралась. Взяла сразу два мелка – одним тщательно вывела имя и фамилию, строгим полууставом, вторым подчеркнула некоторые линии и схулиганила – изобразила над последней буквой крохотную корону.

– Вот! А ты спрашивал, где найти каллиграфа! – расцвел обаятельнейшей улыбкой толстячок и ткнул молодого человека локтем в бок: – улыбайся и договаривайся с девушкой! Триста приглашений! Триста!

Наверное, дядюшка Марек Четвертинского полагал, что молодой человек будет улыбаться, целовать ручки и тем убедит Амелию подписать приглашения бесплатно. Что может быть проще, чем задурить голову наивной провинциалке в потертой траурной шляпке? Однако за долгое время в пути, девушка научилась не только искать работу, но и требовать за нее плату.

Да поначалу с ней норовили рассчитаться тарелкой супа, за тщательно переписанное меню. Потом предлагали пару кругов колбасы, за красивую вывеску, на которую ушло почти два дня работы. Но после четвертого или пятого случая Амели научилась требовать монеты, заключать договоры и не опасаясь звать полицию или взывать к храмовому правосудию. Потому что желающих нажиться на юной девушке находилось предостаточно!

– Прекрасная мисс Фонтен, вы же не откажетесь немного выручить нас? К сожалению, постоянный работник подвел дядю, испортил почти две дюжины карточек и ушел гхм, в общем он заболел.

Амели потупилась, чтобы скрыть смех в глазах. Частая «болезнь» у работников-мужчин. Для них выписывание «финтифлюшек» казалось чем-то оскорбительным. Мало кто осознавал, сколько денег знать готова была тратить на эти «мелочи». Красиво подписанная карточка или приглашение означали стабильность, богатство,

знатность... Небрежные строки на дешевой бумаге напротив могли предвещать падение семьи, утрату доверия или денег.

– Я уяснила ваши сложности, мистер Четвертинский...

– О, зовите меня Марек! – молодой человек изящно склонился над рукой девушки, – мистер Четвертинский – это мой дядя.

– Марек, – мягко улыбнулась Амели, вспоминая подозрительную потертость на курточке брата. Новая обойдется в пятьдесят монет, а еще хорошо бы купить новые туфельки для Иланы... – Сколько вы готовы заплатить за срочное написание трехсот приглашений? Самым изящным почерком?

– Мисс Фонтен, разве в деньгах дело? – молодой человек попытался придать руку девушки к своему боку, превращая вежливый жест в полубоьятие.

– Именно в деньгах, мистер Четвертинский, – Амели выдернула ладонь и отошла в сторону. – Или вы платите мне двадцать пять монет аванса и столько же по завершении работы, или ищите себе каллиграфа в другом месте!

– Что? Двадцать пять монет! Побойтесь Светлых, девушка, это грабеж! Да накарябать по пять строчек на куске картона сможет любой студент!

– Сможет, – прищурилась Амели, вспоминая, сколько часов просидела именно над «аристократическими» завитушками.

Для храмовых книг требовался совсем другой стиль письма – строгий, угловатый, разборчивый. Но ее учитель считал, что хороший каллиграф умеет все! Он даже приносил ей клочки пергамента из музея, и заставлял повторять странные и непонятные знаки. Выкупал у редких путешественников книги на незнакомых языках, а однажды вообще купил хм, ночной горшок, украшенный странными значками и с восторгом рассматривал их, выбирая кисть, которой можно повторить такие интересные линии!

– Нацарапать. И оскорбленная графиня больше никогда не сделает заказ у вас.

– Да вы меня без ножа режете! Как я смогу прокормить своих шестерых детей, если буду платить по двадцать пять монет за один заказ?

– Весь заказ обойдется вам в пятьдесят монет, – скрупулезно уточнила девушка, – и эти деньги нужны мне, чтобы прокормить моих

детей!

Услышав ее слова насупившийся Брис и хмурая Илана подошли ближе и уставились на толстячка.

– Ладно-ладно, я понял! – всплеснул короткими пухлыми ручками мистер Четвертинский, – но за пятьдесят монет вы подпишите еще и конверты!

– Если кто-то из ваших служащих будет мне диктовать! – сразу выставила условие Амели.

Ей случалось помогать почтарю, и она знала, что именно под диктовку писать получается быстрее.

– Марек! – снова театрально воскликнул толстячок, – ты нанял эту барышню, ты и возись с ней!

– Сначала договор! – строго сказала Амелия, крепко сжав руки в складках юбки.

Удача, причем невероятная! Она думала, что придется неделями оббивать пороги контор, читать объявления или расспрашивать соседей, но сами Светлые подарили ей возможность!

– Какая... шустрая девушка! – мистер Четвертинский подпрыгнул на месте, осмотрел Амели с ног до головы и сказал: – женись, племянник! Дешевле обойдется!

Племянник усмехнулся и предложил Амелии локоть:

– Прошу вас, мисс, договор можно заключать в устной форме, если есть свидетели и сумма не превышает ста монет. Полагаю эти милые дамы, – тут он кивнул головой на нянек, с любопытством глядящих в их сторону, – подтвердят, мои слова.

Девушка хмуро взглянула на молодого человека. Словам она доверяла... слабо.

– Хорошо, хорошо! Сейчас!

Присев на скамью, Марек вынул из недр своего пальто свернутый лист бумаги и карандаш. Записав условия договора, он дал его проверить Амелии, показал дяде, потом подозвал двух нянюшек, и объяснил, что он только что написал и зачем. Те покивали, прыснули, когда он попросил их стать свидетельницами, но согласились посмотреть, как «две договаривающиеся стороны» подпишут бумагу.

– Вы юрист? – услышав формулировку уточнила Амелия.

– Нет, – улыбнулся молодой человек, – просто привык составлять договоры для нашей конторы. Благородные лорды порой не прочь

сэкономить, и заказать визитки, а потом не хотят платить.

Девушка покивала, а Марек продолжил:

– Пойдемте, я покажу вам нашу контору и ваше рабочее место. Срок исполнения заказа наступает через три дня. Придется спешить.

– Мне нужно отвести детей домой, – покачала головой девушка, – и зайти в лавку. Тетя просила купить кое-что для дома.

Видимо господам Четвертинским **ОЧЕНЬ** нужен был каллиграф, потому что под нервные причитания старшего мистера Четвертинского их всех усадили в коляску, довели до бакалеи, а потом до дома тетушки. Там Амелия коротко объяснила родственнице, что нашла работу переписчицы, взяла свой саквояж с инструментами, поцеловала младших и пряча дрожь вышла на крыльцо. Тетушка наблюдала из окна, как Марек подсаживает ее племянницу в коляску и кажется не собиралась скандалить.

Глава 5

Контора располагалась в узком двухэтажном здании. Нарядный фасад из красного кирпича украшала позолоченная вывеска, окна сияли, на двери блестел начищенный медный молоток. А позади пряталось простое как кирпич здание типографии – серое, тусклое, и практически лишенное окон. Оттуда доносился гул печатных станков, крики наборщиков и стук молотков, выбивающих литеры из болванки.

Амелию быстро провели через маленький, но нарядный холл, в простецкий кабинет. Тут были стол с чернильным прибором, потертый стул, этажерка с картонными коробочками, отмеченными красиво выписанными буквами, и лампа с зеркальным отражателем. Вот лампа девушку порадовала – она говорила о том, что тут работал каллиграф, умеющий ценить правильное освещение.

– Вот ваше рабочее место, – Марек быстро выдвинул стул. – Вот заказ и образцы.

Молодой мистер Четвертинский снял с этажерки коробку с буквой «Б», а из нее извлек папку со списком гостей и адресов. В коробке у стола нашлись продолговатые карточки снежно-белой бумаги. Весьма плотной и качественной. Амели не часто доводилось писать на такой, но девушка не стала спешить. Она уже заметила в корзине под столом обрывки точно таких же карточек.

– Сначала мне нужно зажечь лампу, проверить перья и чернила, рассмотреть образцы, вымыть руки, и только после этого я буду готова к работе, – сказала она, снимая плащ.

– Прошу! Здесь в коридоре есть небольшая умывальня для служащих, – довольная улыбка работодателя показала Амелии, что это был своеобразный экзамен.

Тщательно отмывая ладони простым серым мылом, девушка признала ход изящным. Диплом можно и подделать, а вот привычка всех обученных специалистов мыть руки, чтобы не оставлять пятен вбита учителями буквально в кровь!

Закончив с водными процедурами, Амели тщательно просушила пальцы, подвернула манжеты платья, проверила, как лежат волосы и взялась за чернильный прибор. Чернила были неплохие, и даже

нескольких цветов. Перья... несколько отличались от тех, к которым привыкла сама Амели, и к тому же были грязноватыми. Возиться с чисткой девушка не стала – помнила, что времени мало. Поэтому она просто вынула из своего саквояжа пенал с самым ходовым набором и разложила его на кусочке фланели.

– Нужна кожаная подложка для карточек и место для просушки. Конверты будем подписывать сразу?

– Так будет проще, – решил Марек, – и быстрее. А подложка лежит вот здесь – он выдвинул незаметный ящик, расположенный под столешницей и Амели обрадовалась.

Здесь видимо неведомый каллиграф и хранил свои сокровища, а то, что стояло на столе предназначалось для любителей схватить чужое. Кроме кожаной подложки, в тайном ящике нашлись запасы отличной промокательной бумаги, запасные ручки из пера орла, из кости, из рога, из черного дерева! Амели восторженно погладила чужие сокровища, но взяла только подложку и промокашку.

– Диктуйте, господин Марек, – сказала девушка, оперев на подставку для чернил карточки-образцы.

– Ее Светлость графиня дю Боттэ приглашает виконта Флайверстоуна на поминальный ужин, посвященный памяти героев, погибших в битвах с гангутами. Траурные ленты обязательны.

Амелия закусил губу и тщательно вывела первую букву...

Тщательно подписав приглашение, девушка промокнула карточку промокашкой, и взялась за конверт. Адрес виконта, адрес графини, промокнуть свежей стороной промокашки и... ах, какая неприятность! Белоснежный впитывающий листочек улетел на пол! Ойкнув, Амелия подняла испорченную промокашку и положила рядом – вытирать излишки чернил с пера. Работа двинулась дальше.

Имена, фамилии, титулы, изящные виньетки и закорючки. Когда живот подвело от голода, мистер Марек положил список на стол, сделал пометку карандашом и жалобно проговорил:

– Мисс Фонтен, я больше не могу, в горле пересохло! Приглашаю вас выпить чаю с печеньем!

– С удовольствием, мистер Четвертинский! – устало отозвалась Амелия, – мы выйдем из конторы?

Вопрос был не праздным – надевать ли шляпку и пальто? Отмывать ли пальцы от чернильных пятен?

– О, нет, у нас есть очень уютная буфетная, и пока вы приведете себя в порядок, я распоряжусь приготовить чай!

Амелия от души поблагодарила молодого человека. Ей действительно нужно было посетить умывальную комнату для сотрудников, но сделать это в присутствии молодого мужчины ей казалось верхом неприличия.

Поправив прическу, и частично отмыв чернила, Амелия вышла в холл, и была встречена недовольно бурчащим мистером Четвертинским-старшим.

– Ходят, чаи гоняют, а работать кто будет?

Этот тон Амелии был хорошо знаком. Именно так бурчала себе под нос миссис Пимберли, когда молодая супруга священника хотела прогнать Амелию с кухни, чтобы не делить с ней и детьми кусок пирога или сухое печенье.

– Если я упаду в голодный обморок, мистер Четвертинский, – вам придется лично подписывать приглашения! – довольно дерзко ответила Амелия.

К удивлению девушки, дядюшка Марек только хмыкнул и буркнул:

– Нет, пожалуй, жениться не стоит, слишком самостоятельная!

Амели не обратила внимание на эти слова. Ее заинтересовал звон чашек. В маленькой комнатке с окном, выходящим во внутренний двор, пожилая женщина в длинном фартуке накрывала небольшой столик. Чайник, чашки, тарелка простых бутербродов с хлебом и сыром, печенье с коринкой, и желтый масляный кекс! Девушка сглотнула и потупилась, чувствуя, как неприлично сейчас выглядит.

– Мисс Фонтен! – Марек Четвертинский появился с другой стороны холла, кажется, он тоже причесался и сменил шейный платок. – Пойдемте, прошу вас! Пора подкрепить силы! Мы неплохо поработали, самое время для чая!

Они присели к столу и съели все до крошки! И выпили весь чай! Поначалу Амели страшно стеснялась своего аппетита, но Марек серьезно сказал ей, что не может позволить столь нужному работнику упасть без сил, и предложил брать одинаковое количество бутербродов и печенья, чтобы никто не считал себя обжорой.

– А если что-то останется, – молодой человек понизил голос, словно раскрывал страаашную тайну, – скормим Пончику! Это наш

кот. Он страшно не любит, когда что-то остается на тарелках, и сразу безжалостно уничтожает любые остатки!

Так, где шуткой, а где серьезностью молодой Четвертинский убедил Амелию плотно поесть, потом размять ноги прогулкой в холле, и только потом вернуться к письменному столу.

– А вы неплохо знаете нужды каллиграфов, – заметила Амелия, устраиваясь на стуле, – неужели никогда не желали учиться сами?

Марек грустно улыбнулся, выудил из тумбы стола кожаную подушку, чтобы подложить под спину девушки и объяснил:

– Меня всегда завораживало это искусство, и я хотел учиться. Дядюшка даже дал добро и привел меня к своему старому знакомцу, чтобы тот позанимался со мной во время каникул. Но оказалось, что это искусство – оно сродни музыке, или умению писать стихи. Для него нужен талант, некоторые физические данные и склонности, а не просто желание. Каллиграфом я не стал, но научился ценить мастеров.

Амелия улыбнулась, вспоминая. Она тоже училась у мастера. Их класс был до смешного мал – всего пять учеников разного возраста. Можно было, конечно, сказать, что в провинции и не нужно столько каллиграфов, но учитель руководствовался какими-то своими правилами набора учеников. Амелию он увидел на выходе девочек из пансиона во время храмового праздника. Сам пришел к начальнице и сообщил, что желает учить одну из пансионеровок. Миссис Гроув обрадовалась, думая, что известный мастер Олди будет давать уроки всем девочкам, но он уточнил, что будет учить только мисс Фонтен.

Когда Амелия закончила пансион, мастер велел ей задержаться в городе еще на год, и даже поселил у себя в доме. Никто не возражал, во-первых, мастер Олди был уже не молод, во-вторых, с ним проживала матушка и две незамужние сестры. У них была своя половина дома с отдельным входом, и каждое утро Амелия торжественно спускалась с крыльца «женской» половины, и обойдя дом через улицу, заходила в «мужскую» часть дома, туда, где жил мастер и его ученики-мужчины.

Остальные ученики тоже были интересными. Например, женатый отец двух детей плотник Сазер. Говорили, что мастер увидел его на базаре, подошел и убедил ходить на уроки. Плотник сначала отнекивался, но позже все же начал ходить, и на момент знакомства с Амели, числился в учениках уже три или четыре года. Еще одним

учеником был мальчишка-подросток Керим. Его бросили на площади, проезжавшие мимо бродяги. Местный трактирщик подобрал младенца, и вырастил себе помощника. Керима мастер нашел в трактире. Схватил за гибкую смуглую руку, когда тот подавал ему ужин, и договорился с хозяином о занятиях. На Амели Керим сначала смотрел, как на пустое место и каждый раз морщил нос, когда девушка появлялась в классе, но потом он оценил ее знания и даже иногда стал обращаться за советом.

Еще два ученика жили прямо в доме мастера. Один высокий и молчаливый моряк по имени Игнис, неведомо как очутившийся в глубине континента. Он заплетал свои светлые волосы в тонкую косицу, а в свободное время плел сети, и ловил рыбу в узкой местной речушке. Что только про него не говорили в городке! То мастер Олди выкупил его в другой стране на невольничьем рынке, то моряк приполз к нему зимой, почти замерзший и погибающий, а мастер пожалел и оставил у себя, то Игнис отдает долг крови, то напротив, мастер ему должен. В общем на самом деле никто не знал, откуда моряк взялся и почему пытается смирить свои грубые пальцы и научиться держать перо или кисть.

Последним учеником был сын местного лекаря. За парня очень просил его отец, и мастер почему-то не отказал, хотя на сына мэра даже смотреть не стал. Вот в такой странной компании Амелия училась целый год.

А незадолго до ее возвращения к родителям на плотника напали, когда он возвращался домой из предместья. Его сильно избили какие-то бродяги, отобрали сумку и скинули побитого Сазера в канаву. Их быстро нашли – они ведь потащили дорогой плотницкий инструментов ближайший трактир, но после побоев молодой крепкий мужчина перестал ходить. Строить дома, быстро двигаться и тесать бревна он уже не мог, а его жена как раз родила третьего ребенка. Мастеру Олди сообщили. Он пришел в дом Сазера, оценил его бледное, похудевшее лицо, измученную жену, кричащих детей и стукнул по полу своей тростью:

– Я не затем учил тебя столько лет, чтобы ты сейчас лежал и складывал свою дурь на плечи своей жены! Вставай! До завтра сделаешь себе стул на колесиках и новую трость! А потом купишь

вместо топора стамески, и займешься делом! Чтобы никто не сказал, что я зря потратил на тебя свое время!

Уходя, мастер все же сунул жене Сазера кошелек, но главное он сделала не деньгами, а словами. Ученик сделал себе стул с колесиками и трость. Купил резцы и стамески, вынул из сарая припасенные для строительства доски и... стал столяром! Рисовал и резал то, что успел увидеть в книгах мастера Олди. Легко изготавливал вывески, гербы, монограммы, рамы для зеркал и шкатулки для косметики и украшений.

Тогда Амелия не поняла, что учеба у мастера Олди спасла целую семью. А вот теперь, выводя букву за буквой на приглашения вдруг прозрела! Выходит, мастер брал учеников не просто так? Он что-то знал? Видел, кому пригодятся знания и умения? Вздохнув, девушка отложила очередной конверт:

– Сто! Мистер Марек, полагаю, на сегодня лучше закончить. Уже стемнело, не хотелось бы портить репутацию себе или тетушке.

– Да, мисси Фонтен, мы отлично потрудились! – утомленно зевнул Четвертинский младший. – Что ж, позвольте вас проводить!

– Одну минутку, я только соберу инструменты! – Амелия аккуратно собрала свои перья и ручки, завернула их в промокашку, потом во фланель и убрала в саквояж. Дома почистит. Вот так. Адрес виконта и графини теперь у нее есть. А дальше... время покажет. Вспомнит ли ее «Флай»?

Глава 6

Работа над приглашениями заняла полноценные три дня. Амели очень переживала – что скажет тетушка? Не успела родственница появиться, как оставила детей в доме, а сама только завтракает, ужинает, моется и спит. Девушка очень просила младших вести себя хорошо, обещая, что после выполнения заказа снова поведет их в парк, и купит что-нибудь вкусное. Илана и Брис серьезно покивали головами, и ни на что не жаловались.

Единственная служанка тетушки подавала Амели утром чашку чая и булку с маслом или джемом, провожала к двери, и уже там вручала корзину и список покупок. Господин Четвертинский-младший встречал девушку у двери в своем экипаже, вез в типографию и до обеда они подписывали приглашения и конверты. Точнее Марек диктовал – она писала. Потом обедали, немного гуляли по холлу, беседовали, пока Амелия разминала кисти специальными колючими шариками из твердого ароматного дерева или согревала их нагретым камнем во фланелевом мешочке. Потом снова писали до самого вечера, и Четвертинский-младший отвозил Амелию к дому тетушки вместе с корзиной. В лавку бегал мальчишка-посыльный, работающий при типографии.

Когда Марек встретил мисс Фонтен у дома тетушки в первый раз, она залепетала что-то про приличия, но молодой человек усадил ее в коляску и строго сказал:

– Экипаж открытый, мисс, и меня хорошо знают в этом квартале. Я живу неподалеку. Право мне удобнее приезжать на службу вместе с вами, чем ждать, пока вы дойдете и волноваться, вдруг вас украли по дороге. Время дорого, как и репутация!

Амели все поняла и смирилась. Всего три дня она потерпит, а потом ей выплатят остаток вознаграждения, и скорее всего больше не позовут. Вернется из гхм... болезненного состояния штатный каллиграф, сезон еще идет, но в начале лета столица опустеет. Кто-то уедет на воды, кто-то вернется в поместья – присматривать за сельскохозяйственными работами, а кто-то останется по делам

службы, но не станет устраивать приемы, для которых нужны будут приглашения.

А значит работу ей нужно будет искать другую. Переписывание бумаг, изготовление образцов, прорисовка узоров для вышивки и раскрашивания – все годилось для заработка. Еще можно было попробовать вновь переписывать меню в каком-нибудь трактире. В столице много образованных людей, поэтому даже в обычных чайных висели нарядные карточки со списком блюд.

Как только у нее получится накопить на заверенные нотариусом копии бумаг, она рискнет отыскать виконта Флайверстоуна. Почему-то девушке казалось, что офицер, потерявший в «пограничной стычке» друга, не откажет в помощи его нечаянной вдове.

С такими мыслями Амелия подписала последний конверт, уложила его в коробку, и довольная распрямила спину:

– Все, господин Четвертинский!

– Слава Светлым! – простонал он, тоже выпрямляясь. – Так, сейчас проверю наличие по списку, потом упакуем все, и придется лично отвезти графине.

Амелия молчала. Она понимала, что маленькое предприятие Четвертинских приносит доход еще и потому, что владельцы сами вникают в каждую деталь и не чураются развезти заказы или вот сидеть три дня с новенькой сотрудницей, диктуя ей титулы и звания приглашенных.

– Вы пока собирайтесь, мисс, я вас отвезу! – между прочим сказал Марек, и продолжил шевелить губами, сверяя список со стопками конвертов.

Девушка не стала медлить – сходила умылась, поправила прическу, приколола шляпку, собрала инструменты. Определившись с работой, она перестала возить с собой весь саквояж – брала лишь небольшую сумку-мешок из потертого черного бархата, и теперь легко несла свою ношу в руках.

Призванный на помощь штатный носильщик составил в коляску коробки с приглашениями и корзинку с покупками для дома тетушки.

– Сначала завезем заказ, – предупредил мистер Четвертинский, – графиня ждет.

– Но ведь до приема еще две недели! – удивилась Амелия.

Она не разбиралась в светских тонкостях. Ее конечно учили в пансионе, но провинциальная школа делала упор на ведение хозяйства и расходных книг, а не на светских мероприятиях.

– Несколько дней графиня будет ставить свою подпись на приглашениях и рассылать их с курьером, – пояснил более опытный в таких делах Марек, – потом те, кто не смогут прийти, пришлют ответы. Для хозяйки приема важно, чтобы у нее вдруг не оказалось тринадцать человек за столом, или тринадцать столов в обеденном зале. Мне случалось даже подрабатывать «тринадцатым гостем», с легкой усмешкой признался он.

– «Тринадцатым гостем»? Как это? – удивилась Амелия, устало разглядывая аристократический квартал, в который они въехали со стороны черных лестниц и задних дворов.

– Так называют человека, который за плату занимает тринадцатое место на премьере или за столом, – с усталой улыбкой пояснил господин Четвертинский. – Некоторые светские люди очень суеверны, а студенты готовы провести скучный вечер за столом или на приеме, за небольшие деньги и еду!

– Удивительно! – отозвалась Амелия, припоминая, что им что-то такое объясняли на уроках по этикету, но ее больше интересовали виньетки с розами и крокусами в том самом учебнике.

Экипаж остановился на заднем дворе великолепного особняка. Девушка невольно залюбовалась и кусочком опрятного сада, и разумно устроенными дворовыми постройками. Владельцы дома весьма аккуратно и практично прикрыли все дополнительные пристройки ажурной решеткой, которую со временем заплел виноград – и польза и красота и никому не видны простецкие конюшни, амбары и каретные сараи.

Мистер Четвертинский сошел с подножки, сам подхватил одну из коробок и ушел в дом с черного хода. Амелия осталась ждать его в коляске, любуясь особняком. Вернулся Марек быстро. С ним был высокий лакей в ливрее померанцевого цвета с синим кантом. Вдвоем мужчины забрали все коробки и отнесли их в дом. Через некоторое время довольный Четвертинский вернулся и торжественно вручил Амелии двадцать пять монет:

– Ваш гонорар, мисс Фонтен! Графиня осталась очень довольна! Даже удивилась тонкости вашей работы.

– Мне приятно это слышать, – улыбнулась в ответ Амелия, думая о том, что в купленной ею газете не нашлось ни одного подходящего объявления. Сегодня уже поздно, но завтра она купит газету и снова будет искать работу...

– Графиня дала нам новый заказ. Ей очень понравились цветы нарцисса, которые вы вписали в виньетки.

– Это погребальный цветок в тех местах, откуда я родом, – закусила губу Амели.

– Теперь она просит виньетки с ландышами для ее особенного весеннего бала. Пятьсот приглашений. Вероятно, это будет помолвочный бал, – Марек смешно подвигал бровями и передразнил незнакомую девушке даму: «вы же понимаете, мистер, это секрет, но красивый секрет должен быть хорошо подготовлен»!

– Два бала подряд? – изумилась Амелия. Вот уж стоимость праздника на триста человек она могла себе представить хотя бы приблизительно!

– О, нет, бал ландышей леди Кларисса планирует на середину мая, так что у нас есть целых две недели на подготовку!

– Это снова розовый заказ? – подобралась Амелия, – или вы зачислите меня в штат?

Разница была существенной. Две недели уйдут на изготовление карточек и конвертов, различные производственные и закупочные хлопоты, а подписывать пятьсот кусочков картона и пятьсот конвертов придется за четыре-пять дней. А на что она и дети будут жить две недели?

– Я должен посоветоваться дядюшкой, – несколько неуверенно протянул Марек.

– Что ж, посоветуйтесь, мистер Четвертинский, – вежливо ответила Амелия, – а я пока поищу вакансии в городском архиве. Или в королевской библиотеке.

Племянника владельца типографии перекосило. Конечно, он не верил, что юную мисс прямо с улицы возьмут в столь серьезные учреждения, но... вдруг? Все когда-то случается впервые! Он и сам заметил девушку буквально на улице! Но дядюшка настойчиво просил девицу не обнадеживать. Их мастер уже вышел из запоя и готов к работе, а эти легкомысленные вертушки... Не успеет поработать и замуж выскочит! А им опять искать крепкого профессионала, готового

и ночью задержаться, и днем мух на окне посчитать, если с заказами заминка.

– Этот заказ безусловно ваш, – решил наконец молодой Четвертинский, – мистер Шолто не любит выписывать цветы.

– Что ж, – не стала отказываться Амелия, – найдите меня, когда будут готовы карточки и конверты.

Больше они не разговаривали. Хмурый Четвертинский довез мисс Фонтен до дома тетушки и простился. Амелия постучала, вручила служанке тяжелую корзину с покупками и медленно двинулась вверх – прибрать инструменты, снять шляпку и перчатки, потом спустится в купальню, и наконец заглянуть на кухню и что-нибудь съесть. Эти три дня плотно занятые работой просто выпали из ее жизни.

Завтра она выспится, поговорит с младшими, действительно сходит в библиотеку и... напишет письмо виконту Флайверстоуну. Все же заявляться в дом аристократа лично без приглашения – дурной тон. Однако вечер очень быстро перестал быть томным. Дети сидели в комнате, и на лице Иланы явно были слезы, а Брис пыхтел, сжимая кулаки.

– Что случилось? – Амелия буквально увидела, как растворяются ее мечты об ужине, купании и постели.

Младшие отворачивались, прятали лица в ее юбку, потом не выдержали – эмоционально рассказали, что случилось. Удержать в доме двух практически подростков невозможно. Да тетушка Сибилла и не пыталась. Убедившись, что племянники одеты подобающим образом, позавтракали и убрались в своей комнате, она отпустила их на улицу. А там... соседи. Которые наблюдали как три дня подряд гостью миссис Парис забирает поутру молодой щеголь и он же привозит вечером обратно. Выводы были сделаны моментально. И озвучены. Детям.

Амелия вздохнула, сдерживая рвущиеся с языка слова. Все же год жизни в провинциальном городке без родительского надзора очень сильно расширяет словарный запас юной мисс!

– Завтра мы с вами идем гулять, – мягко сказала она, – купим сладостей, заглянем в библиотеку. И вы мне осторожно покажете тех, кто плохо обо мне отзывался. А я придумаю, что с этим можно сделать. Заткнуть всем рот невозможно, однако всегда можно найти

новые любопытные сплетни для болтунов. А теперь давайте умываться, ужинать и спать. Я очень устала.

– А сказка будет? – повеселел Брис.

– Обязательно будет! – обнадежила его Амелия, чувствуя, как защипало в носу.

Все же за год, прошедший со смерти родителей Илана и Брис привязались к ней сильнее чем прежде. Она их якорь в бурном море событий. А якорь должен быть надежным, даже если его шатает от усталости.

Глава 7

Утром Амели действительно позволила себе поспать чуть дольше обычного. Потом вместе с детьми спустилась к завтраку. Тетя Сибилла удивилась ее присутствию, но девушка спокойно объяснила:

– Для нового заказа нужно подготовить карточки и конверты, это займет несколько дней. У меня будет время поискать еще одну работу.

На такую речь тетушка кивнула благосклонно, а служанка на выходе из дома снова вручила Амелии корзинку и список, написанный аккуратным почерком тетушки. На этот раз, никуда не торопясь, девушка изучила список внимательнее. Зачем нужно мыло с ароматом бергамота? Запах считался «мужским», а в доме из мужчин был только Брис. Мальчик спокойно мыл руки лавандовым мылом, которое Амелия привезла с собой из дома! Что еще? Сахар колотый... Вчера тоже был сахар. И позавчера! Чай, дорогой сорт с тем же самым бергамотом! Еще сухие копченые колбаски, сыр, масло, изюм, пряности, мед...

Все это походило на... посылку в пансион! Точнее в Академию. Тетушка собирает сыну гостинцы за ее счет? Было бы справедливо, но Амели посчитала стоимость всего и поняла, что за три дня спустила весь аванс, а сегодня спустит существенную часть зарплаты, а ведь им нужно продержаться на эти деньги минимум неделю, до следующей работы у Четвертинских! Да и будет ли потом еще одна?

В задумчивости Амелия дошла с детьми до парка, купила по дороге газету с объявлениями, пару леденцов и булочку. Пока дети бегали и лазили по снарядам, она читала объявления о работе для переписчицы или каллиграфа, но глаза упорно сползали на строчку «Сдам в наем комнату».

Подчеркнув несколько объявлений о работе, девушка побродила по аллеям, потом попросила одну из бонн присмотреть за детьми, за пару медяков, а сама постаралась быстро обойти адреса. Увы, нигде ее не обнадежили. Всем требовались мужчины – студенты или гимназисты, готовые быстро и не слишком аккуратно переписать большой объем бумаг за мелкие деньги и папиросы.

– Но я могу сделать эту работу! – горячилась Амели, – у меня диплом каллиграфа!

– Барышня, не занимайте время! – морщился старший писарь конторы. – У нас служат только мужчины! Здесь накурено, холодно и нет отдельных комнат, все сидят в одном зале! Вы будете стонать и жаловаться, пить чай по три часа в день, а в итоге вашу работу придется делать нам самим! Нет уж! Никаких юбок! Мы это уже проходили!

Расстроенная Амелия ушла несолоно хлебавши, забрала из парка детей и вернулась с ними к обеду, абсолютно позабыв про лавку и покупки. А в доме тетушки ее ждал неприятный сюрприз. Служанка открыла им двери и быстро вернулась на кухню, к шкворчащим сковородкам, дети устали, вели себя тихо, поэтому в отведенную им комнату они вошли практически бесшумно. И устали сидеть на тетку, сидящую над распахнутым сундуком! Рядом с теткой прямо на полу сидела темноволосая молодая женщина в визитном платье, и... рассматривала поношенный корсет Амели!

Тетка заметила вернувшихся родственников, а вот незнакомка сидела к двери спиной, и смотрела на скромное изделие провинциальной швеи:

– Сибилл, ты же не думаешь, что девчонка зашила деньги в корсет? – насмешливо говорила брюнетка в синем платье, – здесь такая потертая ткань, что видно каждую пластинку. Да и вообще вещички потертые. Нет, приданое твоей сестры наверняка где-то в другом месте! Может в банке?

– Тетя? – Амели встала в дверях, отправив младших в коридор, – что это значит?

Незнакомка повернулась, и девушка узнала в ней соседку – языкастую даму, живущую во второй половине дома. Обе женщины дружно открыли рот, явно собираясь закатить скандал, но Амелия их опередила:

– Амнос оптимус! – сказала она, сделав рукой направляющий жест.

В воздухе натянулась тончайшая пленка и в ней поплыло изображение открытого сундука, соседки с корсетом в руках, и тетки с открытым ртом. Мелли подошла к комоду, вынула лист бумаги и закрепила на нем изображение магического оттиска.

– Брис, – позвала она брата, – пригласи сюда полицмейстера. Думаю, ему будет интересно увидеть, как две почтенные дамы роются в багаже сирот. Кстати, теперь я знаю, куда подевалась мамина жемчужная брошка. Она ведь лежит в вашей шкатулке с украшениями, не так ли тетя?

Сибилла потупилась.

– Все наши вещи помечены, – спокойно сказала Амелия, собирая в саквояж те мелочи, что лежали на столике у кровати. – Вернете все сами, или звать полицию?

– Ты не посмеешь! – прошипела благонравная тетушка, вцепляясь девушке в руку.

– Еще как посмею! Три дня вашего гостеприимства обошлись нам слишком дорого! Брис, ты еще тут?

Со скандалом и воплями о разорении, тетка все же отдала украденные из сундука памятные вещички, пошвыряв их прямо с лестницы. Напоследок она решила окончательно испортить Амелии настроение ехидно заявив:

– Ну и куда ты пойдешь? Незамужней девице с детьми одна дорога – в бордель! Никто не пустит тебя на квартиру, уж я об этом позабочусь!

– Не переживайте так за нас, тетя, – кротко ответила Амелия, борясь с желанием засветить родственнице в лоб тяжелым свертком с мылом, чаем и сахаром, который она нашла на кухне и забрала. – Я благородная вдова, и даже перед законом имею право опекать сестру и брата. А вот вы... магический отпечаток останется у меня. Стоит вам только пустить обо мне нехорошие слухи, или нашептать что-нибудь квартирной хозяйке, и ваше изображение появится в газете! С подробным рассказом о вашем родственном милосердии.

Тетка чопорно поджала губы, и ушла наверх, отвернувшись.

– Зря вы так, мисс! – сделала печальное лицо служанка, стоящая на пороге кухни, – наша госпожа очень настрадалась в молодости.

– Это не повод копаться в моем белье и красть память о наших родителях! – отрезала Амелия.

Внутри у девушки все дрожало. Ей было страшно до вспотевших ладоней, до крика и слез, но... рядом были младшие, а солнце уже клонилось к закату. Следовало как можно быстрее отыскать ночлег. К

счастью, газета с объявлениями никуда не делась, а извозчик согласился «покатать» их по городу вместе с багажом.

Глава 8

По первому адресу они опоздали – комната была уже сдана. Во второй дом Амелия даже не стала заходить – вонючая лужа у входа, пьяные крики, трещины в грязных стеклах заставили уехать как можно быстрее.

Третий вариант был чуть получше. Во всяком случае так показалось сначала. Бабуля-божий одуванчик сдавала комнату в квартире. Вокруг было довольно пыльно, углы заполняли какие-то корзины кувшины и тряпки, но в целом впечатление было терпимое. Девушка уже собиралась заглянуть в санузел, когда за ее спиной открылась дверь и в коридор вышел здоровенный детина в кальсонах и нижней рубаше. Он зевал во весь рот, и почесывал волосатую грудь через прореху.

– Что мамынька, жилищку нашли? – прогудел он, не прерывая своих интересных занятий, – симпатичная!

– Я передумала! – объявила Амелия пятясь к двери.

Запрыгнув в коляску, она возблагодарила Светлых за своевременное появление «сыночки» и усталым тоном попросила кучера:

– Еще один адрес. Если там не получится, нам бы гостиницу подешевле.

– Понял, барышня! – флегматичный возница шевельнул хлыстом, заставляя лошадь тронуться с места.

Солнце уже село, фонарщики выбрались на улицы и под заунывные песни начали наполнять и зажигать фонари. Амелия покачивалась в экипаже, крепко обнимая Илану и думала о том, что ночевать видимо придется в самом дешевом номере, а с утра снова бегать по адресам. И неизвестно, получится ли отыскать квартиру по карману. Что если все монеты уйдут на оплату жилья? Куда им податься?

Крепко сжав губы, Амелия осмотрела доходный дом, у которого остановилась коляска. Здание старое, но крепкое. Оштукатурено и покрашено два-три года назад. У входа горит тусклый фонарик, низкое

крыльцо чистое, а рядом стоят простенькие вазоны с пробивающейся зеленью. Может тут найдется комната для нее и детей?

С робкой надеждой девушка постучала, ожидая увидеть дворника с окладистой бородой или желчного консьержа в засаленном сюртуке, но дверь открыла округлая румяная женщина, пахнущая корицей:

– Заходи, милая, поторопила она, мне булочки надо вынуть! – и убежала в кухню.

Амелия замерла, разглядывая мелкие коричневые плитки на полу в прихожей. Через минуту женщина вернулась:

– Что вы хотели? – уже более официально спросила она.

– Я по объявлению, – тряхнула газетой Амели, – здесь написано, что у вас сдается комната.

– Да, сдается, – покивала женщина, – на втором этаже освободилась. Мисс Дюран третьего дня замуж вышла.

– Можно мне посмотреть?

– А идем, меня тетушкой Меттой кличут, – сказала не то консьержка, не то экономка, и прихватив из ящичка ключи, поманила Амелию за собой, на лестницу.

Здесь было хорошо! На подоконнике стояли цветы в простых горшках, на площадке не валялся мусор. Двери – одинаково покрашенные были снабжены табличками.

– Вот, восьмая квартира, – звякнула ключами тетушка Метта, – и распахнула узкую дверь.

Слабый свет с площадки упал в маленький квадратный коридор. Это одновременно прихожая с несколькими крючками на стене, умывальня – простенький рукомойник у другой стены, и кухня – большой стол и простая печурка у третьей стены. Свеча стоит на раковине. Метта щелкнула пальцами, огонек на фитиле заплясал, как живой. Да у нее есть магия!

– Да, да, – понимающе улыбается она, – способности крохотные, но я чувствую огонь, поэтому плита есть в каждой квартире. Пожара можно не бояться.

Амелия сдержанно кивнула, но уже поняла, что это огромный плюс. В тех квартирах, что она уже смотрела, кухня была одна, общая, и жильцам предлагалось платить хозяйской кухарке за готовку или покупать готовую еду в трактирах. Опасаясь пожаров, горожане контролировали печи, избегали каминов и часто экономили на

топливе, едва-едва протапливая их. А тут была возможность готовить и греться!

Сразу за прихожей шла комната. Не слишком большая, зато с двуспальной кроватью. Тут был небольшой стол, комод и пара стульев. А еще гардеробный чулан! Да-да! Небольшой кусок комнаты был отгорожен дверью, и туда можно было убрать их сундук, и повесить теплые плащи. Или... поставить раскладушку для Бриса!

– Тетушка Метта, а раскладушка или кушетка у вас есть? – спросила Амелия, позабыв уточнить даже цену сдаваемого жилья.

– Есть, – удивилась женщина, а тебе зачем?

– У меня двое детей, – вздохнула Амелия, – большие уже. Мальчик и девочка.

– Ну пойдем вниз, посмотрим, что в чулане есть, – спокойно отозвалась женщина.

– Ой, у меня же там экипаж! – вспомнила девушка и покраснела: я забыла спросить, сколько вы берете за месяц...

– Двадцать монет беру за все, – спокойно сказала тетушка Метта, и добавила: – кушетку дам, колодец во дворе, дрова дворник принесет, сколько скажешь. Оплата по три медяка за вязанку. Если сама не справишься, воду он тоже принесет, но уж там с ним договаривайся.

– Мне подходит! – быстро выпалила Амелия, понимая, что нашла лучшее, что могла за такие деньги.

Она быстро сбежала вниз, расплатилась с извозчиком, завела сонных детей в дом, и подписала стандартный договор, приложив палец, смоченный чернилами. Этот старый прием позволял найти мага по отпечатку ауры, а не мага – по линиям на коже. После тетушка Метта вызвала из каморки под лестницей бородатого дворника в белом холщовом фартуке и тот занес в квартиру их сундук и саквояжи. Потом этот же крупный молчаливый мужчина притащил потертую кушетку, галошницу, вязанку дров и пару ведер воды. Получив взамен семь медных монеток, прогудел «доброй ночи» и ушел, оставив новых жильцов обживать.

– Мелли, мы здесь надолго? – спросила Илана, разглядывая бледные бежевые обои, украшенные линиялыми розочками.

– Очень надеюсь, – улыбнулась Амелия, – а теперь давайте перекусим и ляжем спать! Одеял и подушек у нас нет, но можно

укрыться плащами. Завтра я буду искать работу и школы для вас. И если все получится – мы все купим!

Первая ночь на новом месте прошла странно. Утомленные дети быстро уснули, а вот Амелия долго смотрела сквозь тонкие занавески на огоньки фонарей за окном. В их родном доме ночью за окнами было темно, а здесь в городе многое зависело от района проживания.

Девушка лежала, съежившись под плащом, и думала о том, что ей нужно сделать. Для начала, конечно, найти работу. Месяц в этой комнате просто так не прожить – нужна посуда, одеяла, бытовые мелочи и еда. Пять монет, которые ей удалось сохранить от загребущих рук тетки совсем небольшая сумма. На все и сразу ее не хватит. Но можно уже завтра купить кастрюльку, крупу, и ложки. Каша – это вкусно и полезно, особенно если добавить к ней сыр или патоку. Дальше одежда и обувь. И школа! Обязательно школа!

На мыслях о том, что письмо виконту можно отправить и без копий бумаг, Амелия уснула. Во сне к ней пришел полузабытый образ мужчины в мундире. Он молча смотрел на нее, сложив на груди руки, а она со смущением отводила взгляд от лица, постоянно натываясь на пятна крови, обугленные рукава и почерневшие от копоти аксельбанты. Пламя билось где-то у земли, вырываясь узкими полосами, и девушка не понимала, почему она видит того, кого уже нет на свете?

Проснувшись, Амелия не вставая прочитала молитву Светлым и решила непременно заглянуть в Храм. Нужно поблагодарить высшие силы за квартиру, попросить помощи в поиске работы, и поставить свечу за упокоевание души воина Эммета-Жаккарда дю Боттэ.

Утренние хлопоты отвлекли Амелию от мысли о покойном супруге, но, когда она накормила детей завтраком, и вышла с ними на улицу, планируя поискать парк и школу, невдалеке раздался звон колокола.

– Пойдемте, поблагодарим Светлых за то, что привели нас сюда, – сказала Амелия, находя взглядом невзрачный серый купол.

– Да уж лучше тут, – проворчал Брис, – чем у тетки в чулане.

– В чулане? – как можно нейтральнее уточнила девушка и заметила, как Илана толкнула брата кулаком в бок. – Я хочу об этом знать! – строгим тоном сказала она, останавливаясь и глядя на обоих.

– Тетка Сибилла, она требовала, чтобы мы не выходили из комнаты, – независимо дернул плечами младший, – а когда я спустился вниз к обеду, заявила, что я мешаю, и не слушаюсь, а непослушные мальчишки сидят в чулане! И заперла меня под лестницей!

Амели прикусила губу. Она не знала об этом. Работа поглощала все ее силы и внимание. Имеет ли смысл просить у брата прощения за тетюшку? Он ведь понимает, что так поступать нельзя и...

– Значит нам действительно есть за что поблагодарить! – решительно сказала Амелия и повел детей к храму.

Внутри оказалось уютно, и почему-то пахло как в родной деревне – воском, дровами, соломой и чисто вымытым полом. Амелия бросила медячок в сокровищницу, и вручила Илане и Брису по сладкой булочке, пропитанной вишневым сиропом.

– Посидите, вспомните наших родителей, – негромко сказала она, указывая детям на низкую скамеечку в углу.

Сама же она утешаться поминальной трапезой не стала. Купила несколько свечей и двинулась от статуи к статуе, зажигая золотистые огоньки. Благодарность за благополучный приезд в город. За работу у Четвертинских. За раскрытие тайн и новое жилье. Просьба о будущей работе и помощи с бумагами...

Перейдя в другую часть храма, отделанную в более темных тонах, Амели вздохнула и поставила свечу в память о родителях. Вспомнила мягкие руки и пышные волосы матери, тонкие морщинки отца, смахнула набежавшие слезы и вспомнила свой сон:

– Примите Светлые душу Эммета-Жаккарда дю Боттэ... Воина, павшего на поле брани...

Свеча не загоралась. Упорная девушка оплавилась почти на треть, когда огонек все же удержался. С легчайшим вздохом облегчения Амели поставила свечу на подсвечник и... столбик золотистого воска упал! Да прямо на пол! Ахнув, девушка склонилась, чтобы поднять, но из угла выкатилась сгорбленная старушка, замотанная в несколько платков и шалей, схватила погасшую свечу, смяла в кулаке и зашипела:

– Светлые тя покарают! Ишь, чо удумала, по живому помин править! – и так же быстро удалилась из поля зрения.

Глава 9

Ошеломленная Амелия вывела младших на улицу, огляделась, увидела сквер, окутанный зеленой дымкой клейких еще листочков, и повела детей туда. Пока Илана и Брис изучали дорожки, скамейки, клумбы и большую песочницу, девушка просматривала объявления о работе, но при этом неотступно думала о своем нечаянном муже.

Вообще граф дю Боттэ в ее памяти почти не сохранился. Она помнила руку на перевязи, ожог на лбу, пронзительные глаза, и голос, но все это через флер слабости, страха и желания выжить. Собственно, в столицу она поехала в призрачной надежде получить хоть что-то за свой странный брак. А теперь в ее голову закралась мысль: а что она будет делать, если лорд Эммета-Жаккарда дю Боттэ жив?

Если вспомнить те крохи информации, что им давали в пансионе, получалось, что неравный брак с аристократом для простолюдинки грозил большими неприятностями. Самая скромная – расторжение «по техническим причинам». То есть будут найдены ошибки в оформлении бумаг, нарушение процедуры оглашения или допустим недостаточное число свидетелей. Примеры были, и каждая попытка простолюдинки вознестись без дозволения короля кончалась позором, бегством или... тайным договором, если уже родились дети.

Для Амелии и графа дю Боттэ нарушение протокола было пустяком – военное время списывало многое. Как и старинная часовня, стоящая на границе. Прежде в ней нередко заключались браки без благословения родителей. Дочь священника еще помнила забрызганные грязью парочки, являвшиеся на порог их дома. Отец тогда помнится объяснял, что он не может провести церемонию в храме без оглашения, разрешения и прочих бумаг, а вот в часовне молодые могут совершить церемонию сами, призвав в свидетели Светлых и Стихии.

Так что церемонию между офицером и дочерью священника можно счесть законной, если бы... Да, если бы... От странных мыслей щеки Амелии покраснели. Где бы они консумировали брак? На камнях у часовни? Или в углу охотничьего домика, под храп других раненых? В общем их брак очень легко признать незаконным.

Однако... Церемония была проведена, и к ней прилагался брачный контракт. А контракт в современном мире куда больше, чем просто церемония. Она ведь внимательно изучила его перед подписанием. Там была указана ежегодная сумма «на булавки», причем Флай, друг ее супруга посоветовал ему вписать ее не деньгами, а... «сумма эквивалентная стоимости слитка золота фунт весом». Плюс содержание с указанием «не менее стоимости пяти фунтов», а также «гардероб, достойный графини». Все это писалось для того, чтобы позлить неведомую Клариссу, так что мужчины не стеснялись.

А потом граф погиб. Она даже не знает точно, когда. Но в контракте была прописана и вдовья часть! И возможность проживать в доме! А еще... она ведь тоже вписала в эту бумагу одну строчку. Там было указана оплата образования для брата и сестры. Имеет ли она право хоть на что-то? Как бы узнать? Нужен юрист по брачному праву!

– Мелли, Мелли! – Брис дергал ее за рукав, – там мальчишки, в форме с язычком пламени!

Очнувшись, Амелия убрала газету в корзинку и пошла за братом. Если форма с изображением огня, возможно поблизости есть школа магов?

Мальчишки под присмотром мага-воспитателя действительно вышли в сквер из школы. Она располагалась прямо за сквером, была королевской и входила в целый блок зданий, условно называемых здесь «королевский угол». Серый мрачный фасад, разделенный на три больших части был построен по приказу Ее Величества и прятал под собой школу магов, благотворительную больницу и швейную мастерскую, в которой шили форму для школьников, медрботников и служащих королевских учреждений.

Амелия прочитала таблички-вывески, и закусила губу. Если не найдется работу по специальности, можно будет попробовать устроиться в ателье. А пока... она решительно толкнула дверь школы, и вошла внутрь вместе с детьми. Скучающий усатый швейцар проводил их к директору, на второй этаж, деликатно стукнул в обычную поцарапанную дверь и приоткрыв пробасил:

– Мэтр Хейфиц, к вам с детьми!

Изнутри что-то пробурчали, и дверь распахнулась, пропуская Амелию, Илану и Бриса в скромный кабинет, окруженный шкапами с бумагами.

– Добрый день, мэтр! – Амелия выполнила вежливый книксен, за ней повторила Илана, а Брис просто уставился на носки своих сапог, считая, что это сойдет за поклон.

– Доброго дня миссис! Что вы хотели?

– Мисс Фонтен, – вежливо поправила Амели, – я привела брата. Мы недавно переехали в столицу. У него есть способности магии, ему пора учиться.

Мужчина за столом даже не удивился. Благотворительные магические школы принимали учащихся круглый год, чтобы не упускать будущих специалистов.

– Подойдите сюда, юноша! – сказал он, вынимая из шкафчика небольшой сундучок с крышкой.

Брис подошел, все еще разглядывая пол, но Амели не стала его одергивать – знала, что бесполезно.

– Положите сюда руку, и обратитесь к своему внутреннему источнику, – сказал директор, вынимая из шкатулки мутный шар на затейливой подставке.

Мотнув отросшей челкой, брат плюхнул ладонь на шар и с интересом наблюдал, как молочная муть сменяется ярким и чистым алым цветом. Заполняя шар на две трети.

– Хороший потенциал, молодой человек! – одобрительно сказал мэтр. – Итак, мисс, наша школа будет счастлива принять вашего брата! Прошу его бумаги. Я так понимаю, вам желательно оформить полное содержание от казны?

– Да, мы сироты. Родители погибли в пограничной стычке, – Амелия вынула бумаги.

– Вот как? – директор изучил их и вскинул брови: почему-же вы не подали бумаги на пенсию? Она положена вам до совершеннолетия мастера Бриса, и совершеннолетия или замужества мисс Иланы. Кстати, мисс не хотите проверить свой потенциал?

– У меня нет магии, – тихо сказала девочка.

– А вот давайте проверим, – улыбнулся мужчина, и подбодрил: – кладите руку на артефакт, кладите! Он не делает больно!

Илана посмотрела на шар, закусив губу, совсем, как Амелия, потом протянула ладонь и накрыла вновь помутневший артефакт. Он оставался мутным, и девочка, вздохнув уже хотела убрать руку, но вдруг в глубине шара начала разгораться маленькая розовая искорка.

Она росла, росла, медленно-медленно и постепенно заполнила весь объем сферы!

– Ох! – неожиданно выразил эмоции мэтр.

– Что это значит? – перепугалась Амелия.

– Очень редкий и необычный дар, – поспешил успокоить девушку мэтр Хейфиц, – просто он просыпается только тогда, когда гм, девушка становится постарше!

Амелия догадалась и ее щеки залил румянец.

– Так что это за дар?

– Гм, молодой человек, подождите с сестричкой в коридоре, – попросил директор, явно смущаясь.

Брис хмыкнул, но увел Илану в коридор.

– Это дар плодовитости, – шепотом сказал мэтр, – очень, очень ценный! Рядом с вашей сестрой животные будут приносить больше приплода, а люди рождают здоровых детей! И много!

Как человек, проживший изрядную часть жизни в деревне Амелия могла оценить такой дар, но также видела его неудобство и опасность для девочки.

– Мэтр, – заговорила она, – этот дар ведь нельзя диагностировать просто так? Без артефакта?

– Пока мисс не вышла замуж и не забеременела, нельзя, – подтвердил мужчина.

– Можно пока сохранить это в тайне? Я ведь правильно понимаю, пока дар не развит, им невозможно управлять?

– Так и есть, – одобрительно покивал мэтр, – но я вам скажу, мисс, что вашу сестру лучше оставить на обучении в нашей школе. Здесь все преподаватели и ученики маги, им аура мисс Иланы не повредит. А вот простые люди...

– Что-то серьезное? – вновь встревожилась Амелия.

– Я однажды давно видел деревню, в которой жила женщина с таким даром, – шепотом поделился директор, – так там даже почтенные матроны в летах рожали по двойне!

– Ой!

– Да-да, – покивал мэтр, – а на занятиях искра будет рассеиваться без вреда.

– Хорошо, я согласна записать в школу обоих.

Глава 10

Амелия и сама понимала, что вариантов у нее немного, но все равно чувствовала вину перед сестрой. Она слышала про «отложенные дары». Иногда магия не сразу проявлялась у ребенка или подростка, а медленно накапливалась, или созревала, такой термин использовался в учебниках. Случалось и стихийное обретение дара – в состоянии стресса или угрозы жизни. Обычно «отложенные» дары требовали особых условий для развития. Проживая на съемной квартире, высчитывая, сколько медяков она может потратить на крупу и масло, Амелия не могла создать «благоприятную для развития дара обстановку». А ведь ей нужно еще и работать!

Директор похвалил юную опекуницу за правильное понимание ситуации, записал детей в школу, выдал расписание, бумагу на получение формы и письменных принадлежностей, жетон на вход, он же допуск в столовую и пару справок для Амелии.

– В соседнем кабинете сидит наш юрист. Он, конечно, еще молодой, практику проходит, но подскажет вам куда и как писать прошение на пенсию, поможет оформить бумаги и, может быть, решит необходимые вам вопросы.

– Благодарю! – Амелия бледно улыбнулась. Не верилось, что большая часть ее проблем решится так быстро и просто.

– Дети могут уже идти в классы, я вызову помощника, проводить их. И не волнуйтесь, к пяти часам они будут свободны!

Амелия вышла в коридор, коротко все объяснила Илане и Брису, посмотрела, как брат и сестра чинно идут за высоким пареньком в строгой синей форме, а потом зашла со всеми бумагами в соседнюю дверь.

Она думала, что все ей далось легко и просто? Да как бы не так! Она несколько раз переписывала прошение, потом заявление, потом дополнение и уточнение. Молодой юрист, утомленный скукой, добивался идеального содержания и формы. Когда они наконец закончили с бумагами, он упаковал все в огромный бумажный конверт, надписал адрес, шлепнул печать, и сообщил, что ответ из королевской

канцелярии придет в школу в течении месяца. А пока, может быть, у мисс Фонтен есть вопросы?

Бросив взгляд на часы, девушка увидела, что до окончания занятий остался час и решилась:

– Мистер Регбер, скажите пожалуйста, может ли считаться законным брачный ритуал, проведенный в старинной часовне Света и Стихий...

Стараясь высказывать поменьше эмоций, Амелия обрисовала свое собственное бракосочетание.

– Брак законен, – кивнул юрист, – я вам даже больше скажу, он считается свершившимся, если новобрачные успели поцеловаться! На основании прецедента Ремарка... – его пальцы пробежали по книгам на полке и вытащили весьма потрепанный том. – Вот! Эта поправка к закону о браке была принята двести лет назад, и не отменена до сих пор. Прецедент случился на свадьбе дочери графа Ремарка и сына графа Довжака. Жених был застрелен кровным врагом, сразу после свадьбы. Сторона невесты потребовала объявления ее вдовой со всеми выплатами вдовой части, ведь приданое было уже передано в казну Довжаков. А родня жениха уверяла, что брак не был свершен, и вдовья доля невесте не полагается, но и приданое девице, прилюдно целовавшейся с мужчиной не положено.

Амелия перевела дух, и сделала глоток воды из стакана, любезно предложенного юристом.

– И чем же закончился спор графов? – спросила она.

– Вмешался король и приказал считать девушку вдовой. Она получила вдовью часть, а через восемь месяцев после свадьбы родила сына. Так сложилось, что он стал единственным наследником графов Довжаков. Используя этот прецедент и королевский указ, если молодые успели прилюдно поцеловаться, брак считается свершенным.

– Спасибо вам, мистер Регбер, – выдохнула Амелия.

– Я очень удивлен, что вас заинтересовал такой нюанс в брачном законодательстве, – бросил на девушку внимательный взгляд вчерашний студент.

– Тому есть причина, – Амелия взяла себя в руки и с улыбкой рассказала про часовню и приезжающих порой влюбленных. А потом призналась: – до окончания занятий оставался еще час, и мне не

хотелось просто сидеть в коридоре. Гораздо приятнее провести время в беседе с умным человеком.

Юрист рассмеялся:

– Право, вы меня удивили, мисс Фонтен! Мне тоже было очень приятно поболтать с вами!

После этих слов мистер Регбер проводил девушку до двери, и напомнил, что нужно как можно скорее зайти в ателье и заказать детям форму.

– Еще раз благодарю вас! – присела в книксене Амелия, и поспешила вниз, чтобы перехватить детей у выхода.

А у выхода ее ждал сюрприз! Толпа детей схлынула, оставив на крыльце Илану, Бриса и несколько преподавателей. Среди незнакомых Амелии мужчин и женщина стоял... тот самый «Флай», проводивший церемонию! Друг ее супруга! От неожиданного узнавания девушка задержалась на ступеньках лестницы, не зная, стоит ли спускаться. Может подождать, пока виконт уйдет? Но Брис уже заметил ее, развернулся и привлекая всеобщее внимание крикнул:

– Амели! Мы тебя потеряли!

На его возглас обернулся и виконт. И чуть не упал, когда трость попыталась сбежать из его пальцев.

– Вы! – других слов у мужчины не нашлось.

Амелия тоже жадно смотрела на него. Мужчина изменился. Кожа стала смуглее, вокруг рта пролегли жесткие складки. На руках видны белые ниточки шрамов. И трость, это явно не украшение, она действительно нужна ему для опоры! И все же «Флай» был тончайшей ниточкой, связующей Амелию с прошлым. С голодной зимой, с взрытой ядрами землей и запахом пороха. С красивым молодым офицером, который первым сумел украсть поцелуй с губ мисс Фонтен прощаясь у покосившейся каменной стенки ее дома...

– Милорд, мисс, вы знакомы? – их гляделки прервал удивленный голос директора.

Они очнулись, словно вынырнули из того весеннего леса. Амелия присела в вежливом книксене:

– Милорд, простите, не узнала вас сразу!

– Миледи, – склонил голову Флайверстоун и Амелия зажмурилась, понимая, что он сейчас скажет: – простите, увидел вас и сразу вспомнил Жака...

Директор переводил непонимающий взгляд с инспектора, на опекуншу новых подопечных.

– Простите, мисс Фонтен...

– Графиня дю Боттэ, – отрезал виконт.

Мэтр подавился воздухом.

– Я не пользуюсь именем супруга, – качнула головой Амели.

– Но почему? – поразился Флайверстоун, – я же помню контракт!

– Мы совсем недавно смогли приехать в столицу, – попыталась объяснить ему девушка, – я... не успела получить заверенные копии бумаг, чтобы обратиться в королевскую канцелярию за пенсией.

– Какая пенсия? – спросил виконт таким тоном, что от него отшатнулись все любопытные. – Вы вдовствующая графиня дю Боттэ! С полным правом наследования всего! Жак прописал передачу титула исключительно вашему сыну! Право старшего в роду!

– Виконт, – Амели закусила губу и обвела взглядом крыльцо школы.

– Простите, графиня! Я бестактен! – тут же повинился он, – прошу вас, давайте заглянем в кофейню и поговорим!

– Мне нужно отвести детей в ателье, – вздохнула девушка, – да и у вас, наверное, есть дела...

– Мы закончили! – замахал руками директор, – милорд инспектор уже осмотрел классы и кухню, взял список необходимого и вообще остался доволен нашей школой!

– Так и есть, – лицо Флайверстоуна смягчилось. – Мэтр, вы не могли бы выделить даму, которая отведет детей за формой? А мы с графиней пока посидим в кафе, в память о моем друге.

Траурный наряд Амелии и траурные повязки на рукаве и шляпе виконта отметили все любопытные. Директор не стал противиться инспектору – взял у Амелии бумагу на форму и вручил ее одной из дам в синем форменном платье:

– Миссис Филлипс, прошу вас, отведите детей к швеям.

– Мы подождем вас в кафе, – Амелия пригласила вихры Бриса, – я куплю вам по мороженому.

Все, еще настороженно косясь на виконта, младшие ушли с преподавательницей, после чего Флайверстоун предложил девушке руку, и они медленно двинулись к ярким «маркизам» недавно открывшейся кондитерской.

– Простите, что интересуюсь, – немного нервно заговорила Амели, как только они удалились от крыльца школы магов, – как вы оказались здесь? Я прочитала в газете, что вы вернулись из Пограничья с ранением, и теперь ведете уединенную жизнь!

– Я теперь являюсь королевским инспектором над магическими школами, – ответил виконт, рассматривая тротуар.

– Я... рада нашей встрече, – так же потупилась Амелия. – После церемонии я не встречала графа, и даже не знаю, как и где он погиб.

– Жак закрыл нас, – скрипнул зубами Флай. – Через неделю после вашей свадьбы мы зашли слишком глубоко на их территорию. Принц приказал изучить ближайшее селение. Увы, мы были неосторожны, увлеклись, и гангуты окружили нас. Они сильные маги, но какие-то другие. Неплохо уничтожаются огнестрельным оружием, но лучше всего – магией. Когда стало понятно, что у нас много раненых и уйти без потерь не получится, Жак велел мне уходить, – голос виконта сбился. – Он ведь был самым сильным магом, и старшим по званию. Приказал уходить, замкнул огненное кольцо и начал подманивать их вторую ипостась.

– Вторую ипостась? – Амелия сбилась с шага.

Она видела людей в черных мундирах, заплонивших их поселок. Видела самых обычных коней, вывозящих провиант и какие-то ценности из фермерских домов, но даже не подозревала о магической составляющей нападающих.

– Они могут обращаться в некое подобие псов, ходящих на двух ногах, – поморщившись объяснил Флайверстоун, – с когтями, клыками, крыльями и быстрой регенерацией. Можно убить обычным оружием, но надо непременно разрывать на куски. А лучше шарахнуть огнем. Они не любят нашу магию, реагируют на магов, как собаки на кошек.

– Значит поэтому в армию набирают всех свободных магов, даже со слабым даром? – припомнила Амелия. – А у графа был сильный дар?

– Очень, и как раз огненный, – с горечью сказал виконт. Поэтому он и сумел их задержать, пока мы убегали. Ногу мне раздробило картечью, я уже плохо соображал, меня, по сути, несли на себе солдаты, но я запомнил место. Через несколько дней, когда получилось

вернуться на то же самое место, мы нашли только выжженный круг, на месте той битвы.

Амелия судорожно вздохнула и задала глупый вопрос:

– Разве граф дю Боттэ не ценный заложник? Его не могли взять в плен?

– Обмен заложниками велся почти полгода, – печально хмыкнул виконт. – Я не сразу вернулся в столицу, едва поправился, объехал все полевые лазареты, несколько раз съездил на переговоры в составе делегации. Ничего.

Девушка вспомнила свою попытку поставить поминальную свечу и промолчала. Ей очень хотелось все выложить виконту. Она так давно не имела возможности просто поговорить с кем-то обо всем случившимся, без уверток и тайн, но... Большой город быстро приучает к осторожности.

– Мы выжили благодаря вам, – сказала она, стараясь говорить мягко, – потом прислали нового священника, нам стало тесно в доме, а у брата проснулась магия, и я решила ехать в столицу. Путь был долгим, с работой пока все сложно, а Брису нужно учиться, вот я и обратилась в королевскую школу.

– Неплохой выбор, – бледно улыбнулся виконт, открывая перед ней дверь в кондитерскую.

У Амелии даже голова закружилась от сладких запахов ванили, корицы, гвоздики и апельсинов, которые хлынули на нее, в уютном просторном помещении. Они выбрали столик у окна, чтобы видеть двери ателье.

– Графиня, – виконт не унимался и называл ее только так, – почему вы не явились в столицу сразу?

– Виконт, – приняла его правила игры Амелия, – после смерти родителей у нас не осталось источников дохода. Чтобы оплатить дилижанс и гостиницу, мне пришлось продать последние фамильные ценности.

– Светлые боги! Вы добирались дилижансом? Восхищаюсь вашим мужеством!

Тут их разговор прервала уютная пышечка в коричневом платье с белым передником:

– Угодно ли вам сделать заказ? – обратилась она к виконту.

– Чайник чая с ромашкой, и пирожные, – чуть не отмахнулся от официантки Флайверстоун, – у вас есть «дамские крошки»?

– Да, милорд! – понимающе кивнула пышечка.

– Несите! И скоро к нам присоединятся юная мисс и молодой человек, для них пусть приготовят мороженое и воду с сиропом.

Девушка ушла, а виконт поспешил вернуться к беседе с Амелией:

– Я правильно понимаю, леди дю Боттэ, что вы не заявили о своих правах?

– Нет, милорд. Я планировала предъявить бумаги стряпчим, но у меня сейчас... недостаточно средств.

– А знаете, Жак часто вас вспоминал, – вдруг невпопад сказал Флайверстоун, мельком бросив взгляд на официантку, принесшую чайный поднос.

Амелия потупилась. Ей было приятно узнать, что ее запомнили. А еще ей было любопытно что же из себя представляет тот таинственный десерт, который заказал виконт. «Дамскими крошками» оказались миниатюрные копии всех пирожных, которые подавались в заведении. Совсем-совсем крошечные, на один укус. Их подали на двух больших плоских тарелках, и девушка не смогла отказать себе в удовольствии попробовать парочку. Нежный крем, тонкое хрустящее тесто и джем! Такой изысканной сладости она себе не позволяла уже очень давно!

– И я понимаю его, – виконт даже не прикоснулся к своему чаю, просто смотрел на Амелию, и его глаза заволакивала дымка воспоминаний.

– Я была бы рада узнать, что граф жив, – призналась девушка, – но, если вы уверены в его смерти... Могу я просить вас о помощи? Директор школы сказал, что мне полагается пенсия. Я не посмею обратиться к родственникам графа. Как я поняла, сейчас титул перешел дядюшке и его дочери? Но может быть Корона не откажет мне, как вдове?

Флайверстоун словно очнулся. Нахмурился и спросил:

– Вы знаете про Кларису?

– Вы же сами мне объясняли, почему граф спешит жениться на ком угодно, – пожалала плечами Амелия, – а два дня назад я подписывала приглашения от имени графини дю Боттэ, на памятный вечер,

посвященный погибшим в той «пограничной стычке». Ваше имя было среди приглашенных.

– Вот как, – мужчина потер лоб, – я не слежу за светской жизнью, приглашениями занимается маменька, но если Клариса дошла до такого цинизма... Мы должны устроить ей сюрприз! Вы помните, когда будет этот вечер?

– Да, конечно, через двенадцать дней... – немного растеряно ответила Амелия.

– А бумаги у вас сохранились? Брачный договор?

– Да! – девушка невольно прижала руками сумку. Она не расставалась со свитками ни на минуту.

– Отлично! Тогда сейчас пейте чай, а я отправлю записки, и мы кое-что с вами сделаем!

Глава 11

К тому моменту, как в кондитерскую привели притихших детей, виконт исписал несколько листов бумаги, купил у подавальщицы почтовые амулеты – небольшие квадратики бумаги с нанесенной руной и влитой магией, после чего отправил записки, и наконец обратил внимание на поднос со сладостями. Его немного потряхивало, так что Амелия сама налила ему чай, придвинула блюдо с пирожными и наконец встревоженно спросила:

– Простите меня, милорд, но вы еще не оправились от ранения?

– Ранение тут не причем, – отмахнулся виконт, – конечно раздробленные кости и рубцы от картечи меня не красят, но для мужчины это не беда. Просто амулет регенерации, который лекари примотали к моей ноге оттягивает мой резерв, и даже телепосыльные чары я применяю с большим трудом.

– Вам нужно просто выпить горячего или съесть сладкого, – понимающе кивнула девушка, и чтобы не смущать мужчину пристальным вниманием к его аппетиту вспомнила историю со времени обучения: – мы однажды с подругами увлеклись переносом картинок в альбомы, и не заметили, как опустошили резервы. Упали, где сидели и лежим! Классная дама зашла, испугалась, побежала за лекарем. К счастью нашего строгого доктора, не было в тот день, а дежурная сестра увидела книги с картинками и альбомы, догадалась обо всем и велела принести чаю с медом и напоить нас с ложечек, по капле. Встать мы смогли, но дня два нас потом шатало, пока резервы не восстановились.

Виконт благодарно улыбнулся и спросил:

– Я вижу, что у вас есть способности к магии, но какие, так и не разобрался...

– Очень слабые, – отмахнулась Амелия, – но полезные для переписывания книг и бумаг. Я могу сделать магокопию изображения, или подчистить неправильный текст. Еще умею вложить магию в готовые картинки, чтобы они становились объемными, но это требует много сил, так что получается не часто.

– Интересные умения, – виконт выглядел задумчивым, – и вы сказали, что у вас была классная дама...

– Да, мама была родом из семьи де Фийяр. Пока дедушка был жив, он поддерживал нас. Поэтому оплатил пансион для меня. Я успешно его закончила, и еще год училась у каллиграфа, а потом дедушки не стало, так что Илана в пансион не поехала.

– Де Фийяр, знакомая фамилия, – виконт нахмурил красивые темные брови, пытаясь вспомнить.

– Мама рассказывала нам о родственниках, – пожала плечами Амели, – но мы никогда не были у них в гостях. Дедушка приезжал несколько раз, когда родились младшие, и все. Это не так и важно. Мамина сестра стала женой офицера, мы останавливались у нее, когда приехали в столицу.

– А сейчас вы где живете?

– Снимаем квартиру в доходном доме, – уклончиво ответила Амелия.

Ей не хотелось выглядеть попрошайкой. Довольно того, что ее платье, плащ и шляпка выглядят в этом заведении очень поношенными на фоне аккуратных стен.

Виконт, кажется, все понял, и вопросов задавать не стал, попросил лишь записать для него адрес дома, чтобы иметь возможность посылать записки.

– Я уже написал своему поверенному, на счет бумаг, думаю он подскажет, что и как нужно сделать, чтобы подтвердить ваши права. Возможно что-то придется делать быстро.

Амелия и не спорила – взяла лист бумаги и четким полууставом записала адрес и подписала «мисс Фонтен». Флайверстоун взглянул, поморщился и сам исправил на «графиня дю Боттэ». После этого девушка сердито уставилась на виконта, а он так же сердито на нее! Поиграв в гляделки, они невесело рассмеялись.

– Простите меня, Амелия, – шутливо склонил голову мужчина, – но я не хочу терять хотя бы такую иллюзорную связь со своим другом.

– Простите и вы меня, – вздохнула Амели, – но я не чувствую себя графиней. Слишком внезапным оказался наш брак, мимолетным и иллюзорным. О нем никто не знает, кроме вас и меня.

– Я постараюсь показать вам, что значит быть графиней дю Боттэ, – пообещал виконт.

Амелия услышала в этом обещании слишком много, и уже стала чувствовать себя неловко. Слишком много времени она провела с этим мужчиной, пусть и в публичном месте. На ее счастье, преподавательница в форменном плаще с язычком пламени на груди привела в кондитерскую Илану и Бриса. Дети сразу заполнили неловкое молчание рассказом о примерке. Служащая школы магии вручила Амелии лист бумаги с размерами и сроками пошива, напомнила, что обувь нужно заказать в королевской мастерской, вот по этому адресу, а писчие принадлежности и учебники выдадут в школе. Нужно только сумки купить и не забыть все получить уже завтра.

От души поблагодарив преподавательницу за помощь, Амелия попросила подавальщицу упаковать для дамы несколько пирожных, в благодарность. Пусть сладости дороги, она не могла принять любезность просто так. Впрочем, виконт на это смотрел благосклонно, все же инспектор, и в делах школы понимает? Или нет?

Через несколько минут чопорная дама в синем плаще ушла, дети получили обещанное мороженое и затихли, то и дело поглядывая на аристократа. Он же смотрел на них одновременно строго и внимательно. Амелия изредка пригубливая чай, давая детям возможность полакомиться, но при этом пыталась разобраться в собственных чувствах. Вот еще утром она четко знала, что ей делать, куда идти, а сейчас возникло ощущение, что ее внезапно подхватил какой-то дикий вихрь, очень похожий на тот, который привел ее к старинной часовне. И несет ее как палый лист, не давая зацепиться за привычное.

Пока девушка размышляла, на стол перед Флайверстоуном упало несколько ответных записок. Он открыл их прочитал, задумчиво улыбнулся и сказал:

– Моя матушка приглашает вас, леди дю Боттэ на чашку чая. Завтра, около половины пятого.

– Занятия заканчиваются в пять, – с легчайшим вздохом сказала Амелия. Она помнила, что «приличное время визитов» начиналось с трех часов дня. Но чем ближе были гости, тем позже им разрешалось приехать. Самых близких приглашали поужинать. Приглашение на половину пятого от виконтессы может означать серьезный аванс доверия, выданный никому неизвестной мисс по просьбе сына.

– Я заеду за вами в двенадцать, – тоном, не терпящим возражений, сказал Флайверстоун. – В час нас ждет мой поверенный. Визитное платье будет уместно и в это время. А дети подождут вас в школе. Там есть игровая комната для тех, у кого родители работают во вторую смену. Обещаю, потом я отвезу вас домой всех!

Амелия потупилась. У нее не нашлось сил сказать мужчине, что кроме того платья, в котором она пришла записывать детей в школу, у нее есть лишь простенькая юбка с парой блузок, да домашний капот, изрядно поизносившийся во время ночевки в трактирах.

– Мисс, мастер? – виконт взглянул на детей, – если вы уже закончили, я готов проводить вас до дома.

Дети тотчас вскочили. Виконт оставил на столике пару золотых, и не слушая возражений помог Амелии надеть плащ:

– Мой экипаж уже у дверей.

Возразить никто не посмел.

Флайверстоун помог Амелии и детям сесть в экипаж, велел кучеру немного опустить кожаный верх, чтобы укрыться от мелкого ледяного дождя, который поднялся пока они пили чай, и назвал адрес. Когда кучер натянул поводья перед домом, виконт внимательно оглядел его, и видимо все же счел достаточно приличным для молодой вдовы с детьми.

– Всего доброго, леди дю Боттэ, – он галантно поцеловал воздух над перчаткой Амелии, – завтра к полудню буду у вас!

Амели присела в книксене, и повела детей домой. Сытые и довольные они уже на лестнице принялись рассказывать ей о школе, о классах и магии, но у нее не осталось сил слушать болтовню, а значит, болтунов следовало немедленно занять делом. Так всегда поступала ее матушка, если в доме становилось слишком шумно.

– Илана, Брис, – обратилась она к младшим, останавливаясь, – вам нужны сумки для учебников, а еще у нас нет кастрюли, чайника и даже тарелок! Предлагаю сейчас лечь спать, чтобы завтра перед школой зайти в лавочку. Но сначала обязательно помыться, и протопить печь!

Дети в общем не возражали. Подойдя к конторке консьержки, мисс Фонтен попросила милейшую тетушку Метту прислать дворника с водой и дровами. Таскать ведра самой у нее не было сил.

– Сейчас пришло, – закивала старушка. Она явно услышала про школу и ей это понравилось.

Через час в квартирке полыхала печь, согревая воздух и два ведра воды. Еще два ведра стояли рядом. Большой таз прежде висел на стене уборной, а теперь ждал своего часа на табуретке. Когда вода нагрелась, Амелия помогла вымыться Илане, тщательно промывая ее длинные светлые волосы, потом вручила мочалку и мыло смущенному Брису:

– Хорошенько вымой уши и шею! – напомнила она, задерживая тонкие занавески, отделяющие кухню-прихожую от комнаты.

Брис активно плескался, выдувал мыльные пузыри, и гремел ковшиком, но управился с мытьем довольно быстро. Проверив уши и шею, Амелия велела ему идти в кладовку, сушиться, выплеснула грязную воду, и вымылась сама.

После купания, накинув потертую, но чистую сорочку и капот, мисс Фонтен занялась насущными делами: из остатков горячей воды, перелитой в миску, она сотворила мыльный раствор, а в миску с холодной водой добавила крахмал. Воротнички и галстучки следовало аккуратно выстирать, высушить у теплой печи, затем вымочить в крахмальном растворе, и снова просушить на старенькой наволочке, в которую они сложили белье вместо мешка.

Затем настал черед белья – его утопили в мыльной воде, оставшейся после купания, тщательно потоптали, выполоскали в ведре и повесили сушиться.

– Утюг придется попросить у тетушки Метты, – вздохнула Амелия, растягивая и разглаживая ленты Иланы руками.

Младшая сестра старательно помогала. Брис начистил для всех ботинки, сбегал во двор, чтобы отряхнуть просохшие у печи плащи и уснул, после насыщенного событиями дня. Девушки тихонько разговаривая закончили стирку, подержали над паром шляпки, потом вылили воду, вытерли пол и усталые до нельзя легли, закутавшись в капоты и накрывшись плащами. «Завтра непременно куплю одеяла» – пообещала себе Амелия, проваливаясь в сон.

Утром они проспали! Вскочили, когда зазвонили колокола к ранней службе. Про утюг и не вспомнили – оделись быстро, и побежали в школу. По дороге Амелия пообещала принести сумки для книг прямо в школу, поцеловала Илану на крыльце, погладила по голове увернувшегося Бриса, а потом уже неспешно двинулась в

обратную сторону, изучая лавки. Денег у нее немного, но быт налаживать нужно. А заодно купить газету и просмотреть объявления. Внимание виконта и чай с его матушкой – это хорошо, но кашу из внимания не сваришь.

Медную сковородку и потемневший от времени чайник Амелия нашла в лавке старьевщика. Посуда была не новой, но аккуратно залатанной и недорогой. После девушка приобрела мешочек крупы, хлеб, масло, несколько простых деревянных ложек, грубые керамические кружки и миски, горшок, и пару потертых простыней, чтобы использовать их после купания.

Все это девушка отнесла в квартиру, а потом спустилась вниз и расспросила тетюшку Метту, где находится ближайший женский монастырь. Та если и удивилась вопросу, вида не подала. А когда Амелия пояснила, что хотела бы купить сумки и одеяла, старушка понятливо покивала:

– Тогда тебе не сюда милая, а в другую сторону. На конке лучше будет. Тут то монастырь общежительный, а там монашенки по другому уставу живут. И рукоделием своим торгуют.

Пользуясь подсказкой, Амелия поспешила туда, куда указали. Она знала особенность некоторых монастырей – чтобы не собирать послушников на трапезу и не шить им облачения, устав общины выделял три дня в неделю работы «на себя». В мужских обителях монахи столярничали, резали по дереву или шили кожи, а в женских шили, вышивали, вязали. Именно на ярмарке при таком вот монастыре можно было относительно недорого купить очень качественные лоскутные одеяла, теплые чулки или крепкие сумки.

К полудню Амелия вернулась довольная – она сумела купить все необходимое, и даже успела ко времени, назначенному виконтом. К ее ужасу, мужчина уже поджидал ее у крыльца:

– Леди дю Боттэ, где вы ходите? – несколько раздраженно спросил он, а потом уставился на кучера, отдающего ее покупки.

– Простите меня, милорд, – покраснела Амелия, – мы недавно в столице, нужно было сделать покупки.

Виконт оценил корзинку с одеялами и сумками. Потом тем же взглядом смерил Амелию. Да, она была одета ровно так же, как и накануне. Та же шляпка, слегка почищенная от пыли вечером, тот же

плащ, разглаженный влажной щеткой, и то же платье, освеженное чистым воротничком и манжетами.

На шум экипажа вышел дворник, увидел корзину и спросил:

– Мисс – это поднять к вашей двери?

– Да, пожалуйста, – попросила Амелия, а Флайверстоун сунул дворнику серебряную монету.

– Леди, я подожду, но пожалуйста, не задерживайтесь!

– Я мигом, милорд! – заверила его Амелия и птичкой вспорхнула вслед за дворником. Открыла дверь, показала куда поставить корзину и попросила: – вечером, принесите пожалуйста воду и дров, как вчера, только воды побольше!

– Хорошо мисс!

Довольный полученной монетой дворник утопал вниз, а девушка быстро умылась, чуть припудрила нос, пригладила влажными руками волосы, выбившиеся из-под шляпки, и подумав, сменила перчатки на единственные шелковые. Осталось переложить бумаги в потертый бархатный мешок и выскользнуть на лестницу, заперев дверь.

Глава 12

На крыльце виконт молча подал ей руку, подсаживая в экипаж, но ничего не сказал до самой остановки на узкой улице, заполненной конторами.

– Мой поверенный человек жесткий, – открыл он рот, вновь заменяя лакея, – но ему нужно говорить только правду.

Амелия подняла на него удивленные глаза:

– Мне незачем лгать, милорд! – абсолютно спокойно сказала она. – Я, конечно, чувствую неловкость от того, что претендую на титул и доходы вашего друга, но если мне скажут, что по закону я не имею на это права, я отступлю. У меня есть диплом. Дети пошли в школу. Мы проживем и без титула. Просто... мне кажется неправильным не выполнить последнюю волю лорда дю Боттэ. А он не хотел, чтобы его состояние досталось дядюшке и кузине.

– Вы правы, – сказал виконт – Жак терпеть не мог кузину и ее отца. И в свете это знали.

На это мисс Фонтен лишь дернула плечом. Она была так же далека от светского общества, как от родной деревни.

Они вошли в просторную контору, в которой сильно пахло старыми бумагами, кожаными переплетами и чернилами. Солидный господин с невыразительным лицом явно ждал их и сразу пригласил в кабинет.

Просторное помещение не имело окон, зато стены были обтянуты плотной темной тканью и даже дверную нишу укрывали портьеры. На всякий случай поверенный еще и пальцами щелкнул, замыкая магический контур от прослушивания. Амелия даже дышать боялась – настолько все тут было серьезно, солидно и дорого.

– Милорд, – мужчина смотрел только на виконта, – вы очень просили устроить встречу по важному вопросу.

– Да, мэтр Москани, дело очень важное. Дело в том, что я был свидетелем на свадьбе этой прелестной леди и моего друга графа дю Боттэ...

Флайверстоун коротко рассказал, как все было, а Амелия предоставила написанный на коленке брачный договор. Мэтр

нахмурился, прочел листочки, потом щелкнул пальцами, проверяя что-то и покивал головой:

– Бумаги подлинные, как и подпись графа дю Боттэ. Скажите, был ли свершен брак?

Вот тут Амелия запылила всем лицом, но, к ее счастью, слово взял виконт:

– Той же ночью нас перебросили на передовую. Жак просто не успел.

Поверенный нахмурился, и явно собрался сказать что-то неприятное, но Амелия его перебила с неожиданной для себя уверенностью:

– Мы заключили союз на границе, и поцеловались в присутствии свидетеля. Согласно прецеденту Ремарка, брак действителен!

Мэтр откинулся в своем кресле и с интересом взглянул на девушку:

– Вы правы, миледи, – сказал он, – но доказывать все это придется через суд. Пока предлагаю подать прошение в королевскую канцелярию, приложив копии брачного договора и описание церемонии с указанием свидетеля. Затем вам нужно появиться в свете. Любой прецедент лишь намек для суда. Нужны веские основания. Докажите всем, что вы будете лучшей графиней дю Боттэ, чем та леди, что сейчас занимает это место. И еще, – мужчина бросил взгляд в сторону виконта, – вам не стоит заводить интрижки. Горюющую вдову охотно примут в обществе. Легкомысленную кокетку, слишком быстро забывшую о покойном супруге, не простят!

Амелия задохнулась было от возмущения, но вспомнила предупреждение виконта и благодарно склонила голову:

– Благодарю за совет, мэтр. Я постараюсь ему следовать.

Поверенный доброжелательно улыбнулся и сказал:

– Я сейчас прикажу сделать копии, и заверю их в соседнем кабинете...

– Простите, – Амелия быстро собрала бумаги, – но я не хочу выпускать эти документы из рук. Я могу сама изготовить копии магией, а к нотариусу пойдем вместе или пригласим его сюда.

– Вижу вы неплохо подготовились к своей битве, – снова одобрительно хмыкнул мэтр и вынул из ящика стола пачку дорогой гербовой бумаги: – делайте копии, я пока приглашу мэтра Тишшена.

Пока поверенный ходил за коллегой, Амелия разложила на столе документы, и возле каждого листа положила по три чистых.

– Три копии? – удивился виконт, – не слишком много?

– Одну в канцелярию, одну поверенному, и одну я оставлю на хранение вам, – качнула головой девушка сосредотачиваясь.

Все строчки документа набухли, потом разделились, одна часть поднялась в воздух и медленно опустилась на чистый лист. Амелия выдохнула и проверила, как легли буквы. Затем потерла руки, согревая их и снова провела ладонью над документом. Виконт наблюдал с большим интересом, а через пару минут к нему присоединился мэтр с незнакомым мужчиной в слишком теплой и пышной мантии.

– Великолепно, миледи! Я вижу вы из хорошей семьи, ваш дар развит и неплохо заточен.

– Благодарю, мэтр, – вежливо отозвалась Амелия, – да мои родители были благородными людьми, а я закончила пансион. Вам хватит трех копий?

– Если вы не планируете оставлять экземпляр себе, то хватит.

– Значит я сделаю еще! – отозвалась мисс Фонтен, – один экземпляр мне бы хотелось оставить на хранение милорду Флайверстоуну.

– Как вам угодно! – сказал поверенный и разложил на столе дополнительные листы.

Пришедший с ним человек оказался нотариусом. Он быстро шлепнул на все копии печати, написал «копия верна» и свои данные. А потом вынул из кармана крохотную книгу, щелчком пальцев увеличил ее до размера «фوليو», сделал запись и попросил Амелию и виконта расписаться.

– Думаю все, – мэтр Москани проверил копии, и убрал их в папку, – остальное сделают мои помощники. Прощение, заявление и прочее. Милорд, вы представите даму свету?

– В самое ближайшее время! – заверил виконт.

Закончив с делами, мисс Фонтен и лорд Флайверстоун вышли из конторы. Оказалось, что они провели за делами больше двух часов и уже настало время отправляться на чай к виконтессе. По дороге лорд бросал на Амели странные взгляды, а она страшно волновалась. Если уж в обычной кондитерской ее одежда выглядела убого, что будет в гостинной благородной дамы? Впрочем, переживать уже поздно!

Остается встретить новый жизненный поворот с высоко поднятой головой!

Дом виконта располагался совсем близко к тому дому, в который мистер Четвертинский привозил приглашения. Только теперь Амели выпала возможность полюбоваться им с парадного фасада. Заметив ее взгляд, виконт серьезно кивнул:

– Это столичный особняк дю Боттэ. Прошу вас, графиня, не переживайте, нас ждут.

Их действительно ждали. Дворецкий в ливрее с начищенными пуговицами распахнул дверь и объявил:

– Ваш сын, мадам, и юная леди!

– Зови скорее! – раздался в ответ нетерпеливый женский голос.

Флайверстоун не отпуская руки Амелии вошел в уютную гостиную, отделанную в светлых тонах, и укоризненно сказал:

– Матушка, я же вас предупредил, что прибуду с графиней дю Боттэ.

– Ты же знаешь нашего Бриггса, – отмахнулась веером моложавая дама в красивом модном платье лилового цвета с отделкой из черного гипюра.

– Что ж, мама, позволь тебе представить леди Амелию, графиню дю Боттэ! – сказал виконт, и приложился к ручке.

– Очень приятно, графиня, присаживайтесь! Хотите чаю? – яркие, словно переспелые вишни глаза вдовствующей виконтессы внимательно следили за Амелией.

На миг девушка растерялась: обивка диванчика, на который ей предложили сесть выглядела в разы дороже ткани, из которой было пошито ее платье. Но через миг она вспомнила, что решила не подавать вида и представила, что зашла на чашечку чая к соседке или тетушке.

– Благодарю вас, леди Флайверстоун, с удовольствием выпью чашечку.

Рядом с хозяйкой дома стоял чайный столик, заполненный различными сладостями и закусками. Все выглядело свежим и аппетитным, над серебряным чайником с кипятком поднимался парок, да и после длинной прогулки пить очень хотелось. Однако виконт, взглянув на вазочки и тарелки нахмурился.

Амелия сначала не поняла – чем Флайверстоун недоволен, но когда хозяйка предложила ей выбрать угощения – сообразила. Море крема. Соус. Липкий джем. Орешки, просто насыпанные поверх булочек. С таким набором блюд очень трудно сохранять приличия, откусывать маленькие кусочки и не испачкать лицо и руки. Судя по гримасе виконта – это было приготовлено специально? Странно, зачем? Во взгляде вдовствующей виконтессы не было злости или раздражения, лишь интерес и любезность.

– Благодарю, ваше сиятельство, – улыбнулась Амелия и выбрала сухое печенье, без излишеств.

Чай был горячий, вкусный, а печенье оказалось соленым. Впрочем, сочетание получилось интересное. Помнится матушка любила посыпать сладкий пудинг солеными орешками... Амелия невольно погрузилась в воспоминания, и упустила обмен взглядами между виконтом и виконтессой.

– Все-все, мой мальчик, я поняла! – подняла руки леди Флайверстоун, словно сдаваясь и тут же повернулась к Амелии: – простите меня, леди дю Боттэ. Сын рассказал мне о скоропалительной женитьбе друга, и о своем желании помочь вам. Я... – виконтесса замялась.

– Я понимаю, – улыбнулась в ответ Амелия, – у меня есть младшие сестра и брат, и я тоже стараюсь уберечь их от ошибок.

– Я рада, – с облегчением выдохнула леди Флайверстоун. – А теперь предлагаю поесть, и обсудить детали!

Глава 13

Оказалось, представление вдовствующей графини дю Боттэ обществу – это весьма тонкая вещь.

– Поскольку у вас нет особняка в столице, и вам некуда пригласить гостей, необходимо снять номер в очень приличной гостинице, – объясняла Амелии виконтесса, отпивая чай сразу после кусочка восхитительного сэндвича с огурцом. – И держать там лакея с подносом для карточек. – Кстати, нужны ведь визитки! Жан-Поль, у тебя остались визитки Жака?

– Найду несколько штук, – отозвался виконт. – Я помню, в какой типографии он их заказывал, повторить будет не сложно.

– Повторить? – смогла вставить словечка Амелия.

Ей тут же подробно объяснили, что жены и дочери пользуются карточкой отца или мужа, вписывая свое имя от руки.

– Конечно леди может иметь и свои визитки, но для вас будет лучше напомнить всем о покойном графе, – сочувственным тоном сказала леди Флайверстоун. – Насколько мне известно, дядюшка Жака сразу же заказал себе визитки с графской короной и его дочь пользуется ими. А вы, написав свое имя на визитках супруга докажете, что имеете больше прав на титул графини дю Боттэ.

– Я все поняла, миледи, – потупилась Амелия, – но... сейчас я абсолютно не в состоянии снять номер в хорошей гостинице, и заказать визитки.

– О, дорогая, простите, что я вам не сказала! Жан-Поль все сделает для вас! И завтра мы должны отправится к моей модистке, чтобы сшить для вас подходящий гардероб!

– Миледи, – твердым тоном сказала Амелия, – вся эта история с моим браком и скоропалительным вдовством дурно пахнет. Мэтр поверенный уже объяснил мне сегодня, что все придется доказывать через суд. И неизвестно, смогу ли я одолеть родственников графа, ведь они в глазах короны имеют больше прав на его титул и имущество. Не стоит вам в это влезать!

К ее удивлению, виконтесса поаплодировала:

– Bravo! Моя дорогая, я ценю вашу честность, но, по правде говоря, мой сын уже по уши в этом деле. Он привез вас к своему поверенному, он привез вас в наш дом. Ваши визиты не пройдут незамеченными.

Амелия вздрогнула и посмотрела на виконта. Он же внимательно смотрел в окно, делая вид, что не замечает ее взгляда.

– Вы отважны, – продолжила свой спич виконтесса, – раз сумели приехать в столицу из глухой провинции и не потерять здесь самоуважение и честь. Вы образованы, а ту малую часть знаний, которой вам не хватает легко восполните с моей помощью. Скажу вам по секрету – семейку дю Боттэ в нынешнем варианте не любят. Очень не любят. На это есть причины, но Кларисса и ее папенька каждый день умудряются огорчить еще кого-нибудь. У вас будут соратники, это будет славная битва. Если даже вы не победите – вы сумеете найти себе нового мужчину, или новую судьбу. Кто знает? – виконтесса лукаво улыбнулась и попросила сына: – Жан-Поль, налей-ка нам ликера, для храбрости!

Виконт молча принес из резного шкафчика пузатую бутылку, и налил в две крохотные рюмочки вишневого цвета. Дамы пригубили, и Амелия сдалась. Она честно пыталась сопротивляться, указывала на то, что денег у нее нет, и скорее всего не будет, но ее не особенно слушали. Просто предупреждали, что вот завтра уже срочно-срочно нужно к модистке, послезавтра снять номер, а через три дня устроить маленький прием...

Наверное, девушка захмелела. Все же в прежней жизни ей не часто удавалось попробовать спиртное. Услышав про прием, она вдруг хихикнула, и выдала тайну:

– Я подписывала приглашения от имени графини дю Боттэ на памятный вечер. Имя виконта было в списках на первом месте. Это потому, что вы друг прежнего графа?

– Нет! – потемнел лицом Флайверстоун и отвернулся.

Амелия обескураженно замолчала, стремительно трезвея и пробормотала:

– Извините, милорд, не знаю, что на меня нашло.

– Не переживайте, дорогая, – виконтесса грустно тронула ее за руку, – просто всем известно, для чего Кларисса устраивает этот вечер. Совсем не для почитания памяти погибших. Просто Жак и Жан-Поль

служили в элитном полку. Их друзья все знатные и состоятельные офицеры. Многие совсем недавно вышли в отставку и не успели жениться. Нынешняя леди дю Боттэ желает успешного светского брака.

Амели поняла, почему отвернулся виконт. Наверняка прежде он был записным красавцем и легко пленял девичьи сердечки одной улыбкой. Теперь же резерв оттягивает амулет, он чувствует себя слабым и неполноценным, плюс хромота и шрамы...

– Думаю леди Кларисе будет ооочень неприятно, – протянула она, бросая заговорщический взгляд на леди Флайверстоун, – если вы явитесь на этот прием с дамой, милорд!

– А если это будете вы, и вас громко объявят на входе... – подхватила виконтесса, многозначительно приподняв брови. – Когда там прием? Сын, позови Дилана, нужно найти приглашение!

Виконт проникся смелостью Амелии, и дернул сонетку. Появившийся в дверях лакей был отправлен за мистером Диланом – секретарем миледи Флайверстоун. Приятной наружности молодой человек в темно-зеленом сюртуке быстро нашел нужное приглашение, и виконтесса потеряла руки:

– Клариса пригласила и меня и сына. Ему написала, что желательно прийти с дамой. Думала, что Жан-Поль как обычно придет со мной! Но мы устроим ей сюрприз!

– Простите! – Амелия нечаянно взглянула на часы, деликатно отсчитывающие время на каминной полке, и вскочила: – Дети! Их пора забирать из школы!

– Я отвезу вас! – тут же встал виконт.

– Очень жаль, что вы торопитесь, – неспешно поднялась виконтесса, – жду вас завтра с утра, и не опаздывайте!

Амелия занервничала, и готова была пообещать что угодно. Однако, когда они сели в экипаж, лорд Флайверстоун насмешливо сказал:

– Не переживайте, Амелия, для моей матушки утро наступает в полдень, не раньше. Я заеду за вами в половине двенадцатого.

– Почему? – выдохнула вдруг девушка, схватив мужчину за руку. Очень смелый жест. Амелия никогда бы не повела себя так, но сейчас волнения последних дней нахлынули на нее, заставляя сердце биться быстрее.

– Что, почему? – вновь усмехнулся Флайверстоун.

Но Амели не поверила этой кривой усмешке. Она успела немного узнать этого благородного и честного человека. А еще она пусть немного, но разбиралась в людях.

– Почему вы помогаете мне, рискуя своей репутацией?

Виконт помолчал, потом все же заговорил:

– Жак был моим другом, и все же немного соперником. Когда его ранили в лицо, повредили руку, я сочувствовал, но тайно радовался, глупец, думая, что теперь все красавицы будут моими. А потом его бросила невеста. Просто в лицо сказала о том, что слишком знатна, богата и красива, чтобы выйти замуж за уроды. А дядюшка подлил масла в огонь, причитая, что хотел для своей дочери лучшей партии, но род нужно спасать, и срочно рожать наследника, а потому графу дю Боттэ только и остается, что жениться на его кровиночке.

– Я помню, граф говорил мне о том, что не желает отдавать титул родичу.

– Идея скоропалительной женитьбы была моя, однако, когда нас перебросили из временного госпиталя в самое пекло, я жалел.

– Жалели? О чем? – удивилась Амелия. Она вполне понимала соперничество между молодыми дворянами – мальчишки, они мальчишки и есть, но потом? В огне битвы?

– Жалел, что не женился на вас сам, – сухо ответил Флайверстоун, – потому что Жак вспоминал вас. Ваш светлый образ давал ему силы выбираться из самых отчаянных ситуаций. Когда он погиб, я не стал искать вас. Не хотел рушить воспоминания. Мне казалось вы другая. Что вы лишь притворились тем видением, которое пленило Жака!

Амели потупилась. Слушать откровения взрослого мужчины было неприятно, но... нужно было вскрыть этот нарыв, иначе она не сможет доверять этому человеку. А в ее ситуации без доверия не обойтись. Сама себе она напоминала рыбешку, малька, пущенного в аквариум с крупными рыбами. Пойдет на корм? Или сумеет отыскать уголок и тихонечко подрасти?

– А потом я встретил вас здесь, в столице, и понял, что Жак угадал! Ему опять повезло! Более светлого, чистого создания я не встречал! Поэтому я сделаю все, чтобы помочь вам, вернуть его имя и деньги. А потом задам вам один вопрос. Но это будет потом. Мы уже приехали. Смотрите, дети ждут!

Флайверстоун как-то быстро и незаметно перевел разговор, отвлек Амелию, и она сделала вид, что позабыла. Вопрос, так вопрос. Не стоит сейчас торопить коней. Время покажет, будет ли у них время и желание задавать вопросы друг другу.

Глава 14

Вечером дворник принес воду и дрова, на печке сварилась вкусная каша, а тетушка Метта отыскала под своей конторкой небольшой утюг, и легко одолжила его для приведения в порядок воротничков и сорочек.

За ужином дети не просто щебетали про школу – они обсуждали домашние задания, первые опыты Бриса с огнем в специальном защищенном классе и новых подруг Иланы – слабеньких магичек из группы бытовых магов.

Амелия слушала болтовню, улыбалась, показывала свои покупки, в общем старалась вести себя, как обычно, но дети – чуткие существа. Пока Брис плескался в тазу. Илана прижалась к ней, положила голову на плечо и просто затихла, как когда-то давно, в раннем детстве затихала около матери. Обнимая сестру Амелия, мысленно поклялась сделать все, чтобы ужасы, пережитые ими той зимой, не повторились.

Утром младшие сами пошли в школу, позволив сестре лишь проверить, как они одеты, и понаблюдать за началом их пути из окна. Конечно, Амелия не удержалась – мышкой выскользнула на лестницу, и проводила сестру и брата до самой школы. Но увидев, как легко дети влились в компании сверстников, выдохнула, вернулась домой и занялась насущными делами. Нужно было протереть пол, прибрать брошенные в спешке ленты и шпильки, сварить на ужин суп, подтопить печь, потом взять книгу... В общем занять себя хоть чем ни будь, только не думать о поездке к модистке.

В назначенный час Амелия неспешно спустилась вниз. Вероятно, со стороны казалось, что она идет чинно, а на самом деле у нее подгибались от страха ноги, и ей приходилось вцепляться в перила, чтобы не упасть. Консьержка проводила ее одобрительным взглядом – оказалось виконт уже ждал у крыльца, и вежливо поцеловав руку сказал:

– Матушка просила поторопиться. Она так вдохновилась вашей идеей посадить Кларису в лужу, что уговорила свою модистку пораньше открыть салон!

– Мы едем прямо туда? – спросила Амелия, старательно унимая панику.

– Конечно! Я нередко сопровождаю матушку, и знаю, что дамы могут провести у модистки целый день, без прогулок и перерывов на обед!

Девушка содрогнулась от перспективы, но смиренно села в экипаж.

Прежде они всей семьей пользовались услугами сельской швеи – опрятной, почтенной женщины, умеющей экономно раскроить ткань, и проложить крепкий ровный шов. Мелочи шили сами. Позже, когда Амелия уехала в пансион, ей выдавали форму, пошитую городской портнихой, но передники, сорочки, нарукавники – обитательницы пансиона шили себе сами, обучаясь рукоделию.

Лишь во время учебы у мастера каллиграфии девушка позволила себе заказать два платья и пальто в ателье, тогда же и узнала, что в столице давно уже есть механизмы, помогающие быстро шить и плотную шерсть и тонкий шелк, но о такой роскоши провинциальным белошвейкам приходилось лишь мечтать! Что если ее потертое платье вызовет насмешки у местных швей? Сможет ли она удержаться от слез?

Коляска остановилась возле основательного трехэтажного здания на широкой очень нарядной улице. Два огромных окна подсвеченные магическими огоньками демонстрировали модные туалеты во всей красе. На одной витрине красовались платья для прогулок и визитов, строгие, даже чопорные. А на второй было выставлено роскошное вечернее платье и сильно декольтированный вечерний наряд.

– Прошу! – виконт подал Амелии руку, и неспешно проводил к двустворчатой зеркальной двери. Швейцар с поклоном распахнул ее, пропуская гостей в царство ткани, лент, кружев и головокружительного аромата лавандовых и лимонных саше.

Две стены были увешаны длинными полосами тканей – от самых дорогих и плотных, до невесомых, полупрозрачных. Третью занимали дверь и окна-витрины, а четвертая стена была зеркалом! Одним огромным зеркалом! Такое чудо могли сотворить только маги! Амелия так засмотрелась на это невероятное зеркало, что едва не пропустила виконтессу!

Леди Флайверстоун уже ждала их, сидя на очаровательном розовом диванчике. Рядом почтительно склонилась девушка в строгом

черном платье, держа в руках картинки с модными фасонами и образцы тканей.

– Леди дю Боттэ! – радостно воскликнула энергичная леди, вставая с дивана, и деликатно приобнимая Амелию. – Как хорошо, что вы нашли для меня время! Хотите чашечку чая?

– Благодарю вас миледи, может быть позже, – вежливо улыбнулась Амелия, с ужасом вспоминая, что ей никто не назвал имя виконтессы! Только титул и фамилию!

Виконтесса и махнула рукой девушке в черном:

– Раз мы не будем пить чай и сплетничать, прошу вас, узнайте, принимает ли уже мадам Ланвен! Ее ждет новая клиентка!

Служительница торопливо ушла, а леди Флайверстоун строго посмотрела на сына:

– Жан-Поль, вернись за нами часа через три, боюсь раньше мы не закончим.

Молодой лорд почтительно поцеловал матери руку и вышел, а дамы остались. Амелия заметила другие диванчики, на которых сидели дамы разного возраста, почти все с чайными чашками или модными картинками в руках.

– Лично мадам принимает редко, – шепотом делилась с девушкой информацией виконтесса, – один раз увидит, снимет мерки, и занесет в каталог. Потом ее помощницы записывают пожелания, помогают подбирать ткани и отделку. Но есть примета – если мадам приглашает к себе второй раз незамужнюю девушку, значит ей скоро понадобится свадебное платье.

– А если замужнюю, или вдову? – так же тихо спросила Амелия, отвлекаясь от разглядывания зала.

– Вдову ждет второе замужество, а вот замужние дамы опасаются. Обычно приглашение означает либо ребенка, либо траур. В общем то, что сильно повлияет на фасон туалетов!

– Мадам маг? – предположила Амелия.

– Немного, – покивала головой виконтесса, – говорят, что ее отцом был один из графов, приближенный старого короля, но это слухи. Просто мадам не принимает никого с улицы, даже за огромные деньги. Всегда просит рекомендации у других постоянных клиенток. Кстати, Кларисе мадам отказалась шить совсем. Та заявила сюда одна, без старшей родственницы или компаньонки, устроила скандал,

и даже разбила чайный сервиз, когда хозяйка этого модного дома отказалась спуститься к ней в общий зал, чтобы принять заказ лично!

Закончить любопытную сплетню виконтесса не успела: в зал спустилась уже знакомая служительница и шепотом пригласила их подняться в мастерскую. Там, в абсолютно пустом, белом помещении их ожидала худощавая седовласая дама в строгом черном платье с мерной лентой наперевес.

– Леди Флайверстоун, – вежливо кивнула она, – рада видеть вас у себя! Ирида сказала, что вы привели ко мне новую клиентку.

– Все верно, мадам, – улыбнулась виконтесса, – прошу любить и жаловать, вдовствующая графиня дю Боттэ.

Модистка слегка подняла тщательно подведенные брови, и чуть нахмурясь произнесла:

– Я отказала нынешней леди дю Боттэ...

– И совершенно справедливо, – одобрительно кивнула леди Флайверстоун, – Клариса абсолютна несдержанная особа. Но за эту леди я прошу вас лично! Амели вдова Эммета-Жаккарда дю Боттэ, героя войны с гангутами. Мой сын воевал вместе с ним...

– Рада знакомству, – несколько холодно произнесла мадам Ланвен, разглядывая Амелию пронзительными голубыми глазами.

– Мне сказали, – улыбнулась Амелия, – что вы можете сотворить графиню из провинциальной мисс. Мне нужно платье, чтобы появиться на приеме нынешней владелицы особняка дю Боттэ, посвященном павшим героям войны с гангутами. Появиться так, чтобы все вспомнили благородство и силу духа прежнего графа и пожалели о его гибели!

Мадам снова вскинула брови, и лента в ее руках вдруг взвилась в воздух, свилась в кольцо, а потом задрожала рядом с Амели, словно готовая к броску кобра:

– Раздевайтесь, миледи, – голос модистки звучал мягче, – кроме бального платья, полагаю вам нужен полный гардероб?

– Траурный, – ответила Амелия, – граф погиб чуть больше года назад.

Модистка вновь подняла брови и покачала головой:

– Если позволите, миледи, я сама выберу для вас ткани и отделку...

– Соглашайтесь! – прошипела на ухо Амелии виконтесса, – это великая честь!

Девушка всмотрелась в лицо мадам, и увидела в нем отблеск того знания, которое порой видела на лице мастера Олди. А ведь старый каллиграф ЗНАЛ!

– Для меня будет честью получить гардероб, подобранный вами лично, – сказала девушка.

Дальше все было быстро и молча. Помощница мадам помогла Амелии снять платье, лента будто живая скользила по рукам, по талии, по шее, а модистка быстро записывала что-то карандашом в обыкновенный блокнот. Когда мерки были сняты, Амелии помогли одеться, отвели в небольшую светлую гостиную, предложили чай и разложили перед ней толстые альбомы, но не с тканями или с картинками модных фасонов, а с тесемками, кружевами и лентами.

– Выбирайте то, что понравится, – сказала мадам, и протянула целую горсть маленьких желтых скрепок, – отрезаете кусочек, и крепите на этот лист. Сверху подпишите свое имя.

Удивившись такой необычной манере, Амелия красиво вывела на плотном куске картона: «мисс Амелия Фонтен». Модистка взглянула через плечо и покачала головой:

– Вы неправильно написали имя, миледи! – и тут же подала другой лист.

Смутившись, Амелия подписала так, как следовало: «вдовствующая графиня дю Боттэ».

– И это не верно! – третий лист лег на маленький столик, – подпишите проще.

– Хорошо! – устав удивляться Амелия написала просто: «Амелия дю Боттэ».

– Отлично! А теперь выбирайте! – первый альбом распахнулся, являя на свет ряды атласных и шелковых лент.

Улыбнувшись, Амелия пожала плечами:

– Разве что лиловые.

– Нет-нет, миледи! – мадам Ланвен была строга, – выбирайте так, словно никакого траура нет. Он ведь когда-нибудь закончится.

Пожав плечами, Амелия утонула в полосках кружев и лент. Все же у каждой девушки есть слабость к милым изящным вещичкам, а

отделки шнуры и кружева в альбомах мадам стоили самых изысканных слов!

Когда кончился чай и альбомы, Амелии принесли новое платье. Точнее сначала ей принесли белье. Нежно-лиловое, отделанное лентами и узким кружевом. Сорочка, корсет, панталоны, нижние юбки... когда все надели, затянули и расправили, девушка и вздохнуть боялась, а ее подвели к огромному зеркалу, и она не узнала себя в нем!

– А теперь платье! – по приказу мадам четыре помощницы внесли нечто изумительное! С первого взгляда тонкая шерсть казалась просто серой, а со второго становилось понятно, что удивительный серо-лиловый оттенок ткани, гораздо богаче, чем просто серый. А еще на платье была отделка из фиолетового бархата, и узких черных кантов. Ко всему прочему на плечи надевался воротник-накидка из черно-лилового кружева, а на голову – шляпка с лентами тех же цветов. Все вместе выглядело дорого, строго и немножко по-весеннему. Наверное потому, что тулью шляпки украшали темно-лиловые фиалки.

– Плащ подойдет и обычный черный, – решила мадам, когда девушка вышла из-за ширмы, – но на фиолетовом подкладе!

И плащ тотчас принесли. Когда Амелия налюбовалась собой в зеркало, дам с поклонами проводили в общий зал, где уже поджидал виконт. Сначала лорд Флайверстоун впал в ступор, разглядев в незнакомой даме рядом с матерью вдову друга. Потом почтительно склонился над ее рукой:

– Графиня! Я потрясен!

Амелия бледно улыбнулась в ответ. Не смотря на чай и смягчившуюся атмосферу она очень устала и проголодалась.

– Мама, леди дю Боттэ, вы позволите пригласить вас на обед?

– Это будет очень мило с твоей стороны, сын, – улыбнулась леди Флайверстоун, – надеюсь ты успел заказать столик в «Камю»?

– Отдельный кабинет, – ответил виконт, – думаю не стоит показывать леди дю Боттэ публике до вечера памяти у Кларисы.

– Ты прав, – виконтесса довольно взглянула на Амелию и вдруг подмигнув предложила: графиня, а что, если мы немного мистифицируем любопытных? Вы не против появиться в ресторане под вуалью?

– Совсем нет, – признала девушка, – я пока неловко чувствую себя в столице, да и траур еще не кончился.

– Отлично! Минуту!

Леди Флайверстоун моментально поймала одну из помощниц мадам Ланвен, и попросила принести вуаль и шляпную булавку. Через минуту лицо Амелии интригующе покрывала тончайшая черная сеточка в три слоя. Первый шел по линии подбородка, второй подчеркивал высокие скулы, третий кокетливо прикрывал один глаз.

– А теперь самое главное! – виконтесса лучилась довольством от своей задумки, – Флай, наложи на эту вуаль иллюзию!

– Что? – виконт и так ошарашенный преобразованием скромной провинциалки несколько растерялся.

– Леди дю Боттэ пока не добилась официального слушания своего дела, – пояснила сыну мать, – но у нынешнего графа тоже есть сторонники. Они могут причинить ей вред. Чтобы этого избежать наложи зеркальную иллюзию. Пусть каждый видит под этой сеткой другое лицо и цвет волос. Закрепи плетение на ткани и частично на булавке, чтобы графиня могла использовать этот аксессуар на других шляпках, и все!

Амелия не все поняла в объяснениях виконтессы, но виконт понял. Стянул перчатки, попросил стоять смирно и пару минут что-то бормотал, поводя руками.

– Все! – выдохнул он, и промокнул каплю пота белоснежным платком с вышитым гербом.

– Отлично получилось! – леди Флайверстоун едва не захлопала в ладоши и обошла Амелию кругом. – Отсюда я вижу рыжую зеленоглазую бестию, а здесь бледная кареглазая брюнетка, а вот и блондинка, серая, как моль! Прелестно! Сын, ты молодец! А теперь мы очень хотим есть!

Лорд Флайверстоун не стал возражать и немедленно повез двух прекрасных леди в ресторан.

Глава 15

Лорд Арман Мари де Вернель граф дю Боттэ сжал кулаки. Он так старался! Столько всего сделал, чтобы заполучить титул из рук племянника! Когда братец и его жена умудрились подцепить заразную болезнь и умереть в глуши без помощи лекаря, лорд де Вернель только зубами скрипнул – наследник уцелел! Его успели отправить на учебу в офицерский корпус. Была надежда, что суровые условия жизни в учебном заведении или очередная заразная болезнь прервут жизнь юного графа дю Боттэ, но мальчишка оказался на диво живучим и сильным.

Надежда поманила лорда Вернеля снова, когда Эммет попал в действующую армию, а потом обгорел в бою. Невеста – вполне знатная девица с приданым отвернулась, племянник впал в меланхолию, и того гляди наложил бы на себя руки! Или ему помогли бы наложить, оставив невнятную записку о разочаровании в жизни. Но дружок, этот рыжий виконт, утащил графа обратно, на передовую, уверяя, что там он точно забудет о хандре.

Конечно, соваться к театру военных действий лично – опасно. Путем невероятных ухищрений лорду Вернелю удалось подкупить парочку штабных адъютантов, чтобы приглядывать за родственничком издалека. Когда же стало ясно, что молодой граф снова выжил, лорд Арман понял, что титула ему не видать. Но ведь можно стать опекуном внука! Надо только выдать единственную дочь замуж за кузена, а там уж...

Клариса план одобрила, и даже приехала в полевой лагерь, чтобы церемония прошла быстро и при свидетелях. Только не думала знатная леди, что путешествовать – это так неудобно, хлопотно и неприятно! После перехода тошнит и кружится голова. Гостиницы мерзкие. Прислуга косорукая. Одежда мятая и влажная! У юной леди Вернель каждый час находился повод для расстройства! А когда леди Клариса расстраивалась, она добивалась, чтобы плохо стало всем вокруг! Даже родному папеньке!

Сколько лорду Вернелю пришлось выдержать в пути – страшно вспомнить! А уж цены на порталы! Тем не менее они прибыли к

штабу, передали нижайшую просьбу о срочном бракосочетании наследному принцу, и затаились в палатке, поджидая Эммета-Жаккарда дю Боттэ из временного госпиталя, спрятанного где-то на болотах.

Граф явился с этим своим рыжим приятелем, и почти угодил в расставленную на него ловушку. Молодой офицер явился в штабную палатку, чтобы поприветствовать принца, а ему сообщили, что его уже ждет невеста, и все готово к церемонии. Казалось бы – куда тут денешься? Сам наследник престола готов отвести невесту к алтарю, да и разрешение на брак формально есть... Но мальчишка и тут выскользнул, как рыба из сети! Заявил, что уже женат, и согрешить двоеженством не может! А виконтишко его поддакивает, уверяет, что был свидетелем и бумаги принцу под нос тычет!

Тут уж лорд Вернель совсем опечалился, представляя, что придется купить Кларисе за публичное унижение и дальнюю поездку, но выручил принц. Отправил строптивного мальчишку на завоеванную территорию с каким-то поручением. А Эммет и не вернулся! Виконта принесли побитого, и неясно было выживет он или нет. Тут уж Арман Мари медлить не стал – запросил в штабе бумагу о гибели родственника, и рванул в столицу – искать поддержки у друзей и знакомых, чтобы Его Величество одобрил передачу титула младшей ветви.

И все получилось! Титул, земли, ценные бумаги, счета! Даже родовой особняк – все перешло в руки нового графа дю Боттэ! Клариса радостно прыгала, узнав новости, да и он счастливо улыбался – сбылась мечта всей его жизни! Про невнятную жену Эммета-Жаккарда и думать забыли! Ну приврал мальчишка, чтобы не женится, с кем не бывает!

Однако не смотря на свалившееся на них богатство, светский тон граф с дочерью выдержали. Полгода носили траур, потом перешли на оттенки серого и лилового, а уж после «дня памяти» планировали распрощаться с мрачными одеяниями черного и серого цвета навсегда. И вдруг! Слушок. Легонький. Сначала весть о том, что рыжий виконт назвал кого-то «леди дю Боттэ», хотя Кларисы на той улицы никогда не было.

Потом пустячок – сплетня из дамского ателье. Мол мадам Ланвен приняла у себя графиню дю Боттэ и теперь шьет ей какой-то

невероятно изысканный гардероб! Клариса услышала поздравления от одной из заклятых подружек, топнула ногой, вспомнив «старую каргу», которая отказалась спускаться в общий зал, а потом и вовсе перестала принимать у себя дерзкую «графиню» и... предсказуемо пришла с вопросом к отцу. Что это еще за «графиня дю Боттэ»? Неужели папенька решил жениться? Певичек и актрисок перестало хватать?

Лорд Арман нахмурил кустистые брови, выслушал дочь, строго велел вернуться к гостям, и поддерживать разговор.

– Узнай откуда пошли слухи, дочь, да в подробностях. Кто еще видел и слышал, что за гардероб шьют, так постепенно и узнаем, кто под нас яму копает!

Клариса душой все ж не была, сообразила, что их внезапному благополучию что-то угрожает, и послушно вернулась в гостиную.

До ночи она развлекала гостей, и понемногу выведывала крохи информации, а после ужина вновь заглянула в кабинет к отцу:

– Никто ничего не знает, – сказала она, падая в кресло у стола, – эта бестолочь Квенс услышала, как шептались помощницы модистки, когда снимали с нее мерки. Потому и поздравила меня скрипя зубами. Хотела узнать, чем мне удалось переломить недовольство этой старой ведьмы!

– А Флайверстоуна там никто не упоминал? – самым недовольным тоном спросил лорд Амадей.

– Флая? Того героя с тростью? Его видели вчера с дамой в ресторане. Обычно по четвергам он обедает с леди Флайверстоун, но в этот раз с ними была незнакомая дама под вуалью.

Клариса выпрямилась в кресле и уставилась на отца холодными серыми глазами:

– Полагаете, папенька, старый друг Эммета мутит воду?

– Нужно разузнать, что за дама, была с ним, – осторожно ответил граф. – Ты же понимаешь, есть недовольные передачей титула младшей ветви. Они на многое пойдут, чтобы вернуть титул казне или отдать дальним родственникам. Когда там у тебя вечер памяти?

Леди с трудом удержалась от гримасы – терпеть не могла эту манеру отца – спрашивать о том, о чем прекрасно знает.

– Через неделю! Я уже разослала приглашения офицерам и подругам.

– Флайверстоун приглашен? – требовательно спросил лорд Амадей.

– Конечно! Лучший друг, хранитель памяти! – Клариса сделала скорбное лицо.

– Вот и отлично! Когда он появится, прикажи подать нам бутылку горской настойки!

Изящная брюнетка поморщилась, но кивнула. Горская настойка на семи травах была убойным напитком. Ее пили крохотными рюмочками «для здоровья», и славилась она тем, что могла свалить с ног даже самого крепкого мужчину. Нередко эту настойку каплями подливали в чай или кофе, чтобы развязать язык упорному молчуну. Что за травы добавлялись в спиртное, горцы не признавались, и просили за бутылку не мало – десять серебряных монет, но хитрецы вроде нынешнего графа дю Боттэ всегда имели в запасе бутылочку-другую. Вдруг пригодится?

Больше о своих планах лорд Арман дочери ничего не сказал, зато на следующий день, еще до полудня отправился к поверенному. Делами семьи ведал сухонький, но шустрый, как кузнечик мистер Пайпер. Он очень удивился слухам, и успокоил графа тем, что ни одна бумага, имеющая отношение к графам дю Боттэ мимо него, не пройдет.

– Я не зря столько лет занимаю эту должность, милорд, – горячился мистер Пайпер, – не зря каждую неделю плачу по шиллингу служкам Верховного суда и крупных контор! Да в этом городе мимо меня не пролетит ни одна записка!

– И все же я попрошу вас быть внимательным, – строго сказал лорд Амадей, прощаясь.

Фыркнув ему вслед, поверенный демонстративно уселся разбирать почту. Ничего интересного! Опять счета от леди Кларисы, счета нынешнего графа из рестораций и портных. Ох и любят они тратить деньги зря! Прежний граф был куда практичнее, не смотря на молодость! Вкладывал деньги в винокурни, яблоневые сады и отары овец. Даже мануфактуру прикупил и начал выпускать сукно для армии! Толковый был человек, жаль погиб! Вздохнув, старый поверенный занялся бухгалтерскими книгами и не заметил, как несколько конвертов упали с почтового подноса под стол.

Только вечером помощник поверенного убирая кабинет поднял письма и положил на поднос для почты. Утром на этот же поднос положили свежую корреспонденцию, таким образом извещение о прошении вдовствующей графини дю Боттэ о назначении пенсии, и положенной ей вдовьей части попало к мистеру Пайперу на сутки позже, чем следовало. Стряпчий вскинулся бежать, взглянул на часы, на темноту за окнами и покачал головой:

– Надо же! – сказал он помощнику, – граф не зря волновался! Кажется, некая аферистка желает опустошить его счет!

Молодой человек удивленный новыми обстоятельствами внимательно изучил извещение и отмахнулся:

– Если некая маркитанка или певичка возомнила себя графиней ее быстро выведут на чистую воду. Вы же знаете, господин Пайпер, что такие дела рассматривает королевский суд, а там работают кристаллы правды, маги менталисты и даже артефакты, способные проверить подлинность документа. Полагаю об этой мелочи Его Светлости можно даже не сообщать.

– Пожалуй ты прав, – поверенный перебрал другие бумаги, убедился, что там опять счета и вздохнул, – узнаем результаты заседания и преподнесем милорду как шутку. Все равно никто из нас не имеет право присутствовать на первом заседании.

– Почему? – удивился помощник, – я бы сходил посмотреть на нахалку. Это ж какой смелой надо быть, чтобы объявить себя вдовой героя войны!

– Потому что первое заседание пройдет по ее заявлению на пенсион от Короны. Видишь, оно подано раньше. Туда могут прийти только просители и свидетели. Рядовая процедура. А вот если королевский судья признает ее заявление на пенсию по смерти супруга действительным... Вот тогда будет дан ход другим прошениям, в том числе и на изъятие вдовьей части! В этом случае будут приглашен граф или его представитель, ведь тут ущемляются его интересы!

Помощник понятиливо кивал, слушая объяснения наставника, потом осторожно спросил:

– Значит если не будет повестки в суд, значит эта «вдова» ...

– Сядет в тюрьму за подлог документов, обман суда или что там решит судья, – махнул рукой мистер Пайпер. – Ну все, хватит об этом,

у нас еще деловые письма от управляющего мануфактурой не
разобраны...

Глава 16

Поход в ресторан стал тем еще испытанием для Амели. Трудно было удержаться и не крутить головой, как подросток, рассматривая вычурную обстановку модного местечка. А в «Камю» было на что посмотреть! Высокие арочные окна с красивыми драпировками из зеленого и коричневого газа, перемежались арочными панелями на стенах. Тонкая роспись, изображающая лес, полный птиц дополнялась вьющимися зелеными растениями, пышными пальмами и апельсиновыми деревьями в кадках.

Еще в глубине помещения, под высоким застекленным куполом располагалась круглая клетка с золочеными прутьями. В клетке порхали живые птички, журчал фонтанчик, и гости легко могли представить себя в тропическом лесу – зеленом и теплом.

А какая в этом ресторане была публика! Амелии захотелось зажмуриться и очутиться в их скромной квартирке. Просто не верилось, что все эти нарядно одетые люди с безупречными манерами – живые. Она застыла у входа, но леди Флайверстоун мягко взяла ее за руку и потянула к лестнице:

– Сверху вид еще лучше!

Тут официант споткнулся, уронил несколько бокалов с подноса, и создалось впечатление, что благостная атмосфера разбилась вместе с тяжелым хрусталем – голоса стали громче, жесты резче, и наваждение рассеялось.

Дамы поднялись на второй этаж, и расторопный официант проводил их в уютную беседку, отделенную от галереи густой завесой растений. Амелия даже прикоснулась к листочкам, чтобы убедиться – вьюнки и незнакомые ей ползучие лианы живые.

– Хозяин «Камю» сильный маг, – сказала виконтесса, когда официант отодвинул для нее кресло, помогая расположиться за красивым овальным столом. – Говорят, что он лично выращивает всю зелень для кухни, в маленькой теплице на заднем дворе. Уж не знаю, правда ли это, но салаты из свежей зелени здесь подают даже зимой!

Все сели, виконт сделал заказ, обещая дамам сюрприз, а потом случилось то, чего Амелия не ожидала – в их «беседку» начали

заглядывать знакомые виконта и виконтессы! С каждым нужно было чинно поздороваться и выслушать представление. Своим подругам леди Флайверстоун говорила примерно так:

– Моя подруга, леди Амелия! Инкогнито! Мы только что из мастерской мадам Ланвен! Большой заказ к финалу сезона!

Таинственный вид опытной интриганки, упоминание модной портнихи, и плотная иллюзия, скрывающая облик девушки делали свое дело – визитные карточки сыпались на специально поставленный поднос одна за другой.

В ответ Амелии нечего было раздавать, поэтому она писала свое имя и название лучшего в городе отеля на карточках ресторана. Вольность, конечно, но ее умение быстро и красиво надписать визитку было отмечено. Дальше виконтесса, закатывая глаза объясняла все тем, что типография не успела напечатать визитки с траурной лентой. Дамы понятливо кивали, и оставляли обедающих.

С джентльменами разговор был иной. Лорд Флайверстоун с интонацией глубочайшего уважения говорил:

– Вдовствующая графиня дю Боттэ.

Мужчины вежливо целовали воздух над затянутой в перчатку рукой Амели, потом все как один бросали вопросительный взгляд на виконта, не понимая, отчего дама скрывает свою внешность.

– Леди в трауре, – обтекаемо отвечал Жан-Поль, и быстро провожал знакомого к выходу из «кабинета».

К счастью, паломничество знакомых продолжалось лишь первые полчаса, пока на кухне готовили заказ. Как только в беседку внесли первые закуски, визиты прекратились. Амелия вздохнула с облегчением – она очень нервничала, и не могла даже воды выпить от волнения.

Как виконт и обещал, обед был выше всяких похвал. Сначала им вынесли блюдо ассорти из всевозможных морепродуктов и тонких ломтиков лимона. Креветок, кусочки осьминогов, кальмаров и лепестки соленой и копченой рыбы брали серебряными щипчиками, и переносили себе на тарелку. Блюдо было красиво гарнировано раковинами моллюсков, полосками морской капусты и тарталетками с икрой. После закусок подали суп с раковыми шейками и перепелиными яйцами. После баранину в мятном соусе и говядину с орехами.

К счастью для Амелии, блюда подавались на специальных подносах с охлаждением или подогревом, а уж потом официант отделял желаемую порцию, иначе она бы очень быстро наелась, и не попробовала бы тот самый сюрприз, который обещал дамам виконт.

На десерт подали кофе, воздушные меренги и... мороженое! На круглом серебряном подносе в три яруса стояли крохотные фарфоровые чашечки с холодным лакомством самых разных цветов!

– Шеф-повар сегодня пробует летние десерты – улыбнулся лорд Флайверстоун, глядя, с каким восторгом дамы изучают карточки, на которых было написано какое именно мороженое им предстоит отведать.

– Дамская фантазия с лепестками роз, – улыбалась Амелия, сладко жмурясь в предвкушении. Она любила мороженое, у них в доме даже была специальная емкость с двойными стенками и плотной крышкой. Внутри наливали сливки, сдобренные сахаром и яичными желтками, а между стенками закладывали крепко посоленный лед. Потом накрывали посудину крышкой и долго вращали встроенную ручку, взбивая и перемешивая ингредиенты до полного замерзания. Лакомство готовили не чаще одного-двух раз в год, уж очень много оно требовало труда.

– Черная роза с черносливом и солеными орешками! – восторгалась леди Флайверстоун. – Лиловые грезы с ароматом лаванды и вкусом смородины! Флай, это просто невероятно! Здесь всегда подавали недурное мороженое, но такой выбор вижу впервые!

– Открою вам маленький секрет, дамы, – виконт посмеивался, как дядюшка-холостяк, заглянувший в кондитерскую с маленькими племянницами, – владелец «Камю» приобрел некий механизм, который может одновременно готовить огромное количество этого десерта. Он работает с помощью магических кристаллов, которые не устают, и могут взбивать и замораживать целый день.

Попробовав по крайней мере по четыре сорта мороженого, дамы признали, что больше не могут съесть ни ложечки! Тогда виконт приказал официанту упаковать остаток десерта для детей, и повез Амелию домой. Целуя ей руку на крыльце доходного дома, лорд Флайверстоун сказал:

– Леди дю Боттэ, благодарю за прекрасный день! Жду вас завтра около полудня. Необходимо снять номер, нанять слуг и охрану.

– Слуг? Охрану? – голос Амелии затрепетал.

– Мой поверенный прислал записку. Королевская канцелярия приглашает вас на досудебное слушание. Они хотят увидеть вас и бумаги. Уверен, дядюшке Жака уже донесли, или донесут в самое ближайшее время. Я не имею права рисковать вами.

– Я буду здесь, завтра в полдень! – пискнула Амели, и скрылась за дверь.

По лестнице она поднялась как вихрь, абсолютно позабыв о том, что ключ нужно брать внизу, у консьержки. Однако дети уже были дома, и тут же открыли дверь, услышав ее торопливые шаги. Она улыбнулась им, обняла, спрятала свои тревоги в их радостном щебете. А через несколько минут в двери постучали. Амелия открыла, насторожившись – вдруг виконту вздумалось подняться в ее квартирку, позабыв все правила приличия? За такое могли отказать от оплаченной квартиры и выставить вон, если владелец дома считал себя высокоморальным человеком. Мужчина к незамужней даме вечером? Позор!

К счастью, все было не так страшно. Это дворник принес корзинку, полную мороженого, пирожных, холодной говядины и пирожков.

– Лорд этот который вас привез барышня, передать велел! – пробурчал мужчина в окладистую бороду и сунул ей в руки увесистую плетенку.

– Спасибо вам! – выдавила девушка, стеснительно отводя глаза.

Надо было сунуть добровольному носильщику хотя бы медячок, но у нее почти не осталось денег. Если в ближайшее время не подвернется работа, будет крайне неловко просить у лорда Флайверстоуна деньги на мелкие расходы. Дворник понял ее метания и махнул рукой:

– Заплачено уже, барышня! – и ушел вниз, громко топя начищенными сапогами.

Дети были рады сладостям и вкусной еде. Когда они съели все мороженое – все равно хранить негде, не пропадать же добру! Амелия решила, что настало время рассказать брату и сестре о тех переменах, которые могут случиться в их жизни. В печке полыхал огонь, на плите булькал чайник, согревая воду для вечернего умывания, они втроем завернулись в одеяло, уселись на кровать, и девушка рассказала о

своей свадьбе, о прощении королю и о помощи виконта Флайверстоуна.

Первой сообразила Илана:

– Виконт хочет на тебе жениться? – спросила она с любопытством. – Как кузнец на миссис Бридди.

– Что ты! – Амелии было страшно даже подумать о таком. Она, конечно, жалела виконта, видела, сколько мужества ему приходится проявлять, чтобы появляться всюду со своей тростью. Но воспринимать «Флая» как мужчину не получалось. – Кузнец был вдов и миссис Бридди оводовела, им было удобно жить вместе, да и легче.

– Так нам тоже будет удобнее! – заявила Илана, рассматривая край одеяла, – у тебя появились бы нарядные платья, шляпки и туфельки. Мы бы ездили в школу в экипаже, как противная Эрри Линн, и танцевали на балах!

– О, мисс, какие у вас честолюбивые планы! – рассмеялась Амелия. Она-то прекрасно понимала, что одно дело виконтесса или графиня, другое дело – ее сестра. – На балах вам танцевать еще рано, первый выход в свет случается не раньше шестнадцати лет. Эрри Линн, наверное, не такая уж и противная, просто ей сложно держать в узде свою магию. Это ведь та девочка-воздушница, которая задрала подола всему классу?

– Она! И я уверена, что это было специально! Перед обедом она хвасталась, что у нее новые нижние юбки с шелковыми оборками, а у нас простые фланелевые!

– Зато фланелевые теплее и не колют кожу, когда садишься за парту! – шепнула девочке Амели, – вспоминая, как сама переживала в пансионе, когда ученицам из состоятельных семей позволяли некоторые тайные вольности даже в форме.

– Так виконт совсем-совсем не хочет на тебе жениться? – настаивала сестра, продолжая обиженно надувать губы.

– Совсем-совсем, – с грустным смехом отвечала Амелия.

Брис слушал молча, но потом, когда Илана надулась на смех сестры спросил:

– Значит мы не будем больше ходить в эту школу?

– Будете, – успокоила будущего огненного мага Амелия, – вам нужно учиться, а дадут ли мне пенсион, и как вообще обернется дело с

бумагами я не знаю. Возможно, я снова буду искать работу в типографии, или по объявлениям.

– Учитель говорил нам, что хорошему магу на королевской службе никогда не придется голодать, – серьезно произнес мальчик и у девушки защемило сердце.

Да, после той длинной зимы в их словах нередко проскальзывал такой аргумент.

– Думаю хорошему магу вообще нигде и никогда не придется голодать, – она ласково взъерошила отросшие в пути волосы брата. На цирюльника не было денег, поэтому она сама ровняла ему челку, а остальные волосы научила подбирать в хвост, как «офицера и джентльмена».

– Жаль, что я расту так медленно, – вздохнул Брис, – но я стану самым сильным магом, и никто не посмеет тебя обидеть!

– Я верю в это! – торжественно сказала Амелия и обняла детей, плаваясь от нежности.

Они еще немного посидели, обсуждая грядущий день, а когда Илана начала зевать, умылись теплой водой и легли спать.

Амелия свернулась калачиком под толстым, уютным одеялом, и уже плыла в полудреме и вдруг... увидела тесное темное помещение, жаркое и не очень чистое, а в нем... Это существо притягивало взгляд. Темные бархатистые крылья, темная, иссеченная рубцами кожа, и... глаза! Вполне человеческие, страдающие глаза!

Амелия вскрикнула, когда выпала из сна тяжело дыша, слушая бешенный стук сердца. Сорочка промокла от пота, волосы слиплись, и в целом она чувствовала дурноту. Пробравшись в кухоньку, девушка умылась остывшей водой, подкинула дров в печь, поставила чашку на край печи, чтобы заварить ромашку. Какой пугающий сон! Что это было за существо? И почему его яркие голубые глаза кажутся такими знакомыми?

Не найдя ответа, девушка выпила горьковатый отвар и вновь легла, думая, что будет крутиться до рассвета, но нет, сон слетел на нее пуховым одеялом, и только утренняя возня детей заставила ее открыть глаза, и зевая подняться.

Глава 17

Стены давили. Все тело жестоко ломило. Между лопатками чесалась лопнувшая кожа, которую он умудрился ободрать о стенку. Эммет-Жаккард дю Боттэ то плавал в беспомощности, вспоминая какие-то невнятные моменты детских лет, то приходил в себя, но думал, что угодил в посмертные чертоги грешников, настолько вокруг было жарко, страшно и пахло каленым железом.

Он не знал сколько прошло времени, где он находится, и почему при каждом движении пот, заливающий лицо превращается в кровавые ручейки. Правда не смотря на удушливую жару он не страдал от голода и жажды, и это тоже было удивительно. Впрочем, через короткое время он понял, что несколько раз в сутки ему просто вливают воду и бульон через обыкновенную воронку.

Это было унижительно и странно, может он ранен так сильно, что не в состоянии держать голову? Или сестрам милосердия просто некогда уделять ему достаточно времени? Помнится после первого ранения к нему заходили строго по часам, меняя повязки, принося лекарства... Задумавшись об этом Эммет повел плечами, и глухо застонал от боли. Все ясно, он плох, возможно умирает. Стоит ли бороться за существование, если все тело будет покрыто шрамами? Он уже выжил однажды и до сих пор помнит, как отшатнулась невеста, увидев незаживший рубец на лбу! А руки? Что с его руками? Почему он не может их поднять? Это оглушающая слабость виновата, или что-то еще? И почему перед лицом маячат страшные черные когти? Тут есть грифы? Или гангуты оставили кого-то присматривать за беспомощным пленником? На этой мысли силы вновь оставили графа, и он скользнул в беспомощность, как делал уже много раз.

Но однажды очнувшись он не стал открывать глаза, а собрался с силами, и прислушался. Мир оказался наполнен звуками! Где-то рядом потрескивали дрова в камине, капала вода из плохо заткнутой бочки, пищали мыши... Он старался ровно дышать, потому что звук собственного дыхания и стук сердца невероятно отвлекали, и вот когда ему удалось взять под контроль собственное сердцебиение, он услышал разговор.

Двое мужчин, очевидно, расположились где-то за пределами того жаркого пространства, в котором он пребывал, но обострившийся слух передавал даже стук медных кружек по деревянному столу, скрип сыра под лезвием ножа и недовольное постукивание половиц, когда собеседники в запале начинали ходить, тяжело топая ногами.

– Умрет офицеришка, не выдержит! – говорил один смачно откусывая что-то.

– Не скажи, лордик крепкий, да и маг недурной! – возражал второй, звеня горлышком бутылки.

– Да он уж год валяется ни туда ни сюда! – хмыкал тот, который ел, постукивая рукоятью ножа по столешнице.

– Вспомни ту красавицу, которую наш Верховный себе забрал. Тоже год лежала, а теперь порхает, как птичка и уже наследника родила.

– Так-то оно так, да говорят у людей самки дюже живучие, как кошки!

Раздавшийся потом хриплый смех и стук кружек ничего Жаку дю Боттэ не объяснил. Ему снова стало холодно, и он постарался сжаться в комок, и отстраниться от странного разговора, однако невидимые мужчины выпили, закусили, и болтовню продолжили.

– А помнишь, когда Крылатая камнем лежала, что Владыка говорил?

– Что, если якорь не найдет, не вернется, помню, – поскрипел стулом второй.

– А что за якорь? Вроде у нас тут моря и нет.

– Да это он так по-умному обозвал. Помнишь летал к людишкам, девчонку притащил? Сестру Крылатой?

– Помню, смешная такая, все хотела на мой хвост посмотреть.

– Ну вот, она и есть якорь. Крылатая ее любила очень, берегла, а когда с Верховным кровью обменялись, да изменения начались, только эта девчонка ей помогла на тот свет не уйти. Сидела рядом, ревела, вот человечка и выкарабкалась, и кровь Верховного приняла.

– Дааа, понятно теперь, почему Крылатая с этой бледной немочью носится. Поди найдет для нее того, кто кровью поменяться согласится?

– Может и найдет, да только сам знаешь, не любят наши кровь мешать.

– Знаю, – вздохнул первый, – даже знаю почему. Бабка рассказывала. Это ж не просто так крови на ранку капнуть, это отдать часть себя и принять часть чужого. Если пара слаба, то и сам ослабнешь, а если сильна – можешь оказаться в подчинении.

– А этот то красавец может потому и лежит бревном, что его залило кровью тех, кого он сам в клочки разорвал? – хмуро предположил собеседник, булькнув жидкостью из кружки.

– Да нет, скорее всего у него якоря нет. Он же один остался, прикрывал своих. Может сирота, а может вообще конченный – ни жены, ни детей... У нас вот Сол прикрывает всегда, сам знаешь почему.

– Да уж знаю! Не повезло ему, всех потерял!

Невидимые незнакомцы снова завздохали, а Жак мысленно возмутился – почему это он конченный? Да, сирота, но давно самостоятельный! И вообще... У него жена есть! Тоненькая, как тростник, с большими голубыми глазами и волосами цвета карамели! Она сладко пахнет чистотой и лавандовым мылом, а еще... Лопатки заныли еще сильнее, раздался громкий треск, и где-то над головой раздалось:

– Смотри-ка! Не совсем пропащий! Крылья выпустил!

* * *

На следующий день к полудню, виконт отвез Амелию к своему поверенному. Мэтр Москани встретил их благодушно и сообщил, что дело уже передано в суд.

– Заседание состоится завтра, миледи, ваше присутствие обязательно!

– Магическая проверка? – поднял бровь виконт.

– Именно! Так что оригиналы бумаг нужно будет взять с собой, и ни в коем случае не появляться в здании Судебной Палаты в одиночестве!

– Почему? – удивилась Амелия.

– Старинная традиция, – чуть смутился лорд Флайверстоун, – одинокую даму в этом учреждении могут хм, отвести в полицию нравов, как легкомысленную особу.

– А если вы не явитесь на заседание, ваше дело будут рассматривать в последнюю очередь, если у судьи дойдут руки, – прибавил мэтр Москани.

– Значит завтра с бумагами в Палату, я поняла. Вы же не оставите меня одну, виконт? – вежливо спросила девушка.

Она не сомневалась, что аристократ, взявший на себя бремя мести не бросит ее, но задать вопрос была обязана.

– Не сомневайтесь во мне, миледи! – Флай склонился над ее рукой и почти коснулся губами тонкой кожи. – Завтра в полдень заеду за вами. Палата открывается в это время, ваше дело будет рассматриваться вторым.

Больше ничего важного для Амелии поверенный не сообщил. Лишь сказал, что непременно будет в суде, а там уж, как Светлые дадут!

Поскольку деловой визит получился коротким, виконт предложил Амелии прогуляться по королевскому парку. Вообще Нижний парк был открыт для «благородной публики приличного вида», но все же на входе стояли стражники, не пускающие на территорию нетрезвых, грязных и плохо одетых.

Коляска остановилась в сотне ярдов от входа. Лорд Флайверстоун подал Амелии руку, набросил на вуаль иллюзию, и чинно повел к воротам, рассказывая о предках нынешнего короля, превративших лужок для выпаса скота в сказочной красоты парк, заполненный фонтанами, раскидистыми деревьями, клумбами и статуями.

Девушка не знала, что королевский парк так же считался первым местом для встреч влюбленных и аристократов. По центральным аллеям прогуливались женатые пары, а по узким боковым дорожкам и лабиринтам – влюбленные.

Виконт неспешно повел Амелию по главной аллее, раскланиваясь со знакомыми. Он не зря привез девушку в парк довольно рано, знал, что Клариса и ее отец любят спать до обеда и в парк могут заглянуть лишь ближе к закату. Пользуясь этим, лорд Флайверстоун представлял Амелию всем своим знакомым:

– Вдовствующая графиня дю Боттэ, – говорил он, и быстро уводил девушку в сторону. Если же собеседники пытались остановить их, задать какие-то вопросы, виконт строгим тоном говорил: – простите, леди в трауре, – не давая Амелии сказать хоть слово.

Когда они вышли на небольшой посыпанный песком круг, на котором не было ни души, девушка наконец осмелилась задать вопрос:

– Почему вы не позволяете мне разговаривать со всеми этими людьми?

– Сохраняю интригу, – вежливо и безэмоционально ответил Жан-Поль.

– Или стесняетесь моего провинциального акцента? – усмехнулась Амелия.

Она знала, что до столичной штучки ей далеко, но не стремилась приобретать внешний лоск. Ей и так нелегко давались эти качели – из дорогого ресторана в скромную съемную квартиру. От модистки с шелками и кружевами в простое ателье за суконной формой.

Однако виконт понял. Остановился, взял за руку и немного оттаяв сказал:

– Я не стесняюсь нашего с вами знакомства, миледи, – я стараюсь сделать легче вашу дорогу в свете. Мало кто из столичных хлыщей понимает, что такое грязь и кровь настоящей войны. И как важно в той мясорубке иметь маячок света. Вы знаете, что там, в госпитале я вспоминал не этих чопорных и гордых светских красавиц, а вас. Такую простую и... настоящую!

– Простите мне мои слова, милорд, – потупилась Амелия, – я не хотела обижать вас или грубить. Просто для меня все меняется слишком быстро, и я кажусь себе безнадежно отсталой и провинциальной, не успевая за теми переменами, которые происходят в моей жизни.

– Я понимаю вас, миледи, и восхищен вашим мужеством. Мужчинам чаще приходится сталкиваться с резкими изменениями в судьбе, меняться и приспосабливаться. Женщины же в своей хрупкости и уязвимости должны иметь защиту, и дом, в котором безопасно. Вы лишились этого в слишком раннем возрасте, но стойко переносите невзгоды.

– Благодарю, милорд! – Амелии хотелось скорее уйти от смущающего разговора, – продолжим прогулку?

Глава 18

Они дошли до конца аллеи, полюбовались на ограду Малого королевского парка, покормили лебедей в озере распаренным зерном, и двинулись назад, здороваясь с теми, кто появился на прогулке позже.

Эту пару Амелия заметила издали – яркая брюнетка в лиловом платье и крупный тяжеловесный мужчина в черном сюртуке и лиловом жилете. Их наряды должны были считаться полутраурными, но ярчайший оттенок лилового в сочетании с черным и белым выглядел слишком празднично. Черные ленты на рукавах и шляпах казались утонченной насмешкой над скорбью. Дама шла неторопливо, раскланиваясь со знакомыми, останавливаясь то тут, то там, а джентльмен тяжелой походной шел рядом и недовольно морщился на яркое солнце.

Когда виконт обратил внимания на некоторое замешательство впереди, он вдруг стиснул руку Амелии, и утянул девушку в боковой проход. Тропинка через минуту завела их в лабиринт.

– Милорд, что случилось? – спросила Амели, когда зеленая стена постриженных кустов надежно отгородила их от главной аллеи.

– Простите меня, миледи, – виконт выглядел откровенно бледно, похоже больная нога давала о себе знать, – это были родственники Жака, вашего покойного супруга. Пока у вас на руках нет бумаг, подтверждающих ваше право на имя и титул, с ними лучше не встречаться.

– Я поняла, – успокоила его девушка, – нам нужно выждать, пока они пройдут мимо?

– Верно, только боюсь я невольно испортил вашу репутацию, – криво усмехнулся виконт, – будем надеяться, на нас не обратили внимания.

– Репутацию? – Амели нахмурила брови, и лорд Флайверстоун посвятил ее в особенности прогулок в этом парке. – Это действительно неприятно, – покачала головой девушка, – ведь вы успели представить меня своим знакомым. Что если мы постараемся выйти незаметно?

– Из парка только один выход, – расстроил ее виконт.

– Тогда, – Амелия пожала плечами, – мы просто вернемся на аллею, словно никуда не пропадали.

– Вы очень смелая леди, – с легким поклоном признал виконт.

– Просто вспомнила один случай у нас в Миддл-Виллидж, – отмахнулась от комплимента девушка. – Марису Глейн заподозрили в романтическом отношении к мельнику. Она была вдовой, а вот он имел жену и детей. На нее стали показывать пальцами, кричать вслед гадости, а она ходила спокойно, не обращая внимания и как-то быстро все забыли. А несколько позже выяснилось, что сплетни пускала жена мельника, и на самом деле ничего не было. Думаю, если мы будем держаться невозмутимо, никто не осмелится ничего нам сказать.

– Вы правы! – сказал Флайверстоун, и вновь взял Амелию за руку, – предлагаю не стоять здесь просто так, а выйти из лабиринта в другую сторону. Я слышал, что все они имеют несколько выходов.

Побродив минут пятнадцать среди зелени, они действительно вышли на какую-то боковую дорожку, а уже с нее на центральную аллею. Там виконт вежливо продолжил раскланиваться со знакомыми, Амелия скромно держалась рядом, вежливо улыбаясь. Вуаль с иллюзией надежно маскировала ее внешность, но стоило поторопиться к выходу, чтобы обогнать родственников графа дю Боттэ.

Увы, этот день еще не исчерпал свои сюрпризы. У самых ворот им на встречу попала очень пожилая дама в черном платье и старомодном вдовьем чепце. Увидев ее, виконт вежливо раскланялся, а она бесцеремонно потрепала его по щеке:

– Флай, мальчик мой, рада встрече. Представь мне свою даму.

Лорд Флайверстоун взглянул на Амелию и в его глазах отразилась самая настоящая паника! Однако офицер и джентльмен не мог проявить слабость! Выдохнув, словно ему предстояло упасть в ледяную воду, виконт символически подвел девушку к старухе и произнес:

– Тетушка, позвольте вам представить вдовствующую графиню дю Боттэ.

На морщинистом лице пожилой леди ровно на секунду проявилось явное изумление, потом тетушка хрипло рассмеялась:

– Ты пошутил, мальчик мой?

– Нет, тетя, – криво улыбнулся Флайверстоун, – это действительно вдова Жака.

– Значит слухи не лгут, – задумчиво отозвалась леди, и вдруг ловко схватила Амелию за руку: – прогуляйтесь со мной, милая.

– Тетя, нам пора... – попытался выкрутиться Флай.

– Что, Клариса с папенькой явились на моцион? – сверкнула выцветшими голубыми глазами старуха. – Что ж, тогда проводите меня до экипажа. Пора пить чай, приглашаю вашу странную парочку навестить мой дом.

Амелия растерялась. Судя по ошарашенному лицу виконта, приглашение стало сюрпризом и для него.

– Тетя, это не совсем удобно!

– Неудобно на потолке спать, одеяло падает, – отрезала старушка и стукнула по песку тростью, – вперед!

Переглянувшись с Амелией, виконт развел руками, сдаваясь.

– Придется идти, леди Клаудиа графиня Вермонт супруга генерала, и не приемлет возражений.

В ответ девушка только улыбнулась и двинулась в след за старушкой.

* * *

Крылья, какие еще крылья? Сознание возвращалось неохотно. Открыв глаза, Жак долго всматривался в нависающий над головой свод, потом повернул голову и вздрогнул – действительно крылья! Плотные черные перья, крупные, глянцевые, оберегали тело от соприкосновения с влажными плесневелыми стенами. Где он? Кто он? Зачем он здесь?

Голова вдруг взорвалась картинками-воспоминаниями. Флай, с искаженным от боли лицом дергается на носилках, пытаюсь встать. Его собственная рука подает знак солдатам – уносите! Луг с зеленой травой – сочной и яркой. Сгусток магии в руках, и шумящая в ушах кровь. Гангуты. Странные, непривычные взгляду бледные лица. Крохи информации в голове: «человеческий облик всего лишь видимость. Гангуты – ночные твари, им не нужны земли, леса и поля, только холодный камень и боль...»

Голос в голове замолк, сменяясь неестественной тишиной магической битвы. Гангуты подходили все ближе, а солдаты и Флай еще не успели уйти достаточно далеко. Тогда он встал, сплюнул травинку, чувствуя на языке легкую горечь и... ударил огнем! Выжиг ту самую зеленую траву на двадцать шагов вперед! Черные мундиры

остановились, потоптались у края поляны. Попробовали обойти безумца, не пускающего их вперед, и получили пару файерболов, да не простых, а делящихся прямо в полете! В ответ гангуты отправляли какие-то хитрые воздушные вихри, выжигающие файеры до безобидных искр.

Магическая атака одинокого мага захлебнулась быстро. Как только резерв упал до нуля, Жак с кривой ухмылкой потянул из ножен меч... Он, аристократ и граф, умрет сражаясь! В памяти мелькнула тонкая фигурка его нечаянной невесты. Пусть девочка выживет, а эта глупость с браком в древней часовне забудется...

Одинокий сумасшедший в алом мундире бился гораздо дольше, чем от него ждали. Весь израненный, он упал ничком, а рядом рухнули его противники. Это было так пугающе и дико, что гангуты доложили Верховному. Тот появился на поле рядом с границей, приказал выставить заслон и восстановить прежнюю линию обороны, потом склонился над странным иноземцем и хмыкнул:

– Он жив! И его раны залиты кровью его противников! Такая доблесть... должна вознаграждаться! Заберите его в мой замок!

Пограничники, не споря погрузили вражеского офицера на носилки, переглянулись, слегка разбежались, взмахнули тяжелыми черными крыльями, и поднялись в воздух, спеша исполнить приказ.

Черные крылья? Значит он кто? Мужчина заворочался, чувствуя дискомфорт, и вдруг услышал тяжелые шаги и насмешливый голос:

– Очнулся, ветландец? Вставай! Вот бульон, ешь сам!

– Кто вы? – прохрипел Жак, рассматривая широкоплечего мужчину в легком кожаном доспехе.

– Я? Гангут конечно! – фыркнул он, просовывая через решетку две кружки.

– Где я? – пересохшее горло страшно тянуло, но эта информация казалась жизненно важной.

– В пограничном замке Владыки Крылатых, – отозвался тюремщик, удаляясь в глубину коридора.

Жак застонал. Значит он не в Ветландии. Гангут. Плен. И крылья? Откуда же крылья?

Глава 19

На заседание суда Амелия собиралась, как в бой. Строгое траурное платье, присланное для нее из мастерской мадам Ланвен. Новые сапожки, перчатки – все черное, из недорогой кожи и фетра. Платье – креповое, а вуаль из самого простого газа. Когда коробку доставили в номер отеля, Илана восхитилась плотным золотистым картоном и шелковой бумагой, зато через минуту абсолютно разочаровалась в наряде:

– Амелия, почему платье такое грубое? – спросила она, неохотно касаясь колючей даже на вид ткани.

– Это обычный креп, – ответила ей старшая сестра, – его носят вдовы.

Виконтесса, приехавшая навестить и проверить, как они устроились в номере, тоже погладила жесткую материю и добавила:

– Мадам Ланвен потрясающий маг! Она явно что-то видела про вас, Амелия. Горькая вдова в бархате или шелке вызовет сомнения, а креп... его могут себе позволить практически все.

Камеристка, которую прихватила с собой леди Флайверстоун помогла девушке надеть платье и уложить волосы в строгий узел на затылке. Провинциальные вдовы носили чепцы, или кружевные наколки, но для молодой вдовы мадам соорудила нечто похожее на старинные арселе. Обруч-каркас, обтянутый черным бархатом, украшала черная вышивка с серебряными бусинами. Вуаль спадала на плечи тройным слоем, а лицо ненавязчиво прикрывалось одним слоем ажурной сетки.

Когда Амелия вышла из-за ширмы, виконтесса медленно хлопнула в ладоши:

– Великолепно! Сдержано! Аристократично! Траурно! Амелия, я очень сожалею, что никому кроме вас и поверенного нельзя присутствовать на заседании. Но мы с Флаем и детьми будем гулять в сквере неподалеку. Как только все закончится, мы вас встретим!

– Я понимаю, Ваша Светлость, и очень благодарна, – ответила девушка.

Она так и не призналась этой добродушной леди, что плохо спит каждую ночь. Ей снилось знакомое лицо в обрамлении черных перьев, и кровавый пот, который заливал знакомые глаза. Там, в глубине сна Амелия забывала о робости и скромности – рвалась к погибшему мужу, раз за разом отвоевывая у тьмы все больший кусочек пространства. Этой ночью она увидела отросшие светлые волосы, и обнаженные ключицы, а еще, впервые в ее сне он пошевелился! Может быть, официальные источники лгут, и графу удалось скрыться от гангутов? Спрятаться в какой-нибудь пещере? Жаль, нет времени поразмыслить над этим, ей предстоит собственная битва!

Виконт ждал дам и детей в экипаже. Он одобрительно взглянул на закрытое вуалью лицо Амелии, помог ей удобно сесть и положил на колени толстую бархатную папку:

– Здесь мои показания, заверенные нотариусом и поверенным. Плюс выписки из штабных и госпитальных книг. Не думаю, что все это понадобится сегодня, но пусть они будут у вас.

– Благодарю за доверие, милорд, – негромко ответила девушка, крепко сжимая руки.

Они доехали до здания Королевского Суда, и на ступенях их встретил мэтр Москани. Поверенный был одет в привычный костюм, но его рукав украшала траурная повязка, а в руках была черная папка с документами:

– Милорд, миледи! – поклонился он, – нас ждут!

Амелия бросила взгляд на коляску, поймала подбадривающую улыбку от леди Флайверстоун и тоскливый взор виконта, и подняв подбородок шагнула в прохладу старинного здания.

– До заседания пятнадцать минут, – ведя ее по коридору пояснял поверенный, – прошу вас, дайте мне слово, и отвечайте лишь на вопросы, обращенные к вам.

Девушка кивнула, но не удержалась от вопроса:

– Верховный суд не любит женщин?

– Увы, – улыбнулся мэтр, разведя руками.

– Я буду слушать ваши подсказки, мэтр, – заверила поверенного Амелия, и он услужливо распахнул перед ней тяжелую дверь.

– Мисс Фонтен и мэтр Москани! Дело о назначении военного пенсионера! – объявил мужчина в простой черной мантии, с лиловой лентой помощника на плече.

Повинуясь словам поверенного Амелия, подошла к перегородке, отделяющей судью от участников слушания, и присела в книксене. Крупный мужчина с выразительным носом взглянул на ее вдовый наряд поверх очков и обратился к поверенному:

– Представьте дело!

Тот коротко изложил все, что было ему известно о свадьбе в древней часовне, брачном контракте и заключении брака.

– Как вы видите, ваша честь, граф не был пьян, не попал под влияние магии или дурных зелий. Он своей рукой написал брачный контракт, принес клятвы при свидетеле, и продолжил воевать за короля и отечество. Его супруга осталась без средств к существованию, и просит высокий суд назначить ей пенсию, поскольку под ее опекой находятся еще два несовершеннолетних представителя рода Фонтен...

Поверенный излагал все привычным для суда языком, а девушка вцепилась в поручень, понимая, что вот он тот момент, о котором ее деликатно пыталась предупредить виконтесса. Все подробности, личные тайны выворачиваются перед хмурым мужчиной в смешном парике, и только от него зависит, выйдет она отсюда вдовствующей графиней или подлой девкой, смеющей требовать невозможного.

Судья дослушал монолог поверенного до конца, пролистал копии документов в папке, подсунутой секретарем, и внезапно уставился на Амелию:

– Мисс, – сухим тоном сказал он, – снимите вуаль.

Девушке показалось, что она ослышалась, но поверенный недвусмысленно дернул ее за рукав. Под пристальными взглядами мужчин сделать это было непросто, руки дрожали, но Амели справилась – аккуратно вынула шляпную булавку и отдернула газовую драпировку открывая лицо. Глаза судьи, прежде тускло серые и водянистые вдруг налились голубоватым светом:

– Скажите, мисс, вы действительно стали женой графа дю Боттэ?

– Да! – Амелия помнила, что отвечать нужно правдиво и коротко, и теперь поняла почему! Судья был магом! Трудно было понять, в чем именно заключался его дар, но он несомненно помогал узнавать правду.

– Вы хранили верность своему супругу, пока он был жив?

– Да! – ни мгновения не сомневаясь ответила девушка.

Судья еще посверлил ее взглядом, а потом задал еще один вопрос:

– Вы будете подавать иск на выполнение условий брачного контракта, если верховный суд признает ваш брак законным?

– Да!

– Что ж, суд удаляется на совещание, ждите в коридоре!

Амелия вышла, опираясь на руку поверенного и едва держась на ногах. Стоило им покинуть зал, как туда попытался пройти кто-то другой, но был остановлен решительным голосом секретаря:

– Совещание!

Мэтр Москани отвел Амелию в сторону, усадил на стул, и даже налил воды из графина. Немного придя в себя, девушка обвела взглядом коридор с панелями темного дерева, спешащих куда-то людей и с удивлением спросила:

– Мэтр, почему мы здесь? Вы же говорили – предварительное слушание?

– Вам или очень повезло, или очень не повезло, миледи, – отозвался мужчина, промакивая платком вспотевший от нервного напряжения лоб. – Такие мелкие дела, как назначение пенсии, обычно рассматривает дежурный судья. Но сегодня дежурит сам лорд Дарби, Верховный судья Короны. Он единственный на моей памяти лорд и Верховный судья, которые не пренебрегает дежурствами и мелкими делами. Хотя как вы заметили он сильный маг. Так вот, лорд Дарби явно не собирается отдавать ваше дело. Он желает решить его сам и сегодня. Если он признает вашу правоту, получите все, что полагается по контракту и даже немного больше. Если же решит, что была попытка обмануть суд... Ну на каторге тоже люди живут!

Амелия слабо улыбнулась, хотя по коже пробежали мурашки:

– Я говорила правду, и только правду, а лорд Дарби сильный маг. Будем надеяться, что он верит своей магии.

Они замолчали. Ожидание тянулось, как нить пряжи. Мимо сновали посыльные, проходили взволнованные люди, но все казалось Амелии далеким и ненужным. Она прикрыла глаза и вспоминала свой сон, лицо графа, и перья, никогда не видела таких огромных черных перьев!

– Леди дю Боттэ, вас ждут! – позвал секретарь и поверенный встрепенулся.

– Миледи!

Они вернулись в зал, и выслушали решение суда. Вдовствующей леди дю Боттэ назначалась королевская пенсия, соответствующая чину ее покойного супруга. Ей позволялось пользоваться титулом с приставкой «вдовствующая», и это все было ожидаемо, разве что никто не думал, что суд вынесет решение за один день.

Амелия уже расслабилась и собиралась проводить судью почтительным книксеном, но секретарь продолжал зачитывать решение:

– Верховный суд постановил считать брачный контракт, заключенный между графом дю Боттэ и мисс Амелией Фонтен действительным! Претензии к роду должны быть удовлетворены в течении месяца. За этим проследит глашатай суда. Через год и один день вдовствующей графине дю Боттэ надлежит явиться в суд и подтвердить выполнение всех пунктов контракта!

– Суд постановил! – мрачный судья стукнул молотком и не дожидаясь книксена Амелии покинул зал.

– Встать, суд идет! – запоздало вякнул секретарь.

Глава 20

Из двери здания суда Амелия просто выпала. Ошеломленный поверенный не успел поймать ее за руку, но зато придержал дверь, оберегая невысокую девушку от удара. К счастью, растянуться на мостовой вдовствующей графине дю Боттэ не позволил виконт. Он удержал Амелию за талию и хрипло спросил:

– Не поверили?

– Напротив, Ваша Светлость! – мэтр уже немного пришел в себя и делился распирающим его недоумением. – Верховный суд признал права графини на титул и потребовал выполнения контракта в кратчайшие сроки! Для миледи выделен глашатай!

Лорд Флайверстоун был ошеломлен. Он явно собирался утешать Амелию, но получается нужно поздравлять?

– Я и сама в недоумении, – честно призналась девушка, – рассчитывала самое большее на пенсию, но судья повелел явиться через год и один день, чтобы подтвердить выполнение всех пунктов контракта.

– Всех пунктов? – виконт сглотнул.

Он ведь сам настаивал на проживании графини во всех домах графа, ношении фамильных драгоценностей и... признании ее ребенка наследником графа! Неужели Верховный судья, а точнее король настолько недовольны дядюшкой Жака? Готовы назвать наследником ребенка от нищей девчонки с окраин? Или он просто чего-то не знает?

Под эти размышления лорд Флайверстоун простился с поверенным, договорился о встрече с мэтром на следующий день, и проводил Амелию в сквер, где гуляли леди Флайверстоун и дети.

Вдовствующая виконтесса тоже готова была утешать, но увидев их лица лишь вопросительно приподняла брови.

– Все хорошо мама, – сразу взялся объяснить ей Флай, – леди Амелия признана законной владелицей титула. А еще ей выделен глашатай, так что на памятном вечере Кларису ожидает сюрприз!

Глаза виконтессы заблестели:

– Это же великолепные новости! Миледи, поздравляю! – леди Флайверстоун чинно раскланялась с Амелией, а потом они вместе

рассмеялись.

Илана и Брис заметив сестру настороженно подошли ближе, но увидев, что взрослые расслаблены и смеются, радостно заулыбались.

– Думаю пора пообедать, и обсудить, как сделать первый выход Амелии незабываемым! – виконтесса выглядела такой довольной, что невольно увлекла всех своим энтузиазмом.

Беседа, они неторопливо дошли до небольшого ресторанчика, заказали плотный обед и пока ели перебрасывались лишь ничего не значащими фразами. Зато, когда подали десерт и дети, спросив разрешения выбежали с пирожными к фонтанчику во внутреннем двореке, разговор пошел всерьез.

– Глашатай, это просто великолепно! – объясняла несведущей Амелии виконтесса. – Когда мы приедем на вечер в дом дю Боттэ, вас могут и не пустить туда, без приглашения, но с глашатаем вас будут обязаны принять в любом случае. А дальше – важно не испортить праздник. Пусть гости едят, пьют и танцуют, как запланировано. Тогда слухи о вдовствующей графине разлетятся с невиданной скоростью!

Амелия не разделяла энтузиазма виконтессы. Ее потряхивало от ужаса. Накатившая было эйфория сменилась страхом перед грядущими трудностями. К счастью, виконт ее понял, он предложил дамам рюмку шерри, а потом ласково взял Амелию за руку и сказал:

– Графиня, не пугайтесь, мы будем там с вами и ни за что не дадим в обиду. Мой поверенный уладит все бумажные дела, матушка познакомит вас со своими подругами, а я просто буду сопровождать вас туда, куда позволят приличия. После того, как вы вышли замуж посреди разоренного войной болота, выжили с двумя детьми на руках, а потом еще проехали дилижансами половину страны, уверен, мелкие уколы от Кларисы и ее папеньки вас не заденут!

Длинная прочувствованная речь и рюмка ликера сделали свое дело – Амелия порозовела, расслабилась и даже несмело улыбнулась виконту:

– Благодарю вас, милорд, моему супругу очень повезло с другом...

Флай стиснул зубы и промолчал, а матушка сочувственно погладила его по рукаву. Что поделать, юные наивные девушки порой не видят того, что происходит у них под носом. Они допили кофе, позвали детей, и проводили вдовствующую графиню до отеля.

– Требовать проживания во вдовьем доме дю Боттэ вы сможете после бала, – сказала виконтесса.

– Помнится там прописана возможность проживания во всем домах и поместьях графа, – усмехнулся лорд Флайверстоун, вспоминая, как диктовал пункты договора другу, – приберегите эту возможность. Граф не стерпит вашего появления на своей территории, у вас будет козырь в рукаве.

Амелия смущаясь поблагодарила виконта и виконтессу, и устало поднялась в номер.

Она все еще не верила в происходящее. Обтянутые дорогой тканью стены лучших апартаментов казались сном. Прежде она не могла позволить себе такую ткань на праздничное платье, а теперь прихотливо вытканые золотом арабески переливаются на стенах ее гостиной! Илана и Брис тоже робели, но быстро освоились. В школу их теперь возили на коляске виконта, а в гостиной было довольно подушек, чтобы кидаться ими, когда надоедало делать уроки. Номер оплачивал лорд Флайверстоун и это было неловко, но теперь она вдовствующая графиня, имеющая пенсию от Короны и содержание от семьи. Не верилось.

Стоило девушке войти в номер, как в двери деликатно постучали. Дежурная горничная предложила помочь сменить платье, принять ванну, уложить волосы или подать ужин в номер. Подумав секунду, Амелия согласилась на все. Ванна, ужин в постель и книга – что может быть лучше после тяжелого дня? Девушка не заметила, как уснула. Книга запуталась в складках одеяла на широкой постели, магический огонек погас сам, едва его хозяйка погрузилась в дрему.

Ничто не нарушало тишину спальни, но юная графиня дю Боттэ металась на кровати, словно узник в цепях. Топот босых ног разорвал тишину – Илана и Брис примчались в спальню сестры. Они впервые ночевали в отеле и чувствовали себя неуютно в отдельных спальнях, а уж когда услышали легкий стон через приоткрытую дверь – примчались не сомневаясь.

– Что такое? – Амелия с трудом открыла глаза и еще некоторое время лежала без сил с трудом переводя дыхание.

– Амели, ты стонала! – подражая взрослым сказала Илана, усевшись сестре почти на ноги.

– Мне не хочется лежать там одному, – пользуясь привилегиями младшего заявил Брис.

– Дайте мне воды! – попросила старшая, приподнимаясь на подушках.

Ей тотчас подали воду, расплескав половину по пути, но даже пары глотков хватило, чтобы отогнать сонную одурь.

– Мне приснился дурной сон, – слегка успокоившись, сказала Амелия, – если вам тоже плохо спится, можем все лечь здесь, нужно только перевернуть все подушки, чтобы плохие сны от нас убежали!

Дети с энтузиазмом поддержали идею – подушки были перевернуты, холодные ноги спрятаны под теплое одеяло, а через одну длинную сказку и две колыбельные слева и справа раздалось мирное сопение. Амелия довольная собой сползла пониже, уютнее устраиваясь на перине и погружаясь в сон. На этот раз ей ничего не снилось, и девушка спокойно проспала до утра.

* * *

Дни тянулись за днями. Сначала он научился аккуратно складывать крылья, чтобы не рвать их о кирпичные стены, потом стал сам пить из кружки бульон и воду. Через неделю или больше выяснил, что длинные черные когти можно убирать до привычной длины. Цвет не менялся, но брать посуду стало удобнее. Заметив это, тюремщики принесли ему тарелку с кашей и ложку. Первая горячая еда за много дней что-то взорвала в его голове. Он обвел осмысленным взглядом полукруглый потолок, вязанки прелой соломы и магические светильники, горящие в коридоре, за решеткой.

– Арсенал! – мужчина не заметил, как сказал это вслух.

– Верно! Вижу сознание к вам возвращается граф.

За решеткой появился мужчина в знакомом черном мундире с эполетами и аксельбантами.

– Генерал? – хрипло спросил пленник, выпрямляясь и все еще не понимая, откуда в его голове всплывают некоторые слова.

– Тоже, верно. Генерал Корадис. Или Верховный, – как меня иногда называют.

– Корадис? – в голове замелькали пестрой каруселью воспоминания.

Бал, нежные звуки скрипок, и капризный женский голос:

– Да, генерал Корадис действительно женился на этой провинциалке! Столько знатных родов добивались этой чести! Чем она его взяла? Ни лица, ни фигуры!

– Говорят, когда столкнулись кареты, ее залило его кровью! Фу! Как можно было что-то разглядеть в том комке грязи, который она из себя представляла?

– А может он на ощупь выбирал – легкий пошловатый смешок дополнил беседу подруг.

– А теперь он представляет эту бледную моль Их Величествам! – вновь возмутилась первая дама, заметившая генерала и его жену идущими к трону.

– Жена генерала еще не герцогиня, – пренебрежительно фыркнула вторая особа, бросающая трепетные взгляды на престарелого вдового лорда Маунбеттена.

– Не скажите, прелестные дамы, – юный щеголь вмешался в беседу расточая улыбки, – генерал у гангутов практически принц. Это высшее звание их армии, и стать генералом может только сильнейший!

Головная боль смысла воспоминания, но пленник убедился – перед ним генерал. Тот самый, что побывал на приеме во дворце, взял в жены подданную соседнего государства и... что? Развязал войны? Нет. В голове зашумели молоты, а знакомый незнакомец не спешил, разглядывая Жака с интересом ученого, увидевшего новую букашку.

Пограничье. Штаб. Он стоит у туго натянутой парусины шатра и разговаривает... с кем? Белое лицо, веснушки, карие глаза и рыжие, словно языки пламени волосы... Флай? Имя снова пришло ниоткуда. Он говорит:

– Приказ главнокомандующего! Принц сошел с ума! Нападать на гангутов осенью, когда у крылатых свадьбы? Глупость!

– Мы офицеры, Флай, – как горько звучит его собственный голос!

– Его Высочество не простил генералу женщину! Смешно! Воевать из-за юбки!

– Я видел супругу Корадиса, – воистину он отыскал бриллиант!

– Который присмотрел для себя принц, – криво усмехнувшись продолжил Флайверстоун.

– Что?

– Ты не слышал? Говорят леди Луиза была представлена ко двору тетушкой, и получила от Его Высочества предложение стать

фавориткой, после чего и сбежала в свою провинцию. А по дороге ее колымага столкнулась с каретой генерала...

Передернув плечами так, что зашуршали перья, граф медленно двинулся ближе к решетке, попутно вспоминая человеческую речь. Схватился за прутья, и всматриваясь в невозмутимое лицо генерала спросил:

– Что со мной?

– Вы остались прикрывать отход своего отряда, – генерал качнулся с пятки на носок, – сражались до последнего. Когда исчерпали резерв, бились клинками. Ваши раны залила кровь моих солдат. Для обычного человека кровь горгулий в таком количестве смертельна. Но вы маг, да еще огненный. Ваш организм принял сигнал крови, и теперь вы один из нас.

– Горгулий? – недоуменно повторил пленник.

– Вы называете нас гангутами, мы называем себя горгульями, – чуть пожал плечами генерал. – Мои воины хотели бросить вас на поле, но моя жена... Она вспомнила, как вы оборвали сплетников на балу в честь заключения союзного договора, и попросила сохранить вам жизнь.

– П-передайте мою благодарность леди Корадис, – запинаясь ответил граф, и пошатнулся. Со стоном он выпрямился, крепче вцепившись в новенькие прутья: – что будет со мной дальше?

– Ничего особенного, – пожал плечами генерал. – Через неделю я отправляюсь в Ветландию, подтверждать новый мирный договор. Вас торжественно обменяют на одного из моих приближенных прямо во дворце.

– А это? – граф шевельнул крылом, слушая, как перья скребут по влажному кирпичу.

– Трансформация почти завершилась, через день-два вы научитесь убирать их в магический карман. Как только справитесь, вас переведут в охраняемые покои моего замка. В Ветландию полетим через неделю.

– Полетим?

– Вы же не думаете, что после того, что устроил на границах ваш наследник, мы потащимся по дорогам верхом? – хмыкнул генерал.

– Спасибо! – твердо сказал граф.

– За что?

– За то, что сохранили мне жизнь. Я... знаю, что мы напали первыми, и знаю почему. Но я приносил присягу моему королю и не мог отказаться от сражений.

– Я навел справки, – гангут снова качнулся с пятки на носок, – ваш отряд ни разу не участвовал в нападении на мирных жителей, хотя на поле боя вы вели себя достойно. Вам не в чем себя винить, граф. Мои бойцы не причинят вам вреда. По нашим законам вы теперь кровный брат тем, кто погиб в бою с вами!

После этих слов генерал ушел, а Жак еще долго смотрел в коридор, пытаясь привыкнуть к новой реальности.

Глава 21

День «бала памяти» для Амелии начался с торопливых сборов. С утра в отеле появилась виконтесса с несколькими серьезными женщинами в серых платьях. Одна из них забрала Илану и Бриса на прогулку в парк, вторая привезла платье от мадам Ланвен, а третья была отличной камеристкой виконтессы и прибыла, чтобы помочь новоиспеченной вдовствующей графине одеться.

Изысканный вечерний туалет был верхом портновского искусства и при этом ни одной нитью не отступал от принятых канонов траура. Строгое черное платье без вышивки и кружев. Декольте обрамляли хитро уложенные складки бархата, отчего казалось, что плечи и шея Амелии выступают из платья, как цветок из темной почвы. Короткие бархатные рукава скрывались под легкими, газовыми рукавами-баллонами, подчеркивали узкую талию, затянутую атласный корсет. Черная роскошь муаровой юбки подчеркивалась бархатными аппликациями на подоле и на шлейфе. Шитый серебром бархатный плащ с глубоким капюшоном, должен был прикрыть всю эту красоту от любопытных взоров.

Самым сложным делом стала прическа. Традиционно замужние женщины носили чепцы, кружевные наколки, бархатные шапочки, в общем головные уборы, обозначающие статус и прикрывающие некоторую часть волос. Для бала выбирался либо очень дорогой вариант головного убора, либо тиара, это зависело от возраста и знатности аристократки. Так же можно было украсить прическу перьями, драгоценными шпильками и гребнями по зову вкуса или моды, но для вдовы существовали ограничения по украшениям. А у Амелии просто не было ничего, кроме простых шпилек.

Мадам Ланвен, со свойственной ей дальновидностью прислала вместе с платьем отдельную коробку с высокими черепаховым гребнем, тонкой работы, дюжиной длинных шпилек с головками из обсидиана и газовой «вдовьей» вуалью – легкой и невесомой.

Камеристка виконтессы всплеснула руками, когда обнаружила в коробке картинку с аккуратной укладкой и вычурно завитое перо,

которое было неизменным атрибутом аристократической прически в этом году.

Дальше Амелии оставалось лишь закрыть глаза и не мешать. Когда ее подвели к огромному – в полный рост зеркалу, она с удивлением уставилась на изысканную фарфоровую куколку, поражающую хрупкостью и стойкостью. И только через три удара сердца поняла, что смотрит на саму себя!

Леди Флайверстоун позволила восторженной паузе повисеть в воздухе, а потом хлопнула в ладоши:

– Миледи, нас ждут! Беттина, уберите здесь все, приготовьте теплую ванну к нашему возвращению и успокоительный сбор!

– Успокоительный? – выдохнула Амелия, все еще не отводя взгляда от собственного отражения.

– На празднике памяти у Кларисы будет столько ядовитых змей, что лучше знать, что дома ждет чайничек ромашкового чая, – отмахнулась виконтесса.

Амелию в четыре руки закутали в плащ, и проводили к экипажу.

– У вас нет собственного приглашения, – наставляла ее в пути леди Флайверстоун, – а у меня есть. Поэтому я зайду раньше, чтобы собрать самых отъявленных сплетниц прямо у входа. А вас Жан-Поль привезет через полчаса!

С этими словами виконтесса пожала Амелии руку и прошла к собственной карете, небольшой, но красиво отделанной витым шнуром.

Виконт и вдовствующая графиня остались в экипаже одни. И тишина повисла между ними, сковывая движения и речи. Через минуту заскрипели рессоры, застучали копыта коней, неловкость спряталась среди подушек и кисточек бахромы. Впереди бал, и кто знает, чем он обернется и для Амелии и для лорда Флайверстоуна?

* * *

Крылья удалось спрятать не сразу. Понадобилось несколько мучительных дней, прежде чем они аккуратно свернулись на спине. Еще сутки ушли на призывание пространственного кармана. Граф ругался, кричал, молча лупил кулаками стены своего узилища – все было напрасно. Тогда он вслух подумал о том, как мечтает вымыться и сменить одежду. Услышав его, тюремщики показали исходящую паром бочку, брусок мыла и чистое белье – крылья спрятались сами собой.

Потом наступило блаженство – Жак смыл с себя грязь, удивляясь тому, что под лохмотьями и коркой кирпичной пыли раны затянулись до белесых ниточек. К лицу прикосаться было страшно. Еще тот шрам на лбу, который он получил в первых боях с гангутами напоминал о боли и стыде, а теперь? Что стало с его лицом во время битвы и заточения?

К удивлению графа, он не сумел нащупать шрамы, а ворчливый надсмотрщик принес ему начищенную медную тарелку и бритву:

– Не очень-то лезвием маши, вашество, – сказал крепкий мужчина, – напарник мой тебя на мушке держит.

Жак только дернул плечом – нападать на охрану, когда ему пообещали возвращение на родину, было глупо. Он сбрил длинную бороду. Задумался над усами, но сообразил, что здесь, в подземном каземате нет ни воска, ни щипчиков для ухода за ними, поэтому тщательно выбрил все лицо. Сильно отросшие волосы укорачивать не стал – только промыл хорошенько, высушил у огня и стянул в хвост обрывком тесьмы.

– Надо же, – удивился один из надзирателей, – волосы не тронул, знает, в чем наша сила!

Граф сделал вид, что не услышал, но постарался запомнить. Значит сила гангутов зависит от длины волос? А ведь, верно, генерал Корадис носил длинную косу сложного плетения! Да и остальные высокопоставленные члены делегации там, во дворце носили волосы минимум до лопаток!

Одежду ему принесли привычную – нательную рубаху, кальсоны, бриджи, сапоги и мундир. Вот только мундир был черным и не имел знаков различия. Натянув чистое, Жак все же задумался над мундиром и услышал голос генерала:

– Надевайте, граф, не сомневайтесь! К сожалению, у нас нет подходящего сукна, чтобы сшить для вас королевскую форму. Но едва до вас доберется мой портной, обещаю вам парочку приличных камзолов.

– Благодарю вас, генерал! – Жак встал, но упрямясь накиннул мундир на плечи, как ментик.

Гангут понимающе хмыкнул:

– Предлагаю вам поужинать в компании моей супруги. Она желает побеседовать с вами, и я не могу ей отказать.

– Сочту за честь! – дю Боттэ привычно щелкнул каблуками, и порадовался тому, что даже плен не сумел выбить из него когда-то затверженные манеры.

Правда идти вверх по лестнице оказалось не так и просто. Дневной свет резал глаза, от чистого не спертого воздуха закололо в груди.

– Не спешите, граф, – предостерег его генерал, – если нужно, будем останавливаться на каждой ступени. Мне в любом случае нужно кое-что сообщить вам.

А дальше Жака ждала краткая политинформация о реалиях пограничной стычки с гангутами, о наказании для самонадеянного принца, и главная пугающая весть – о том, что он провел в полубеспамятстве почти год!

– Мы не были уверены, что вы вернетесь, – качнул головой генерал, позволив себе легкую усмешку. – Обычно человеческие маги проходят трансформацию тогда, когда что-то держит их на земле. В другом случае пережить глубинные изменения тела и не сойти с ума удается немногим.

Граф мысленно вознес молитву Светлым, за девочку-жену, сохранившую ему разум, и сделав еще пару шагов приготовился слушать дальше.

– Мне сообщили из столицы, что титул принял ваш дядюшка, но это ваши личные дела. Разберетесь сами. Для меня важно то, что вы стали гангутом. Я надеюсь на ваше благоразумие, и на то, что вы больше не допустите подобных стычек. Я не желаю терять подданных из-за диких прихотей мальчишки, возомнивших себя полководцем!

– Ваша Светлость, – Жак был почтителен, но непреклонен, – я всего лишь граф. У меня нет столько влияния и силы, чтобы остановить наследника, если он вновь пожелает поиграть в солдатики. К тому же я офицер. Не лезу в политику, редко бываю при Дворе и не могу обещать ничего, даже за спасение моей жизни и возвращение в Ветландию.

Жак искренне ждал генеральского гнева, возможно, крика или толчка, но пугающий генерал Корадис внезапно рассмеялся:

– Вы мне все больше нравитесь, дю Боттэ. Права была Луиза, вы достойны.

Они все же выбрались из подвала и очутились в прохладе ранней весны. Влажный ветер коснулся выбритого лица графа и выбил слезы. Генерал не торопил его, стоял, любовался вытоптанном двором, и только тогда, когда Жак сумел сдвинуться с места, повел его ко входу в небольшой флигель, пояснив:

– Здесь живет моя семья, когда я навещаю крепость.

Внутри каменного здания было удивительно тепло и уютно. Пахло жареным мясом и сладостями. За столом их ждала смутно знакомая графу дама.

– Леди Корадис! – склонился дю Боттэ, целуя руку хозяйке дома.

– Граф, – мило улыбнулась она в ответ, – рада вас видеть. Прошу к столу, вы похудели, вам стоит восполнить силы.

После этого леди повернулась к генералу и с улыбкой сказала:

– Простите меня, Эльтер, я не стала никого приглашать, чтобы не смущать нашего гостя.

Генерал в свою очередь поцеловал пальцы жены и успокоил ее:

– Вы все верно сделали, моя дорогая, и мне приятно вам сказать, что вы были правы.

Пока подавали жаркое, с гарниром из незнакомых графу овощей, разговор шел простой и необременительный – о погоде, видах на урожай и скором цветении сирени. А вот когда все насытились, и молчаливый слуга подал вино и сладости, генерал перешел к серьезному разговору. При этом леди Корадис никуда не ушла, и принимала участие в беседе.

Так Жак и узнал, что пленных возвращенных гангутами во имя сохранения тайны не пустили в столицу. Солдат и младших офицеров отправили на другую границу, не позволив повидаться с родными или заглянуть домой.

– наших подданных вернули почти целыми, – мрачно рассказывал генерал, но с магическим запретом на рассказывание того, что было в плену. Таким образом ваш король пытался сдержать слухи о войне. Да, граф, о войне. Несколько месяцев боев, нападение на мирные деревни, захват знатных заложников с обеих сторон... По-другому это назвать невозможно.

– Так чего вы хотите от меня? – устало вздохнул дю Боттэ. От горячей сытной пищи его повело, но он мужественно боролся со сном.

– Защитите наши королевства от новой провокации, – рубанул воздух ребром ладони генерал. – Я напишу бумагу, в которой объявлю вас птенцом, выпавшим из гнезда. Есть у нас такой термин для горгулий, живущих в другой стране. Мы поможем вам деньгами и политическими связями. Нам важно избежать новых столкновений.

– Да как я смогу? – разозлился граф, и... услышал треск ткани.

– Забыл предупредить, – невозмутимо сказал генерал, – скрыть обретение вами крыльев невозможно. Вы сейчас подобны нашим детям. От сильных эмоций крылья раскрываются и будут раскрываться еще несколько лет, пока вы не возьмете под контроль свою новую магию.

– Новую магию? – едва выдавил из себя Жак. Он был довольно сильным огневиком и учился контролю с малых лет. Вот только способы контроля у магов различались. Новая магия – новые способы, заклинания, приемы...

– Ваша огненная стихия осталась при вас, – успокоил его генерал. – Поэтому собственно трансформация и проходила в сыром подвале, чтобы вы не сожгли все вокруг. Но к огню добавился воздух – без него горгульи не могут летать, слишком тяжелы. Плюс кое-какие специфические способности – более тонкое обоняние, например.

– Что будет, если я откажусь сотрудничать с вами? – напряженно спросил дю Боттэ.

– Ничего, – генерал равнодушно пожал плечами, – вы просто вернетесь в столицу или в свое поместье. Мои люди вас не побеспокоят.

Жаку стало легче.

– Но все же, если передумаете... Я дам вам несколько контактов в столице. Боюсь принц пожелает уничтожить все напоминания о своем провале.

– А это был провал? – хрипло уточнила Жак, сразу же вспомнив проигрыш Наследника в скачках. Тогда были пристрелены все лошади, принимающие участие в заезде. Жокеи чудом избежали немедленной казни. И ведь эта история ходила по столице, как анекдот. Что же сделает принц с теми, кто выжил вопреки?

– Это был феерический провал, – кивнул головой генерал. – Мои пограничные части держались достаточно долго, чтобы я успел прийти на помощь. И хотя мы не убивали мирных жителей, вывоз

продовольствия сделал свое дело. Люди голодали и умирали. Короля и принца проклинали в этих краях, и несколько пограничных баронов переметнулись на нашу сторону, чтобы их люди выжили этой зимой. Король в курсе. Надеюсь, он сумеет воспитать младшего принца до того, как Наследник поднесет ему кубок с ядом.

Граф с трудом удержал детское желание передернуть плечами. Как ни горько было это слышать, но многие в Ветландии разделяли мнение генерала.

Глава 22

Огромное здание столичного особняка дю Боттэ сияло огнями. Дюжина лакеев в парадных ливреях выстроилась у каретного круга, чтобы помочь гостям выйти из экипажей. Виконт первым покинул карету, и тут же подал руку Амелии. Слуги недоверчиво посмотрели на даму, укутанную в дорогой плащ, но возразить никто не посмел – виконта в доме дю Боттэ знали, а то, что его спутница скрывает лицо еще не повод задерживать пару.

Гости ручейком текли к широко распахнутой двери. Лорд Флайверстоун присмотрелся к тем, кто поднимался по лестнице впереди и сжал кулаки.

– Что-то не так? – чутко отреагировала на его настроение Амелия.

– Клариса сошла с ума! Она действительно пригласила наших однополчан!

Амелия тоже присмотрелась к входящим в дом людям. Все верно – офицеры, некоторые в мундирах с ленточками отставников, некоторые в цивильном платье, но выправка выдает место службы. Дам было немного, и каждая несла на рукаве траурную розетку. Некоторые совсем молодые леди позволили себе вольность – закрепили сочетание черных кружев и лент в прическе или на поясе, но их было немного.

Пока виконт и вдовствующая графиня разглядывали гостей, настал их черед войти в ярко освещенный холл, отдать плащи слугам, и подойти к хозяевам дома. Поскольку вечер планировался полутраурным, мажордом никого не объявлял, вместо этого хозяева лично встречали гостей, обмениваясь приветствиями и несколькими любезными словами.

Нынешний граф дю Боттэ – высокий, полный мужчина с красным от духоты и вина лицом, горой возвышался рядом с тонкой и звонкой брюнеткой в темно-розовом платье. Леди Клариса, а это несомненно была она, не могла себе позволить насыщенных цветов, поэтому выбрала самый темный оттенок допустимого «девичьего» цвета, и дополнила его черной газовой юбкой и такой же накидкой.

Заметив виконта, хозяйка дома расцвела неподдельной улыбкой, и протянула руку:

– Лорд Флайверстоун! Рада видеть вас в нашем доме!

Мужчина сделал вид, что не заметил протянутой руки, и просто щелкнул каблуками, коротко склонив голову:

– Леди Клариса!

Он хотел представить Амелию, но брюнетка, обиженная его невниманием, сладко пропела:

– Вы сегодня с матушкой? Она так редко у нас бывает...

Перепутать рыжую с сединой бледнокожую вдовствующую виконтессу с юной золотистой блондинкой Амелией было сложно даже подслеповатому дворецкому, но леди Клариса невинно хлопала глазами, и тянула паузу, привлекая внимание других гостей к собственному конфузу. Что-то из разряда «ах, я маленькая наивная девочка, вы же мне простите мои шалости»?

Амели вздернула подбородок. Таких девиц она терпеть не могла еще со времен учебы в пансионе. Виконт же слегка сжал ее пальцы, и красивым жестом подвел ближе к сопернице:

– Позвольте вам представить вдовствующую графиню дю Боттэ!

Гул разговоров стих, а виконт продолжил, не меняясь в лице:

– Мой друг, Эммет, поручил мне присматривать за его супругой! Решением королевского суда, леди дю Боттэ имеет все права вдовы и вдовью часть, прописанную в брачном контракте! Сегодня графиня желает познакомиться с друзьями и родственниками покойного супруга, по которому глубоко скорбит!

Взгляды всех присутствующих сошлись на Амели, но ее защищала плотная вдовья вуаль. Похоже мадам Ланвен наложила на нее заклятья, отбрасывающие проклятия и сглазы. Иначе почему некоторые гости вдруг начали падать, как кегли? А на леди Кларисе вспыхнула юбка?

Платье потушили, гостям предложили крепкие напитки и пунш, граф же скрежеща зубами взглянул на виконта и вдову и прошипел:

– В кабинет! Незачем обсуждать семейные дела на публике!

– Не вижу необходимости, – нежным голосом отозвалась девушка.

О, ее спина стала мокрой от ледяного пота, но таких типов, как дядюшка ее мужа она тоже знала. Им нельзя показывать страх, нельзя давать слабину в общении, иначе съедят, похрустывая косточками.

Амелия прекрасно понимала, что в отдельном закрытом помещении такой крупный мужчина легко сумеет ее запугать, вырвать обещание или даже подпись. Нет уж.

– Всеми делами займутся поверенные, лорд дю Боттэ, – достаточно громко и звонко говорила она, – я слишком скорблю по моему дорогому Эммету, чтобы тратить время на обсуждения. Есть решение королевского суда, есть брачный контракт. Сегодня у вас вечер памяти, посвященный моему мужу и другим офицерам, погибшим в этой войне. Не будем оскорблять их память мелочным пересчетом вдовьей доли.

Граф поначалу побагровел, потом видимо решил, что так даже лучше – будет время для маневра, и растекся в сиропной улыбке:

– Вы правы леди! – сказал он, пропуская титул и имя Амелии, – сегодня у нас праздник, и не стоит его портить. Право, я рад, что в нашу семью вошла такая мудрая женщина!

В голове Амелии тут же звякнул предупреждающий звонок. Покойная матушка не раз говорила ей – если мужчина восхищается женским умом, значит понимает, что такой дуры он больше в жизни не встретит.

– Что вы, лорд, – вернула ему шпильку девушка, пропустив имя и титул, – я не входила в вашу семью, я потеряла свою. Но мой супруг оставил мне добрую память о себе!

Публика слушала обмен любезностями, как цирковое представление, и первым на это отреагировал виконт:

– Прошу прощения, милорд, другие гости жаждут вашего внимания...

После этих слов, лорд Флайверстоун вежливо поклонился и утянул Амелию из холла в очаровательную гостиную, в которой подавали чай, вино и закуски.

– Bravo, Амелия! – шепнул он, притормаживая на пороге, – а теперь спрячьте колючки! Я представлю вам матерям, сестрам и женам моих друзей!

– Они поддержат нас, или Кларису? – так же тихо уточнила девушка.

– Будет зависеть от вас! – улыбнулся ей виконт и добавил: – но я помогу укрощать этих диких воительниц аристократических джунглей!

Вечер продолжился довольно мило. Лорд Флайверстоун подводил Амелию к гостям, называл имена, и шепотом рассказывал о венчании в древней часовне, и под легкие ахи и охи переводил девушку к другой группке гостей. После скандального приветствия в холле, на них смотрели с настороженным интересом. Кое-кто держался холодно и даже избегал встречи с лордом и леди в просторной гостиной, некоторые гости напротив, с интересом подходили сами, разглядывая молодую вдову с неподдельным любопытством.

Держаться невозмутимо под столькими взглядами было не просто, но Амелия справлялась. Просто представила, что это просто игра с младшими в «королевский бал». Поклоны, фальшивые улыбки, элегантные движения рук и повороты головы – действительно игра или даже спектакль. Впрочем, нужное впечатление они с виконтом явно произвели, и его покровительство оценили.

Когда легкую музыку сменили трубы, гости потянулись в бальный зал, украшенный небольшой сценой. На возвышение поднялась леди Клариса и начала прочувствованную речь, посвященную подвигу усопших. Ее слушали, но мужчины порой переглядывались и скептически усмехались. С их точки зрения юная леди дю Боттэ превращала скорбь в фарс. Некоторые дамы, впрочем, прониклись и даже утирали слезинки, во время особенно печальных фраз.

Амелия скромно стояла в стороне, рядом со вдовствующей виконтессой. Та нашла их в гостиной, и пообещала быть рядом во время танцев. Она же объяснила Амелии, что ей танцевать нельзя ни в коем случае – траур есть траур. А вот лорду Флайверстоуну следует уделить Кларисе внимание, да и прочих дам порадовать танцами и флиртом.

– Я вижу, как Жан-Поль смотрит на вас, Амелия, – сказала леди Флайверстоун, перехватывая у слуги пару бокалов с пуншем, – и понимаю, что вы еще не готовы к отношениям. Поэтому лучше не держите его подле себя.

– Миледи! – шепотом воскликнула девушка, – как я могу держать возле себя вашего сына? Он сделал для меня больше, чем любой человек в этом мире кроме родителей!

– Вы еще очень молоды, Амели, – вздохнула почтенная дама, и тут же улыбнулась другой пожилой леди, – предлагаю забыть о

серьезных разговорах и немножко побродить здесь. Я представлю вас своим подругам!

Остаток вечера прошел в бесконечных разговорах с почтенными тетушками, бабушками и кузинами рода Флайверстоун. Все эти дамы были милыми и любезными, но каждая желала знать подробности скандальной свадьбы, заседания суда и брачного контракта. Еще в деревне, посещая вместе с отцом старушек, Амелия научилась увиливать от каверзных вопросов, пряча эмоции за вежливой улыбкой. Ох, как ей пригодился этот навык на этом странном празднике! На рассвете, когда виконт усадил Амелию в экипаж, она готова была уснуть стоя, продолжая вежливо кивать и улыбаться.

Уже к обеду следующего дня поднос в номере был усыпан карточками. Панику Амелии остановила вдовствующая виконтесса, заглянувшая в обед. Она вручила девушке коробочку, полную изящных карточек с графской короной и траурной лентой.

– Вам нужно надписать хотя бы два десятка для визиток на сегодня, – сказала леди Флайверстоун и быстро разобрала карточки с подноса на несколько стопок:

– Вот эти просто дань вежливости. Мы с вами через час проедем по кварталу и развезем ответные карточки. Это лишь ни к чему не обязывающая вежливость. Вот эти карточки – приглашения. На них придется ответить письменным согласием и занести визитные дни в расписание. Вот на эти лучше ответить отказом, вежливым, но непреклонным. А эти можно выбросить. Из тех, кто пожелал увидеть вас лично, кроме графа и его дочери нет ни одной значимой фигуры. Общество присматривается к вам. Нужно назначить два приемных дня в неделю, и приказать на кухню подавать чай и пирожные ровно в половине пятого. Если до семи вечера никто не появится, двери следует закрыть, и сообщить, что вы больны и не принимаете.

Под этот монолог, леди Флайверстоун помогла Амелии отдать распоряжения слугам, подписать карточки, и собраться на прогулку. Виконт, как и обещал провез их по всем нужным домам, куда дамы даже не входили, лишь передавали с лакеем карточку или письмо.

После две леди отправились с визитами. Лорд Флайверстоун предлагал сразу явиться в дом дю Боттэ вместе с королевским глашатаем, и не тратя время зря, обсудить проживание Амелии вместе

с детьми во вдовьем флигеле столичного особняка. Но виконтесса отговорила сына:

– Жан-Поль, я понимаю, что такая тактика была успешна в бою. Но в свете... К Амелии должны сначала привыкнуть. Чтобы ее жалобы были услышаны, о ней должны знать. Сегодня просто визиты вежливости. Чаепитие, немного разговоров. И завтра тоже. А вот через неделю можно будет появиться с глашатаем. В приемный день Кларисы.

– Но мама! Граф успеет собрать союзников, спрятать счета и драгоценности!

– Он и так все успеет, – успокаивающим тоном ответила леди Флайверстоун, – но это ему не поможет. До меня дошли слухи, что Верховный судья запросил в счетной палате данные о состоянии дю Боттэ на момент получения наследства. Ты же понимаешь, что им пришлось предоставить полную опись, чтобы заплатить налог в казну?

Лорд Флайверстоун усмехнулся и почтительно поцеловал матери руку:

– Всегда восхищался вашим стратегическим мышлением, миледи!

Виконтесса довольно усмехнулась в ответ, и важно кивнула:

– Едем!

Глава 23

План виконтессы сработал. Амелию приняли в высшем обществе. Не сразу, не вдруг, но ее образование, манеры и деликатность оценили. Она не пыталась стать «звездой» вечера, не уমাляла хозяйку дома, не разносила сплетен, не третировала юных дев, потерявших перчатку или веер в толпе танцующих. Она искренне любовалась каждым человеком, которого ей представляли и находила пару любезных слов для самой желчной светской матроны или страдающего от подагры старика.

В противовес ей леди Клариса любила блистать, кутить, сверкать бриллиантами и третировать тех, кто был ниже ее по положению. Репутацию леди приобрела себе не вчера, но до появления Амелии удачно скрывала свои промахи, наивно хлопая глазками и прячась за спину лорда Армана. Теперь же общество получило потрясающую возможность – сравнить двух юных леди примерно одного возраста, живущих в одном доме, имеющих одинаковые средства и круг общения.

Да-да, Амелия вместе с детьми, следуя плану виконтессы появилась на пороге Боттэ-Холла с королевским глашатаем, и получила все ровно то, что полагалось вдовствующей графине. Для начала по приказу глашатая слуги открыли вдовый флигель. Осмотрев его, солидный мужчина средних лет постановил заменить мебель, портьеры, вызвать трубочиста, и плотника для ремонта дверей и оконных рам. После этот же хмурый господин потребовал амулеты от насекомых, мышей и крыс, свежие перины, постельное белье с монограммами, кухарку, двух горничных, камеристку, лакея, кучера, ландо и четверку коней для экипажа.

Когда граф задыхаясь от злости пытался кричать о том, что его кошелек не потерпит таких расходов, глашатай невозмутимо тыкал пальцем в копию брачного контракта и копию решения Верховного суда, а потом занудным голосом напоминал:

– Вдовствующая графиня дю Боттэ имеет право проживать во всех домах, принадлежащих семейству, и должна иметь условия проживания и содержание, такое же, как любая старшая леди семьи.

Вы хотите сказать милорд, что ваша дочь спит на сырых тюфяках, не имеет личной прислуги и выезда? Очень грустно это слышать! Думаю, в приемной Его Величества будут очень удивлены таким отношением отца к собственной дочери!

Лорд Арман скрипел зубами, но поделаться ничего не мог. В случае попытки сэкономить на ремонте или мебели, королевский глашатай просто требовал ровно такое же кресло-кровать-диван-обивку-платье-блюдо, как у графской дочери, предоставляя выписки счетов графа или отпечаток клейма мастера и записку от него.

За неделю полузаброшенный флигель превратился в уютный дом из пяти комнат, кухни и просторной кладовой. Виконтесса помогла Амелии подобрать слуг, объяснив, на что стоит обращать внимание при найме. Виконт организовал очередной переезд – из отеля в особняк, и даже подарил милую лампу под молочным стеклянным абажуром, в котором плавали разноцветные стеклянные водоросли и золотые рыбки.

Не смирившись с «наглым вторжением», граф дю Боттэ закрутил гайки для дочери. Не так-то просто оплачивать сразу два платья от лучшей портнихи, две шляпки из самой дорогой мастерской, два комплекта белья или вышитых лент от белошвейки. Любая покупка для леди Кларисы оборачивалась точно такой же покупкой для леди Амелии. Глашатай следил за этим, получая информацию от слуг, торговцев и болтливых подружек юной леди дю Боттэ.

Только Амелия и тут превосходила соперницу. За те же деньги она покупала вещь менее пафосную, но более утонченную. А поскольку мадам Ланвен отказывалась шить для дочери графа, туалеты вдовствующей графини всегда выглядели гораздо дороже и качественнее, да еще и обладали магическими свойствами.

Избалованная отцом леди Клариса решила уничтожить соперницу женскими методами – подсыпать в пудру стекло, подлить в утренний чай отвар копытня или семян моркови, а может и просто испортить гардероб за пару часов до выезда на большой прием. Да только прислуга флигеля ни графу, ни его дочери не подчинялась. Все люди, нанятые Амелией нуждались в работе, потому как не имели рекомендаций, и очень держались за свое место. Поэтому ни камеристку леди Кларисы, ни лакеев из «большого дома» на порог не

пускали. Продукты кухарка покупала сама, и обязательно проверяла их, предлагая маленькие кусочки кошке или собаке.

А в скором времени горничные, прачки и камеристки узнали, что вдовствующая графиня не чурается наградить слуг монеткой, куском пирога или новой лентой к празднику. Да и в обычные дни ведет себя вежливо: щетками для волос не кидается, не жжет никому руки щипцами для завивки, не топчет острыми каблучками ноги лакеям, посмевающим задеть ее рукавом и вообще мила, и любезна со всеми. И тогда в графском доме начали происходить чудеса. На новенькую юбку леди Кларисы случайно падали угли из утюга. Любимый парадный камзол графа, брошенный им на пол, внезапно покрывался не очищаемыми пятнами воска и жира. Мыши погрызли лайковые бальные туфельки и перчатки леди Кларисы, за час до выхода из дома, а кружевной зонтик упал в грязь, когда она садилась в карету! Негласный титул «самой очаровательной леди сезона» уплыл из ее судорожно сжатых ручек к Амелии!

Все эти раздражающие мелочи, досадные сплетни, и сокращение расходов не прибавили леди Кларисе очарования. Разобиженная дочь принялась устраивать лорду Арману ежедневные истерики, требуя увеличения суммы «на булавки», а когда она ее получила, требование выплаты точно такой же суммы для леди Амелии тут же легло на стол судье и было удовлетворено. Граф раскошелился, скрипя зубами, и так хлопнул дверь кабинета, что вылетели стекла из полукруглого «фонаря», расположенного выше.

Раздавленный внезапным уменьшением доходов граф цеплял Амелию чем мог и умел. Едва во флигель привезли сундуки молодой вдовы, как он попытался запретить проживание в доме Иланы и Бриса. К его несчастью, в контракте был пункт об оплате образования и содержания именно этих родственников Амелии, а все прочее, необходимое двум подросткам девушка легко покупала со своей королевской пенсии.

Впрочем, и тут королевский глашатай следил строго – графу было предписано внести предоплату за обучение Иланы в лучшем пансионе столицы, ведь девочке уже исполнилось двенадцать лет – самый подходящий возраст для наук и манер. За Бриса предоплату пока не требовали, но уже записали в королевский кадетский корпус. Брат графини, да еще и маг, должен стать как минимум офицером!

Примерно через неделю, убедившись в том, что наглая захватчица получает половину всех его доходов, лорд Арман внезапно решил соблазнить хорошенькую вдову, а может и жениться на ней.

Как эта мысль вызрела в его голове Амелия не знала, но подозревала, что изначально идею подсказала леди Клариса. Очень уж бесилась дочь графа от того, что каждая ее покупка дублируется для вдовы. Отец перестал покупать ей украшения, и экономил на расходах. Вот леди и предложила, чтобы получить полный контроль над всеми деньгами и контрактом Амелии, просто соблазнить ее и устроить скандал! Его величество ведь не потерпит умаления памяти своего офицера? А если все же потерпит, можно на этой провинциальной дуручке жениться! Сам граф ничего не потеряет – по бумагам сын Амелии становится наследником дю Боттэ, а вот ограничить расходы супруги, он сумеет запросто. Да и услатить ее в дальнее поместье будет проще простого – достаточно объявить о беременности и дело в шляпе!

Осаду немолодой уже лорд начал по всем правилам. Сначала экономно присылал цветы из оранжереи, устроенной тут же, возле особняка. Потом заставлял повара готовить конфеты, укладывал их в красивую коробку за два медяка, и торжественно вручал, перевязав атласной лентой. Когда расходы на «ухаживания» по мнению графа непомерно возросли – в доме кончились пустые коробки, лорд Арман пригласил Амелию заглянуть в «большой дом» якобы по делу. Камеристка, опытная в таких делах, посоветовала хозяйке вызвать стряпчего, а лучше лорда и леди Флайверстоун.

– Вам лучше не оставаться с этим графом наедине, миледи, – приговаривала камеристка, затягивая Амелию в глухое черное платье со множеством мелких пуговиц и шнурков. – Человек он недобрый, и репутацию вашу втопчет в грязь одной левой!

– А если я к нему не приду, – возражала Амелия, – он устроит мне подлость в самый неожиданный момент! Лучше уж я встречусь с ним лицом к лицу, но... подготовлюсь!

Предусмотрительность себя оправдала. Амелия появилась в «большом доме» одна, согласилась выпить чашечку кофе в кабинете и скромно присела на краешек стула, слушая разглагольствования лорда об экономии. Напиток был горьким, хотя девушка добавила три

кусочка сахара. Поморщившись, Амелия поставила почти пустую чашку, и поднесла дрожащие пальцы к виску:

– Ваша Светлость, у меня разболелась голова, давайте обсудим все необходимое в другой раз?

После этих слов девушка встала и заметно покачнулась. Граф не стал медлить, и сразу попытался завалить ее на диван, бормоча что-то о неземной любви. В этот момент дверь кабинета, запертая прежде на ключ, распахнулась, впуская неприятно удивленного виконта. Он одним пассажом отправил графа в короткий полет на пол, помог Амелии подняться, убедился, что ее платье цело, а потом сухо сообщил «Его Светлости», что уведомит королевского герольда о применении приворота и попытке давления на вдову. Чашку с остатками кофе он аккуратно упаковал в силовой пузырь, и забрал с собой.

Только в своем флигеле Амелия узнала, что виконт и виконтесса перехватили в коридоре Кларису с подругами, которые шли в кабинет папá, чтобы получить разрешение на прогулку. Леди Флайверстоун отвлекла юных болтушек, а лорд Флай поспешил на помощь Амелии.

Убедившись, что флигель надежно заперт и охраняется, девушка смогла выплакать не пролитые слезы. А потом вздохнуть спокойно, и проглотить еще одну порцию отворотного, на всякий случай. С той поры, встречая Амелию на светских мероприятиях лорд Арман наливался нехорошим багровым цветом, и тяжело дышал, понимая, что потерял всяческое влияние на строптивую вдовицу.

Пик противостояния с графом и его дочерью пришелся на королевский летний бал. Обычно он устраивался в самый длинный день в году и на него приглашались все значимые аристократы королевства. А еще там были послы, делегации от иностранных государств и торговых представительств, известные ученые и маги, и просто люди, заинтересовавшие Их Величеств.

Среди высшей аристократии летний бал почитался чем-то весьма бурным, вольным и даже диким, поэтому юных дев на него старались не брать, во избежание. А вот получить на этом балу награду считалось делом более престижным, чем на зимнем балу, потому что летом за награждением наблюдали сами Светлые, и щедро делились с победителями своим благословением.

Традиционно бал начинался в девять вечера и продолжался до девяти утра следующего дня. Самые знатные вельможи имели в королевском дворце собственные покои, и умудрялись переодеваться три-четыре раза за ночь. Кроме того, на этом балу обязательно показывали живые картины, балет в саду, и фейерверк. Обширная программа и обильные возлияния частенько становились причинами конфузов, о которых вспоминали до самого зимнего бала. А уж после зимнего бала появлялись новые «счастливики».

На этот раз публика ждала сразу несколько громких скандалов. Во-первых, пошли слухи, что король внес в список награждаемых за особые заслуги собаку наследника, покусавшую принца за филей накануне мирных переговоров с гангутами. Поскольку из-за этой неприятности слишком резкий юноша не смог присутствовать, его заменил герцог Коннаут, и обмен последними пленными, а также официальное подтверждение мирных договоров пройдут на этом самом балу.

Во-вторых, просочилась информация о том, что на празднике будет объявлено о помолвке наследника с дочерью одного из северных конунгов. По тем же слухам девица отличалась ростом, силой и любовью к метанию топоров. После неудачной пограничной стычки с гангутами, королева решила побыстрее женить сына, и заняться воспитанием внуков.

Остальные ожидаемые события были не таким яркими. Дамы как обычно будут соревноваться роскошью платьев и драгоценностей, мужчины обменяются информацией и колкостями. Будут заключены или разорваны союзы, учтены новые игроки и списаны те, кто оказался недостойным. В общем обычное светское мероприятие, хотя и невероятного масштаба, и важности.

Платье для королевского бала Амелия заказала у мадам Ланвен. Портниха не приглашала ее к себе, только прислала записку, что платье будет готово к сроку и приложила к записке счет. Поскольку леди Клариса тоже заказывала платье для королевского бала, счет выпало оплачивать графу.

А еще ему пришлось вынуть из сейфа полутраурные украшения семьи, и предоставить их в распоряжение Амелии. Если траурное черненое серебро, черный янтарь, обсидиан и чугун он отдал, пусть и с неохотой, но без возражений, сразу, как только Амелия въехала во

флигель, то уж эту коллекцию великолепных черных сапфиров, черной шпинели и черного жемчуга пришлось у него практически отнимать. К глубочайшему сожалению лорда Армана, список фамильных драгоценностей у глашатая тоже был.

Кроме всего прочего, графу пришлось отдать девушке фамильное обручальное кольцо и перстень, чтобы юная вдова могла носить его на левой руке, демонстрируя свой статус. Увидев знакомый рубин и тонкий ободок с гербовым узором на пальце Амелии, леди Клариса затопала ногами, как молодая кобылка, и разорвала в клочья кружевной платок. Глашатай невозмутимо предложил вдовствующей графине руку, и довольно громко сообщил, что после бала завершится сезон, аристократы отправятся в свои поместья, и он будет счастлив сопровождать леди, чтобы скрупулезно выполнить все решения Верховного судьи. Заметив багровое лицо графа, Амелия даже посочувствовала ему, а потом задалась вопросом – чем же ее новый родственник ТАК разгневал слугу закона?

Глава 24

В день бала огромную коробку с платьем доставили с самого утра. Амелия уже неплохо научилась собираться на бал, да и камеристка ей попалась опытная, просто не очень шустрая. Прежде она служила высокопоставленной даме из свиты королевы-матери, а после смерти хозяйки оказалась никому не нужна. Виконтесса с одного взгляда оценила опыт камеристки и присоветовала Амелии нанять именно ее. А неторопливость, связанная с возрастом служанки, юную графиню не раздражала. Этот недостаток они компенсировали, наняв для мисс Кьюри помощницу и ученицу – быстроногую девчонку из цветочной лавки.

Когда с коробки, размером напоминающей дорожный сундук сняли крышку и слой хрустящей бумаги, удержать возгласы восторга женщины не сумели. Поскольку период строгого траура уже завершился, мадам Ланвен прислала во флигель коробку с поясняющей запиской. «Миледи, на праздник во дворце соберется цвет аристократии, и вам понадобится не одно платье, чтобы показать всем, что вы достойны своего имени. Я взяла на себя смелость и приготовила для вас несколько туалетов и все необходимое к ним».

Амелия и мисс Кьюри одновременно потянулись, чтобы увидеть, что же такое волшебное сотворила самая известная модистка столицы.

Первым был наряд из серебряной парчи. Гладкая серая ткань с легким матовым блеском, жесткий корсет, крахмаленный, натянутый на каркас воротник, юбка с четкими складками – более официальный наряд трудно себе представить! К туалету полагалась такая же серебряная накидка на розовой подкладке, туфельки, расшитые мелким черным жемчугом и серебряной нитью, серые шелковые перчатки, и серебряная сеточка для волос с дюжиной шпилек-цветочков с жемчужными серединками. Строго, изысканно и несомненно траурно. Розетка из бархатных лент на плечо нашлась тут же.

– Миледи! – мисс Кьюри всплеснула руками, – в этом платье вы будете дивно хороши! И те сапфиры... Они лягут на эту ткань, как родные!

– Мадам пишет, что в этом платье мне следует оставаться до полуночи, – прочла лежащую поверх накидки записку Амелия, – а после сменить наряд на лиловый.

Второе платье было несомненно бальным. Лиловый бархат с черной вышивкой, роскошно, но деликатно. Для прически предлагались лиловые бархатные цветы и черные шелковые траурницы.

Камеристка аккуратно вынула платья и аксессуары из короба, развесила и разложила все в гардеробной, а потом собралась унести упаковку, но оказалось – дамы ошиблись! Под тонким слоем плотной шелковистой бумаги лежало еще одно платье и еще одна записка!

«Это платье стоит надеть на рассвете».

– Миледи! – в голосе камеристки слышалась смесь изумления и любопытства, потому что платье в коробке было насыщенно-голубым. Не девичье-бледным, а ярким и роскошным, какое полагалось бы действующей графине дю Боттэ, приехавшей на бал вместе с мужем.

Амелия тихонько погладила роскошный муар, невесомое кружево, расшитое мелким жемчугом, и недоверчиво сказала:

– Мадам Ланвен решила, что меня вновь позовут замуж?

Мисс Кьюри только руками развела и высказала то, что Амелия уже слышала от виконтессы:

– Мадам Ланвен никогда не ошибается! А еще, тем, кто не выполняет ее рекомендаций она больше не шьет!

– Знаешь, Мари, – вздохнула Амелия, – пусть это платье остается в коробке. И лиловое уложи сверху. Возможно, кому-то из дам понадобится моя помощь и я предложу ей это платье. Если же нет, платье все равно побывает во дворце, и мадам не будет на меня сердиться!

Камеристка пообещала все выполнить, убедилась, что все необходимое есть, затем завернула бумагу обратно, упаковала лиловое платье в коробку и отвела хозяйку отмокать в ванной с душистыми травами.

Пока Амелия не торопясь согревалась в медной лохани, умащивала кожу смесью розовой воды и миндального масла, сушила волосы и выбирала какую именно часть сапфировой парюры надеть к серебряному платью, в «большом доме» царил бедлам. Клариса воплями гоняла служанок, требуя то все и сразу, то ничего и немедля!

Замученные камеристки и горничные огрызались на лакеев, лакеи буравили взглядами дворецкого, а тот время от времени заглядывал в свою каморку у входной двери, выпивал рюмочку бренди и возвращался в холл оплотом истинного спокойствия. Граф из своей комнаты вообще не показывался, подперев дверь креслом.

Не смотря на все трудности в назначенный час от особняка дю Боттэ отъезжало сразу две кареты с фамильным гербом. Одна выглядела вычурно и пышно – позолота, бархатные занавески с золотыми кистями, султаны из крашенного конского волоса на крыше. Второй экипаж с первого взгляда казался более скромным – темное дерево, матовый лак, вставки из синего стекла, и черная лента поперек герба. Только стоили эти кареты одинаково. Первую заказал новоиспеченный граф дю Боттэ, вторую мастер изготовил по заказу вдовствующей графини. Бьющая в глаза роскошь против драгоценной строгости.

Выехали кареты одновременно, а вот ко дворцу прибыли отдельно. Граф нещадно тыкал кучера тростью в плечо, через специальное оконце, заставляя погонять лошадей, а Амелия попросила своего слугу не гнать, чтобы не растрясти пассажиров и не помять платья. Широкий каретный круг королевского дворца позволил всем подъехать без спешки. К тому же большая часть приглашенных уже жила в гостевом крыле и в каретах не нуждалась, так что торжественное объявление графа дю Боттэ с дочерью лишь на четверть часа опередило прибытие вдовствующей графини дю Боттэ.

На Амелию смотрели, но довольно равнодушно. Сразу три огромных зала, с широко распахнутыми дверями, были полны празднично одетых людей. Между ними сновали лакеи с подносами, бабочками порхали пажи, иногда торопливо пробегали юные девушки в роскошных, но одинаковых платьях, и строгих головных уборах.

Не успела Амелия войти в зал, как ее перехватила вдовствующая виконтесса:

– Миледи! – девушка облегченно выдохнула. Помощи от графа и его дочери она не ждала, но и совершенно одна в этой толпе она ощущала себя неловко.

– Вы чудесно выглядите! – леди Флайверстоун искренне улыбнулась и похлопала Амелию по руке, успокаивая. – Давайте встанем вот здесь, в стороне и я вам расскажу, что и как тут происходит, пока собираются гости.

– С удовольствием!

Дамы отошли к задрапированному окну, и виконтесса объяснила, что девушки в одинаковых нарядах – фрейлины.

– В алых платьях дамы королевы. Те, что в годах, конечно, не бегают с поручениями, но их легко отличить по бриллиантовому шифру. В голубых нарядах фрейлины принцессы. Она готовится к замужеству и желает блистать, так что ее помощницы самые утомленные. В зеленых туалетах появляются дамы, приписанные ко двору сестер и тетюшек короля, их платья различаются только оттенком. Чем старше дама, тем темнее цвет. А вот дам в фиолетовом у нас сейчас нет, этот оттенок носят фрейлины супруги наследника.

– Странно, что принц до сих пор не женат, – безо всякой задней мысли бросила Амелия.

И тут же получила веером по руке:

– Тссс, моя дорогая! Это тот самый секрет, о котором все знают, но молчат! Говорят Его Высочество настолько любит дам... Всех дам, что никак не может остановиться на одной!

Амелия на миг оторопела, а потом припомнила одну семейную пару в родной деревне и лукаво улыбнулась:

– Полагаю, нашей будущей королеве придется обзавестись тяжелой рукой... или сковородкой!

К удивлению девушки, вдовствующая виконтесса вполне ее поняла и дамы посмеялись вместе.

Пока они беседовали, и пили лимонад, в разноголосый гул толпы вписался странный раздражающий звук.

– Началось! – шепнула виконтесса, но с места не двинулась, объяснив для Амелии: церемониймейстеры стучат своими жезлами в медные диски, предупреждая всех, что вот-вот бал начнется. Видите, герцоги и графы выдвигаются в первые ряды? Мы с вами немного переждем суету, а потом займем полагающееся нам место.

Через четверть часа дамы неспеша подошли к середине второго зала и встали рядом с лордом Флайверстоуном. Амелии, как вдовствующей графине полагалось место рядом с графом, но ей не хотелось слушать его тяжелое дыхание над ухом и ловить бешеные взоры леди Кларисы.

Когда гул усилился до пронзительной дробы, а разговоры окончательно стихли, затрубили фанфары, объявляя выход

королевской семьи. Шеи вытянулись, мелкие дворяне, чиновники и приглашенные на бал купцы пытались как можно скорее увидеть Их Величеств и наследников.

Чтобы у каждого была такая возможность, шествие началось из холла. Там выстроилась торжественная колонна из пажа-знаменосца, охраны, августейшей семьи и самых ближних придворных. Все они были одеты королевские цвета, все сверкали коронными драгоценностями и орденами.

Когда пышная процессия появилась в дальнем конце зала, все присутствующие замерли в поклонах и выпрямились лишь тогда, когда королевская семья скрылась в тронном зале.

– А вот теперь можно неспеша перейти туда, – сказала виконтесса, поправляя прическу. – Сейчас церемониймейстеры объявят первую церемонию.

– Первую церемонию? – переспросила Амелия. Двигаться в толпе, хлынувшей в тронный зал, было неудобно, но и увидеть то, что произойдет хотелось.

– На сегодня запланировано как минимум награждение, подписание договора и объявления о союзах, – отозвалась виконтесса. – У каждого действия свой протокол, так что официальная часть затянется до полуночи. А потом будут танцы. Перед началом веселья в одном из залов накроют фуршет, а большая часть дам отлучится, чтобы сменить наряд.

Услышав обо всем, Амелия слегка вздрогнула, поражаясь осведомленности модистки, но промолчала. Не хотела выглядеть совсем уж ничего не знающей простушкой. Юной девушке, впервые посетившей Двор – это простительно, но вдову могут упрекнуть.

Глава 25

В огромном, сияющем огнями зале все было предусмотрено – окна распахнуты в сад, открыты боковые двери, а пространство перед тронами свободно от зрителей и отделено витым золотым шнуром.

Когда шум и суэта стихли, король начал говорить, и благодаря магии его голос разнесся на все три зала:

– Сегодня, милостью Светлых мы не только празднуем самый длинный день в году, но и официально подтверждаем мирные договоры с нашими добрыми соседями!

Жест Его Величества привлек внимание гостей к небольшой группе людей в черных мундирах, вошедших через правую боковую дверь. Амелия зажмурилась и сжала руки в кулаки. Черные мундиры до сих пор наводили на нее страх.

Пока король говорил, из левой боковой двери вошла делегация в алых мундирах. Два генерала – один в черном, другой в красном, отделились от своих свит, подошли к двум столикам и подписали лежащие там свитки вычурными длинными перьями. Потом обменялись свитками, и снова подписали.

– А теперь, мы с добрыми словами отпускаем гангутов, задержавшихся в нашей стране, и с радостью встречаем соотечественников, не сумевших одолеть весеннюю распутицу... – вещал король.

Виконт раздвинул чьи-то спины и помог дамам подойти ближе. Амелия его понимала – лорду хотелось увидеть тех, с кем он сражался, и встретить тех, кто сумел вернуться. Пленных было немного – одинаковое количество с обеих сторон. Несколько очень высоких и худых мужчин в мундирах без знаков различия слева и столько же вполне нормально сложенных людей в черном справа.

Обмен напоминал танец – двое выходили в центр, вежливо кланялись друг другу и проходили дальше, к своей делегации. Когда от толпы черных мундиров отделился высокий мужчина с длинными каштановыми волосами лорд Флайверстоун вдруг сжал руку Амелии, и не удержавшись крикнул:

– Жак!

Пленный вздрогнул, чуть не испортив заключительный аккорд церемонии, но потом взял себя в руки, и дошел до группы в красных мундирах.

– А теперь, я приглашаю делегации Вестландии и Гангутии на фуршет! Прошу вас, господа! Вас проводят!

Генералы синхронно повернулись к толпе зрителей и неторопливо зашагали рядом. Их офицеры и бывшие пленные выстроились позади. Один из пажей яркой бабочкой бежал впереди и кричал:

– Дорогу храбреешим!

Все развернулись и подались назад, уступая, и только пять человек остались на месте не в силах отвести взгляд от черного мундира без знаков различия и немного встрепанных каштановых волос. Приблизиться никто не осмелился, а вот начать проталкиваться к выходу вслед за ушедшими... Флая и Амелию поймала за руки виконтесса:

– Остановитесь! – строгим тоном сказала она, – оба! Их Величества в зале, ваш уход будет демонстративным нарушением протокола!

Виконт и графиня опомнились, развернулись и... устали на нынешнего графа дю Боттэ и его дочь. Те пытались сделать каменные лица, но у них ничего не получалось. Лорд Флайверстоун вдруг склонился к уху Амелии и прошептал:

– Как жаль, что в королевском дворце во время приемов не действуют телепосыльные чары! Я бы немедля попросил моего стряпчего составить прошение о возвращении титула и всей собственности законному представителю старшей ветви!

– Вы можете написать записку у окна и выпустить ее, выйдя в сад, – предложила Амелия, снимая с пояса крохотный блокнот с карандашиком – бальную книжку.

Вообще вдовам в период строгого траура она не полагалась, но как раз сегодня траур был смягчен, мадам Ланвен добавила к туалету этот милый аксессуар...

– Прошу вас, не спешите! – в их беседу вмешалась более опытная в светских делах виконтесса. – Неужели вы думаете, Его Величество не знает, кого вернули гангуты? Подождем!

Едва военные ушли, церемониймейстеры объявили, что сейчас Их Величества будут вручать награды. Гости сразу придвинулись ближе к

трону, а площадка, оставленная для подписания договора превратилась в дорожку, по которой награждаемые будут подходить к тронам. В толпу сразу ввинтились пажи, которым было поручено отыскать и привести к подножию трона тех, кого ждали ордена и почетные звания.

Один такой мальчуган протолкался к виконту и вручил ему записку о том, что его ждет орден за храбрость. Второй узкий конверт он подал Амелии. Девушка, недоумевая покрутила письмо в руках, потом под пристальными взглядами со всех сторон вынула из прически шпильку, и вскрыла послание. Внутри было всего несколько строк:

– Леди дю Боттэ, Ее Величество просит вас задержаться на балу как можно дольше. Для удобства вам предоставлена комната в гостевом крыле.

Когда Амелия дочитала записку, и ее рука немного опустилась, виконтесса перехватила ее ладонь и взглядом спросив разрешение пробежала взглядом по строчкам:

– Личная комната во дворце? Леди Амелия, Их Величества невероятно ценят вашего супруга!

Конечно, этот пассаж был предназначен для дядюшки и кузины Жака. И они его услышали! От мрачных взглядов родственников девушке хотелось забиться в угол, но, на ее счастье, вручение наград уже началось, гости любопытно вытянули шеи в сторону тронов, и действующему графу дю Боттэ пришлось отвернуться. После этого к уху Амелии склонилась леди Флайверстоун:

– Детка, – сказала она, – не знаю, во что ввязался ваш муж, но, судя по всему, он теперь крайне важен для Короны. Не отходите от меня. Теперь вы его слабость!

Девушка вздрогнула и крепко сжала руку вдовствующей виконтессы.

* * *

Поездка в Вестландию для Эммета-Жаккарда дю Боттэ стала испытанием. Его учили контролировать свою новую магию каждый день и каждый час. Поскольку граница была близко, посольство отправилось в столицу верхом. Генерал Корадис, возглавляющий мирные переговоры, был весьма занят и озабочен благополучным проездом своих людей через вражеские территории, но и Жака не забывал. Обычно за ужином или сразу после него он просил графа

убрать крылья, и принимался объяснять, как правильно закрутить воздух, чтобы восходящий поток поднял тебя вверх, как аккуратно и вовремя расправить крылья, как плавно «поймать ногами землю».

На тренировках всегда присутствовала охрана генерала, так что у Жака была возможность увидеть гангутов в истинном облике. Поначалу это пугало – грубые лица, когтистые лапы вместо рук, приземистые широкоплечие фигуры. Но главный вопрос граф задал генералу наедине:

– Ваше Сиятельство, скажите, почему ваши подданные разные? Даже крылья...

– Я понял вас, – генерал отпил кофе из походной серебряной чашки и объяснил: моя охрана набрана из разных кланов. Эта должность считается почетной, и каждая семья стремится прислать ко мне своих людей. Наш второй облик различается так, же как первый. Вот среди людей, например есть рыжие горцы и светловолосые долинянки. Есть темноволосые южане с характерными носами, а есть северяне с голубыми глазами и белыми ресницами. Точно так же различаются наши кланы. Гангутия велика, в ней есть и горы, и долины, и засушливые районы и те, где небо и вода практически сливаются, оставляя для жизни крохотные острова. Каждый клан приспособился к существованию в тех условиях, в которых жил столетиями. Поэтому у всех разные крылья, разные тела и дополнительные хм, украшения.

– Благодарю за объяснения, – задумчиво сказал граф, – а моя внешность обусловлена смешанной кровью кланов, или?

– Или, – кивнул генерал, – когда-то наши предки выглядели так же, как вы. Мы можем точно сказать это, потому что сохранились древние изображения в горных храмах.

Жак молча смотрел в костер. Ему показали, как он выглядит с крыльями, просто подвели к зеркалу у портного, который шил ему специальную одежду – с клапанами на спине. Он то полагал, что крылья добавляются к человеческому облику, а нет. Без крыльев он выглядел как обычно, разве что шрамы все пропали, даже старые, полученные в период ученичества. А вот с крыльями... Черты лица становились грубыми, словно вырезанными из камня, на руках и ногах отрастали длинные темные когти способные в долю секунды

пропороть новенькие сапоги из толстой воловьей кожи! А он удивлялся, почему его держали в камере практически голым!

Кожа при смене облика темнела и уплотнялась, покрываясь кое-где плотными складками и шерстью. В первый раз глядя на себя, Жак схватился за голову – показалось, что там прорезались рога, но нет, просто волосы встали дыбом, хвоста тоже не было, хотя у многих гангутов были длинные и прочные пятые конечности, с острыми шипами или мягкими кистями на концах. В целом он и с крыльями оставался похожим на себя прежнего, в отличие от охраны генерала.

Правда графу объяснили, что некоторые детали облика появляются у горгулий с возрастом и увеличением магического резерва. Но эти нюансы тоже различались у кланов и крупных семей. Впрочем, вся эта информация шла фоном к основным правилам поведения для двуипостасных. Нельзя нервничать. Неприлично выпускать крылья в обществе бескрылых. Если от гнева лезут клыки и когти, стоит удалиться под благовидным предлогом или просто взять под контроль свой гнев.

Жак не знал – смеяться ему или плакать. Он вновь ощущал себя малышом, едва покинувшим детскую, которому строгий учитель этикета объясняет, как нужно вести себя в обществе. А еще эти эмоциональные качели! Вот едет он верхом по дороге, любителю хорошего дня, цветущими лугами, молоденькой рощей... Вдруг резко заржал чей-то конь, уронило ведро, вспорхнула птица – и он слетает с коня, пытаясь взять под контроль внезапно явившиеся крылья и вихрь магии, способной поднять его в небо! Шуточку про «привязать графенка к седлу, чтобы штаны не марал» уже не казались такими глупыми.

Одного у молодого графа дю Боттэ было не отнять – это решимости. Он собирался явиться в столицу в приличном виде, и каждый день осваивал новую реальность, принимая все новые и новые изменения в себе. Когда внезапно изменилось зрение даже в человеческой ипостаси, он забавлялся целый день, тренируя возможность переключаться с обычного на тепловое зрение. Так же, как учился укорачивать когти, или напротив – быстро отращивать их для короткого удара.

Со временем вся свита генерала стала относиться к пленнику с определенным уважением. Им, профессиональным воинам было

понятно, что любой талант лишь инструмент, а вот умение применить его – это уже заслуга человека. Остальные пленники, менее знатные, просто ехали в обозе, не пытаясь бежать. Им объяснили, что обмен пленными – часть мирного договора, и они смирились с грядущим позором, ради мира.

Ехали не торопясь. Генерал объяснял это просто – день уже назначен и приехать сильно раньше срока, значит поставить принимающую сторону в сложное положение. Не стоит ущемлять чувства тех, кто должен будет выплатить приличную контрибуцию.

– Соседям лучше жить мирно, – покачиваясь в седле говорил генерал Корадис, изучая свежую газету, прикупленную в городе, через который они проезжали. Точнее проезжал порученец, закупающий продукты и новости, а сам обоз мирно трюхал мимо, чтобы не возбуждать волнения среди жителей.

У Эммета-Жаккарда руки сами тянулись к серым газетным листам, но он старательно смотрел по сторонам, зная, что новостей жаждут все – даже те понурые солдаты, которые ехали в отдельной повозке под особой охраной.

– О, Ваше Сиятельство, – встряхнул пачку листов генерал, – тут пишут о вас и вашей супруге!

Жак принял протянутую ему страничку с колонкой светских новостей. Пробежал глазами: «вдовствующая графиня дю Боттэ» «посетила бал...» «сопровождал виконт Флайверстоун» ... Жена? Его жена в столице? Один взгляд на литографию дамы в строгом траурном наряде подтвердил все подозрения! Юная девушка с огромными глазами. Он плохо помнил ее лицо, но эти глаза... Прекрасные и беспокойные, как тогда. А рядом Флай! Выглядит друг мрачно, но безусловно достойно. А взгляд... Вот его взгляд заставил Жака судорожно выпустить воздух сквозь стиснутые зубы, не замечая, что изо рта сыплются искры.

– Осторожнее, граф! – окрик генерала привел дю Боттэ в чувство. – Вы чуть не спалили гриву своему коню, – усмехнулся гангут, перехватывая поводья затанцевавшего жеребца. – Дурные вести?

– Что? Нет! Просто... – Жак замялся не зная, как высказать свои подозрения и не оскорбить жену.

– Разберетесь на месте, – понимающе кивнул Корадис, – прессе доверять не стоит. Когда леди Луиза была представлена ко двору, в газетах Вестландии писали, что в свете загорелась новая звезда. Через сутки ее обвинили в оскорблении Его Высочества, а позднее назвали предательницей и девицей легкого поведения. Еще через полгода те же самые журналисты прославляли наш приезд описывая платья и прически, восхищаясь красотой и очарованием супруги генерала Корадиса. Газетчики могут подать любую сплетню под острым соусом. Так что не спешите заочно обвинять вашу супругу и друга. К тому же... в Вестландии до сих пор не знают, что вы живы.

– Разве вы не подавали списки пленных для обмена? – удивился Жак.

Уж это правило он запомнил хорошо.

– Подавали, – кивнул генерал, – однако никто не хотел давления на семьи тех, кому не повезло. Поэтому официальный релиз звучит так: «будет проведен обмен тремя десятками рядовых и полудюжиной офицеров».

Жак задумался и грустно усмехнулся – вот сюрприз будет для дядюшки! Да и жену ему не в чем упрекнуть – она же считает себя вдовой. Легко ли было девушке из провинции стать графиней? Послав коня вперед, граф дю Боттэ пообещал себе не делать поспешных выводов. Генерал прав – газеты лгут.

Глава 26

Стоять в зале полном радостных или недовольных людей было непросто. Каждое вручение ордена, патентного свитка или другой награды сопровождалось радостью близких родственников награжденного и бурчанием его недругов. Были так же обойденные, недовольные и просто ворчащие старые перечницы, как поведала Амелии на ушко виконтесса.

Дамы вместе радовались награждению лорда Флайверстоуна, и вместе потихоньку двигались к выходу из зала, когда поток наград и почестей прервался.

– Амели, вам нужно переодеться, – леди Флайверстоун решительно потянула девушку к распорядителю, чтобы уточнить, где находятся покои выделенные... леди дю Боттэ. Распорядитель – серьезный мужчина с некрасивым лицом просмотрел список, нашел какую-то запись в самом конце и движением пальца подозвал к себе пажа:

– Проводишь этих леди в бирюзовые покои серебряного крыла, – строгим тоном сказал он и вновь обратился к Амелии: – Миледи, Ее Величество просила вас через полчаса встать в танец с генералом Корадисом. Первая дюжина будет собираться у синих дверей. Паж вас проводит.

Амелия вежливо кивнула, но отойдя на несколько шагов бросила вопросительный взгляд на виконтессу. Та показала взглядом на пажа, семенящего впереди и немного сжала графине руку, обещая рассказать все позже.

Серебряное крыло оказалось тем самым гостевым. Мальчик в яркой курточке довел дам до двери и сказал, что будет ждать тут же. Амелия дернулась было пригласить проводника подождать в покоях – в коридоре не было ни банкетов, ни стульев, но виконтесса решительно втянула ее в комнату, громко говоря:

– Надеюсь, моя дорогая, ваша мисс Кьюри уже приготовила платье!

Милая комната оказалась обычной гостевой спальней с одним окном. Слева расположилась кровать под балдахином, справа –

туалетный столик, рядом большой старинный сундук с резной башенкой – на такую удобно накинуть мундир или платье, чтобы почистить или расправить складки. Еще в комнате стоял симпатичный диванчик с парой кресел, чайный столик, ширма с тумбой для умывания, и маленький письменный стол. В принципе все необходимое, чтобы переночевать в промежутках между развлечениями, к тому же, как и все во дворце, каждый предмет мебели был уникальным.

Мисс Кьюри действительно уже приготовила платье для танцев, и теперь раскладывала на туалетном столике шпильки и щетки, чтобы поправить прическу.

– Мне нужно идти, – торопливо сказала виконтесса, – поэтому скажу кратко: королеве не отказывают. Генерал Корадис, тот самый гангут, который подписывал мирный договор от имени правителя своей страны. Полагаю, он прибыл без супруги, у нее вышла некрасивая история с наследным принцем. Для вас честь станцевать с ним, а для нашей королевы это возможность показать себя гостеприимной хозяйкой, не создавая угрозы браку генерала. И еще, после танца можно попросить генерала проводить вас ко мне, если только... его не попросят проводить вас куда-то еще. Например, к мужу или к трону.

Амелия напряглась, но леди Флайверстоун похлопала ее по руке:

– Я понимаю, что вам немного страшно. Это чудо, что ваш муж оказался жив, но теперь вам предстоит новая битва – с теми, кто пожелает растоптать его, как неудачника, угодившего в плен. Графство дю Боттэ тяжелая гиря на весах правосудия. Дядюшка вцепится в него когтями и зубами, да и леди Кларисса подольет масла в огонь. Просто будьте собой, моя дорогая и не позволяйте подкольным змеям портить вам настроение. Просто радуйтесь возвращению супруга.

Девушка судорожно вздохнула, а виконтесса скомандовала камеристке:

– Мисс, немедленно подайте леди дю Боттэ мятный чай с ромашкой и валерианой. А потом помогите переменить платье! Паж ждет за дверью!

Чай, как выяснилось был уже готов. То ли служанка решила запасть успокоительным, то ли королева распорядилась, а может этот напиток традиционно подавали в гостевых покоях, чтобы леди не

падали в обморок при виде героев войны. Все это было не важно. Первую чашку успокоительного Амелия проглотила залпом, пока мисс Кьюри распускала завязки и вынимала булавки. Потом девушке сунули в руку вторую чашку и усадили перед зеркалом. Освежающая вода с мятным листом и соком лимона для кожи лица, легкая рисовая пудра для лба, носа и декольте, быстрый гребень в волосах, и через двадцать минут и еще две чашки чая камеристка затянула последнюю бархатную ленту:

– Все готово, миледи! – обратилась она к Амелии, застывшей перед зеркалом, – прикажете приготовить синее платье?

– Обязательно, – слегка заторможенно ответила девушка, и внезапно сказала: – мой муж жив.

– Миледи? – вскинулась служанка.

– Граф дю Боттэ, мой супруг жив. Он здесь, во дворце. Его привезли вместе с другими пленными для обмена.

Когда это прозвучало в маленькой комнате, отделанной бирюзовым шелком, на Амелию обрушилось осознание – это правда. Ее жизнь снова изменится. Мучительно и возможно страшно. Признает ли Эммет-Жаккард дю Боттэ свою вдову? Сумеют ли они вообще найти что-то общее? Впрочем, тянуть время бесполезно – королевский бал вот-вот продолжится, и ей нельзя ронять честь семьи! Вскинув подбородок, девушка вышла из комнаты и натолкнулась на скучающий взор пажа:

– Я готова! Прошу вас, отведите меня к синим дверям, Их Величества не должны ждать.

Мальчик поклонился и заспешил по коридору.

* * *

Они опаздывали! Примерно с середины пути Королевский тракт накрыло проливным дождем. Сначала не сильным – заунывная капель не доставляла особенных хлопот, разве что хотелось быстрее добраться до очага, высушить плащи и выпить горячего пряного вина. Однако на третьи сутки коням пришлось менять подковы – потоки воды смыли глину с лесистых холмов, сделав дорогу скользкой и крайне опасной. Шипастые подковы добавили надежности, но замедлили скорость передвижения. Сначала это не казалось важным – все же генерал привык делать поправку на непредвиденные обстоятельства, но путь все длился и длился, а дождь не прекращался.

Когда на десятый день на постоялом дворе выглянувший в окно трактирщик искренне удивился внезапному ливню и брякнул:

– Никак сглазил вас кто? В эту пору у нас никогда дождей не было!

Генерал приказал перебрать все вещи, лежащие на телегах и повозках. Найти хоть что-то чужое, или незнакомое и принести магу-универсалу, сопровождающему отряд. Подклад нашли. Небольшой мешочек с гвоздиками для сбруи, расшитый, словно праздничный кисет. Маг уверенно ткнул в него пальцем, потом велел взять щипцами и бросить в огонь. Погонщик, на телеге которого обнаружили «подарочек» чуть не взвыл:

– Господин маг, а гвозди то хоть можно оставить?

– Все сжечь! – погрозил сухим пальцем старик, – и смотри, если куда эти гвозди забивал, иди вытаскивай и тоже в огонь! А то до столицы так мокнуть и будем!

Опечаленный гангут отправился выдирать гвозди, а граф дю Боттэ нахмурился и спросил у генерала:

– Кто-то настолько не желает мирного договора?

– Скорее, кто-то желает поставить нас в невыгодное положение. Мы и так согласились приехать в столицу Кордании, хотя по правилам такой договор подписывается на границе. Мы просто узнали, что некоторые наши соотечественники могут не пережить долгой дороги.

Жак вскинул изумленные глаза. Гангуты, или горгульи, как они сами себя называли, показались ему весьма крепкими существами, даже в человеческом обличье. Да и он сам, получив их странную магию, разве не просидел год в сыром подвале, не заметив этого?

– У наших воинов есть слабое место, – печально сказал генерал. – Если горгулье обрезать крылья, жизненные силы быстро тают.

– Но вы...мы... вы же прячете их!

– Прячем, когда в сознании, когда здоровы и сильны. Если же бойца изранили, а потом пленили и сразу отрезали крылья...

Жак невольно сглотнул:

– Как они еще держатся?

– Полагаю, исключительно на желании увидеть близких. Поэтому я подозреваю, что эту магическую гадость подкинули ваши соотечественники. Если мы опоздаем, и кто-то из моих людей умрет... Политические последствия будут несомненно!

У графа мороз пробежал по коже. Он уже давно понял, что генерал Корадис не бросает слов на ветер. И как можно ответить на уменьшение количества пленных? Правильно. Выдохнув, Жак вдруг сказал:

– Но почему обязательно ехать в столицу верхом? Реке дождь не помеха! Вам важно появиться в столице вовремя, а коней и прочую мишуру можно приобрести на месте!

Генерал бросил на пленника цепкий взгляд и развернул на столе карту. К счастью, они находились всего в дне пути от Эльхи – крупной реки, которая впадала в столичную Лабу. Проглотив ужин, генерал приказал обозу двигаться по королевскому тракту, а пленники и малый отряд его личной охраны со всей возможной скоростью отправились к реке. Нанять катер удалось довольно быстро, и через три дня слегка потрепанные дорогой путешественники очутились в столице.

Дальше их взял под свое крылышко посол Гангутии. За несколько часов всем членам отряда генерала Корадиса были предоставлены купальни, горячий завтрак, услуги парикмахеров, и свежие мундиры, которые спешно подогнали по размеру. А потом все. Время вышло! Настал час появления во дворце!

Прежде Эммету-Жаккарду дю Боттэ случалось бывать не только в парадных залах дворца. Его матушка в девичестве служила фрейлиной нынешней королевы, и сохранила с ней теплые отношения. Так что юный наследник графа знал и о темных коридорах, и о комнатках-клетушках, в которых порой ютились сиятельные гости.

Однако гангутов принимали очень и очень торжественно. Чопорный мажордом лично проводил их в небольшой внутренний дворик, откуда делегация должна была войти в тронный зал. Записал имена, слегка приподняв брови, услышав «граф дю Боттэ».

Жак пожалел, что пришлось раскрыть свое инкогнито. Подозрительно, опасно... Он и сам понимал, что без проверки их не оставят и когда внезапно загудело в ушах, а где-то высоко стукнула рама окна понял – действительно проверяют. То ли на королевском артефакте, то ли на родовом. Впрочем, родовой не успели бы привезти, значит на королевском.

Этот артефакт выглядел, как обычный булыжник винного цвета, на который каждый мужчина-аристократ в десять лет капал капельку крови. Девушкам везло больше, их представляют ко Двору лет в

шестнадцать и тогда же брали кровь, подтверждая принадлежность к аристократической семье. В спорных случаях на артефакт капали кровь младенца, и одного из родителей, чтобы подтвердить принадлежность к роду бастардов или подкидышей. Но такие испытания проходили в глубокой тайне, за закрытыми дверями.

Если же кровь человека уже была отдана артефакту хоть раз, можно было точно узнать – аристократ ли перед вами и проследить количество поколений, накормивших артефакт своей кровью. Именно этим и занимался, судя по всему, королевский маг – прикладывал силу артефакта ко всем стоящим во двореике пленным. Жак повел плечами и отвернулся. Пусть лучше сверлят взглядом затылок! Впрочем, ждать пришлось не долго. Тот же самый мажордом явился в сопровождении лекаря и с извинениями взял кровь у всех пленных офицеров.

– Вас проверяют, – дернул уголком губ генерал, – расслабьтесь, дю Боттэ, это обычная практика. Говорят, где-то на севере маги научились безупречно подделывать внешность человека, вплоть до шрамов и родинок. Не могут изменить только кровь.

Эммет-Жаккард постарался улыбнуться:

– Я понимаю, не девица.

– Не забудьте о том, что эта церемония крайне важна для установления мира, – строго сказал генерал, и граф порадовался, что отросшие в плену усы и борода скрывают выражение его лица.

Как он мог забыть! Поддавшись эмоциям, он может выдать себя! Свои крылья! В голове тотчас щелкнуло – ему же выдали обычный мундир! Без клапанов! И... занятия всегда проводились в стороне от других пленников. Жили они вместе, но вот летать Жак тренировался только с генералом.

– Благодарю за напоминание! Я не подведу свою страну! – четко щелкнул каблуками граф, давая понять, что все осознал.

Тут дверь в тронный зал открылась и «господ офицеров» пригласили войти.

Когда они вошли, печатая шаг, словно на параде, от волнения Жак не видел и не слышал никого и ничего. Толпа слилась в пестрый хоровод и только голос короля доносился, словно через толстый слой ваты. Когда происходил обмен пленными граф вынырнул из той пучины, в которую успел нырнуть и услышал, как его окликнули. Он

вскинулся, нашел взглядом Флая и тут же был крепко схвачен за руку генералом Корадисом:

– Сначала обмен! – прошипел гангут так тихо, что его услышал лишь Жак.

Дойдя до прежде родных и близких алых мундиров, дю Боттэ замер, чувствуя себя неловко. Черное сукно чужого мундира делало его слишком заметным среди красным. Рядом неловко переминались с ноги на ногу другие пленники. Среди гангутов так же чужеродно смотрелись алые мундиры без знаков различия. Хотя горгульи стояли ровнее, чем люди. А ведь генерал говорил, что кто-то из пленников при смерти? Странно! Внезапно Жак дернул плечом, словно получил указкой от наставника по магии, и в голове прозвучал насмешливый старческий голос:

– Не нужно спешить юноша. В первую очередь присмотритесь к тому неуловимому ореолу, который окружает каждого человека!

Это Эммет-Жаккард и сделал. И крепко сжал зубы. За спинами пленных гангутов, переданных генералу клубилась темнота. Крыльев не было! А еще их невидимые простому глазу ореолы блистали всеми цветами радуги, и это означало только одно – пленники накачаны стимуляторами! Возможно, они упадут, едва покинут тронный зал.

Граф на секунду прикрыл глаза, мысленно планируя все, что он сделает. Встанет в строй вместе с другими солдатами и офицерами, двинет плечом ближайшего адъютанта генерала и одними губами скажет «тирская трава», Корадис поймет.

Эту траву использовали все армии мира. Обычное, ничем не примечательное растение если его высушить, измельчить и заварить давало обычному человеку силы действовать, не замечая слабости. Маги вообще могли не спать сутками, и колдовать, вычерпывая вместо резерва свою жизненную силу. А потом наступала расплата. И судя по радужным бликам вокруг тел гангутов, расплата за бодрость почти умирающих тел начнется в самое ближайшее время!

Жаку удалось! Сделав вид, что зацепился сапогом за ковровую дорожку, он склонился, поправляя обувь и успел передать информацию. Лицо генерала не дрогнуло, зато поступило громкое предложение «немедленно отметить подписание договора в мужской компании». Граф выдохнул. Да, как это ни странно генерал нашел выход. Одним из самых эффективных способов восстановления

организма после употребления тирской травы было вино. Большое количество слабого алкоголя вымывало из крови траву, заменяя все жестоким похмельем. Но с этой бедой офицеры справляться умели.

Самый опытный стратег Гангутии в доли секунды понял, что делегацию легко задержать на балу. Можно предложить офицерам потанцевать, занять разговором или прямо намекнуть, что уходить из гостей раньше срока неприлично. И время будет потеряно. Спасенные гангуты скончаются в муках через несколько часов. Тогда генерал ударил на опережение! Он предложил бывшим врагам выпить, тем самым спасая своих людей, не нарушив ни одного правила!

Их проводили в небольшую гостиную, примыкающую к тронному залу, предоставили вино и закуски, а заодно лакеев, готовых запоминать каждое сказанное слово. Но генералу было плевать на все – он крепкой рукой разлил по бокалам вино и объявил первый тост:

– За договор!

За это надо было выпить. Второй тост:

– За Их Величеств! – без указания страны и имени, тоже имел успех.

Третий тост:

– За павших! – вызвал слезы даже у соглядатаев.

А вот четвертый: «За любовь», – заставил графа дю Боттэ снизить темп.

Была ли в зале его жена? Возле Флая стояли женщины, но кто, разглядеть в толпе было трудно. Друг высок, и позволил себе вольность окликнув по имени. Где искать графиню дю Боттэ, если она не получила приглашения на королевский бал? Под эти мысли Жак пропустил очередной тост. Впрочем, ему не было нужды пить молодое вино до полной отключки. Ему хотелось вернуться в зал и отыскать Флая и случай вскоре представился. К офицерам заглянул мажордом и сообщил:

– Генерал Корадис, Ее Величество приглашает вас и графа дю Боттэ открыть бал в первой дюжине!

Глава 27

Королевский бал мероприятие строго регламентированное. Открывает танцы король в паре с самой важной приглашенной дамой. Королеве достается посол или как в этом случае – генерал противника. Первый танец задает тон всему мероприятию, и потому в нем не учитываются личные предпочтения и неприязни. Первая дюжина – это **ОФИЦИАЛЬНОЕ МНЕНИЕ!** И никак иначе!

Пары к подножию трона собирались пажами, а выстраивал их лучший танцмейстер Двора. Генерал Корадис после указаний шустрого, тонконового человечка по-военному промаршировал через весь зал, склонил голову перед королевой и встал с ней в пару сразу за королем и приглашенной на летний бал иртианской принцессой. Следом в «первую дюжину» вставали послы, высшие сановники и их супруги, а последней парой повинувшись жесту церемониймейстера встали... граф и графиня дю Боттэ!

Эммет-Жаккард не сразу поверил своим ушам – его пригласили в первую дюжину? Что это – милость или опала? Иногда после первого танца король объявлял, что танцор «сбился с такта» и отправляется на отдых, или на лечение в свое поместье. А то и на «целебные воды» в такую глушь, из которой не возвращаются.

Пряча тревогу, граф дю Боттэ не сводил глаз с тонкой фигурки в дорогом лиловом бархате, и кажется его сердце билось где-то в горле. Он как никто другой понимал намеки. Их поставили в пару, представляя всему свету, как супругов. Неужели король вернет ему титул? Или сошлет вместе с женой? Дядюшка плохо вел дела графства? Или? Жак не выдержал, бросил взгляд на короля, о чем-то беседующего в танце с высокой седовласой принцессой. Наследника на балу не было, но мог ли он пропустить такую красавицу, как вдовствующая графиня дю Боттэ?

Жак пристально взгляделся в лицо супруги. Она танцевала с ним глядя исключительно на свои руки, но тут, словно ощутила его взгляд, вскинула ресницы, и он утонул в омутах ее глаз! Он всегда считал романтику чушью! Все эти рубиновые губы, сапфировые глаза... Пффф! А теперь он смотрел, смотрел и не видел ничего вокруг. Благо

руки и ноги помнили все фигуры, затверженные с детских лет, а первая дюжина танцует в центре зала и места пока хватает.

В этих невероятных глазах он видел каждое движение души! Недоверие и радость, опасение и все же... восторг? Его жена рада видеть его живым, но опасается? Почему? Жак вспомнил обстоятельства их брака, кинул взгляд на черный рукав мундира и понял.

– Вам не стоит волноваться, миледи, – шепнул он, когда фигуры танца заставили их подойти друг к другу. – Я никогда не причиню вам вреда или боли. Этот мундир лишь оболочка.

– Я рада, что вы живы! – кажется на глаза Амели набежали слезы? – Меня не пугает одежда, я просто не ожидала увидеть вас снова!

– Дядя вас обижал? – нахмурился граф, заметив, как осторожно девушка протягивает ему руку.

– Пытался, но виконт не позволил ему... – девушка посмотрела в толпу, пытаясь отыскать рыжую голову Флая, не нашла и снова обратила внимание на Жака. – Ваш друг оберегал меня и выступил свидетелем в Королевском суде.

Граф слегка сжал зубы. Флайверстоун все сделал верно, он сам просил его об этом, и если бы он, Эммет-Жаккард не вернулся, то был бы даже рад счастьем друга и жены, но... Ревность черной змеей подняла голову и несколько тактов Жак усиленно загонял ее внутрь. Он здесь. Теперь Флаю придется отступить. Нельзя пугать супругу, особенно сейчас, когда за ними наблюдает весь зал!

– Я счастлив видеть вас, здоровой и невредимой, – Жак вдруг понял, что говорит чистую правду. – И очень хочу поговорить после танца.

Амелия кивнула, и перешла в руки генерала. Граф дю Боттэ изящно раскланялся с Ее Величеством – танец предполагал обмен партнерами, но не удержался и скопил глаза на Амелию и Корадиса.

– Ваша супруга на удивление интересная женщина, – сказала вдруг королева. – Ее появление в столице всколыхнуло определенные круги...

– Полагаю, весь о моем браке огорчила дядюшку, – дернул углом рта Эммет-Жаккард, пытаясь угадать, к чему ведет королева.

– Это так, – Ее Величество красиво присела, сохраняя царственную осанку, но разговор не прервала. – Знаете, граф, ваш дядюшка чем-то насолил Его Величеству, поэтому перед вашей супругой были открыты все двери. Она могла бы блистать, или эпатировать общество. Даже затмить тех пустоголовых дурочек, которые каждый сезон бьются за звание «самой очаровательной хозяйки салона или гостиной». Однако она выбрала свой путь. И, кажется, я не встречала более тактичной и деликатной особы. Буду рада видеть вас и леди дю Боттэ на музыкальном вечере в следующую пятницу.

– Благодарю за приглашение, Ваше Величество, – Жак умудрился в танце коснуться губами воздуха над пальцами королевы и с великим облегчением передал монархиню какому-то послу.

Теперь он танцевал с иртианской принцессой статная седовласая блондинка поздравила его с возвращением, и тоже отметила, что его жена невероятно мила и грациозна.

– Вы успели познакомиться с Амели? – Жак попытался узнать, часто ли его супруга бывает при дворе.

– Ах, нет, мы не представлены, – улыбнулась в ответ принцесса, – но вы так очаровательно смотрелись вместе! А ваш король сказал, что рад вашему возвращению. Кажется, нынешний граф дю Боттэ его не устраивает!

– Благодарю за откровенность, Ваше Высочество!

Музыкальная тема началась сначала и перед Жаком появилась новая дама – супруга посла Кантонии. Эта жизнерадостная дама была весьма кругла и улыбчива, а еще весьма опытна в придворных делах. Она сразу шепнула Жаку:

– Ваша звезда поднимается, милорд, – и тут же развернулась, следуя фигуре танца.

В общем до встречи в танце со своей женой, граф дю Боттэ выслушал еще восемь вариантов «вам благоволит король» и «мы рады, что вы живы». Судя по слегка испуганному виду супруги, ее тоже не обошли советами. Сжав похолодевшие пальцы Амелии своей рукой, Жак серьезно сказал:

– Забудьте всю ерунду, которую вам говорили сейчас. Важны только мы с вами.

Она слегка прикусила губу, и молча кивнула головой, не то соглашаясь, не то показывая, что услышала его слова. Жаль, что у него нет возможности прямо сейчас увести ее отсюда!

Танец завершился. Генерал Корадис церемонно проводил королеву к трону, Его Величество отвел принцессу к маленькому креслу, стоящему рядом с тронном, послы так же чинно развели по местам своих дам. Граф же собирался просто выйти из зала вместе с женой, но его неожиданно позвал к себе король. Пришлось повернуться к трону и замереть в поклоне. Амелия застыла в реверансе – прекрасная, хрупкая статуэтка с бешено бьющимся пульсом.

– Граф и графиня дю Боттэ, рад приветствовать вас на сегодняшнем празднике! В связи с некоторыми обстоятельствами... – тут король сделал паузу, и по рядам гостей пробежал шепоток, – на рассвете, как велит обычай, вы подтвердите свои клятвы в Королевской часовне!

Жак склонился еще ниже:

– Благодарю за милость, Ваше Величество!

Амелия явно ничего не поняла, но вновь присела в реверансе.

– Позаботьтесь о подходящем туалете для графини, граф, мы желаем присутствовать!

Жаку оставалось лишь снова поклониться.

Как только они отошли от трона на десяток шагов, к ним устремилась толпа – друзья, недруги, знакомые и незнакомцы. Амелия так вцепилась в его руку, что Эммет-Жаккард с трудом сдержал болезненный взглас. На их общее счастье, Ее Величество объявила очередной танец, и пользуясь заминкой, графу удалось без потерь вывести супругу в коридор.

– Амелия, – растеряно сказал он, стараясь не смотреть на такую же смущенную жену, – вы не знаете даму, у которой можете одолжить любое не траурное платье?

– Не знаю, – качнула головой девушка, – но у меня в комнате есть нарядное платье. От мадам Ланвен!

– Великолепно! – Жак перевел дух, и потянул девушку за собой. – Тогда бегом в вашу комнату, и по дороге я вам объясню, какая милость на нас свалилась!

Спорить смысла не было, так что Амели просто последовала за высоким красивым мужчиной с необычными темными глазами, пытаясь привыкнуть к мысли, что это ее муж! Даже танец и многочисленные поздравления от партнеров «первой дюжины» не помогли ей привыкнуть к этой мысли. Вот этот сногшибательный красавец? Теперь на его лице не было шрамов, волосы были аккуратно собраны в низкий хвост, а черный мундир подчеркивал благородную бледность кожи и темный огонь глаз. Да ни один мужчина в зале не производил на Амелию такого впечатления! Она просто не могла отвести взора от собственного мужа! И это с большим удовольствием отметили все – от немолодого посла до короля! Вот уж стыд какой!

Пока Амелия терзалась, Жак отыскал дежурного мажордома и потребовал сопровождение до комнат графини дю Боттэ. Оценив их странные наряды, придворный кивнул пажу в потрепанной курточке, и тот нехотя повел пару в гостевое крыло. Пока все они шли по коридору, Жак негромко объяснял Амелии сложившуюся ситуацию:

– Король признал наш брак, и назвал меня графом, значит официально вернул мне титул. К сожалению, у моего дядюшки хватает сторонников, и они могут подать протест, чтобы не потерять его место в Совете Лордов. Поэтому Его Величество оказывает нам великую милость, и если все получится, пресечет все слухи одним ударом.

– Слухи? – Амелия немного запыхалась от пробежки по коридорам, но слушала внимательно.

– Мало кто верит, что мы действительно заключили брак на границе, – пожал плечами Эммет. – К счастью, в самый длинный день года, на рассвете можно подтвердить брак, заключенный по старинным обычаям. Это не новая свадьба, а лишь подтверждение клятв при свидетелях. Но свидетелями выступают не люди, а высшие силы. Насколько я знаю, такие браки сейчас настолько редки, что в часовню пускают даже крестьян пожелавших подтвердить брак.

– А если высшие силы не откликнутся? – резонно уточнила девушка.

– Значит я стану просто капитаном дю Боттэ, если меня не разжалуют из армии, а вы миледи будете миссис дю Боттэ, скромной офицерской женой.

– Это не страшно, – отмахнулась Амелия, выдыхая перед дверью.

Жак только хмыкнул. Пожалуй, ему повезло с женой! Не каждая смогла бы вот так легко отмахнуться от титула, положения в обществе и щедрого содержания!

На звук открывающейся двери из-за ширмы выскочила камеристка и тут же присела в книксене.

– Мисс Кьюри, – Амелия подбежала к сундуку, – мне срочно нужно переодеться! В синее платье! На рассвете нас ждут в Королевской часовне!

К чести служанки, кудахтать и расспрашивать она не стала, быстро увлекла Амелию за ширму и взялась за шнурки лилового платья. Пока дамы шуршали шелками, Жаку принесли мундир. На этот раз красный и полный капитанский, даже с наградами! Похоже генерал все же уведомил кое-кого об именах и титулах пленных.

А еще им принесли легкий ужин, две бутоньерки и венок из золотистых оранжерейных цветов. Граф покрутил в пальцах изящные вещицы и вспомнил скромный букетик первоцветов, который его невеста тискала в руках, когда они произносили клятвы под древними сводами. Тогда все казалось ненастоящим, а теперь... Он тряхнул головой, отгоняя дурные мысли и взглянув на окно стряхнул с мундира невидимую пылинку. Пора!

Амелия вышла из-за ширмы волнуясь, как самая настоящая невеста! Легкий румянец окрашивал ее щеки, глаза казались огромными на бледном от волнения лице. Ярко-синее платье оттеняло ее глаза, золотистые волосы и нежную кожу. В отличие от бальных платьев, сильно обнажающих шею, руки, плечи, и часть спины этот туалет был скорее вечерним – умеренное декольте, легкие рукава, пышные юбки. Амелия выглядела нежным цветком, готовым взлететь от дуновения ветра! Жак шагнул вперед, и склонился, целуя жене руку:

– Миледи, вы прекрасны! Поспешим! До рассвета всего несколько минут!

Глава 28

Знакомый паж в потрепанной курточке вывел их в сад. Часовня из грубого серого камня, оплетенная вьющимися розами, в утренней дымке казалась заколдованной башней из сказки. Потертые каменные плиты, обрамленные короткой травой, вели к высокому арочному проему, щедро украшенному резьбой.

У входа их уже ждал верховный жрец в парадном облачении. Почтенный клирик тихонько зевал в кулак, но выглядел торжественно и благожелательно.

– Входите, дети, – кивнул он на часовню.

Амелия робко посмотрела на потемневший от времени камень, не решаясь сделать шаг, и Жак решительно потянул ее за собой:

– Идемте, миледи, до рассвета осталось совсем немного времени!

Его голос рождал в сердце девушки уверенность. Амелия уже заметила, что супруг умеет передать и приказ, и нежность одними лишь интонациями. Вот сейчас он явно подбадривал ее, и его хотелось слушать!

Внутри древнего строения все было скудно и просто: небольшая шестиугольная комната, в центре древний, оплывший камень, не укрытый ничем. На алтаре стояли кубок с водой, плошка полная горящих углей, растение в горшочке с землей, рядом лежал пучок лент с колокольчиками – символ ветра. Свет давали крохотные магический светлячки, парящие у стен. Узкое оконце-цветок под самой крышей не имело стекол и пока что за ним клубилась предрассветная серая хмарь.

Граф и графиня дю Боттэ встали перед алтарем держась за руки, и погрузились в свои мысли. Им было о чем подумать. Амелия пыталась принять мир, в очередной раз перевернувшийся на ее глазах. Дочь священника, нечаянная невеста, вдова, и вдруг – снова супруга! И пусть сама она, по собственному мнению, ничуть не изменилась, но даже то, с каким почтением кланялись ей слуги, встречавшиеся в коридорах дворца, говорило о многом. Новый статус, новые обязанности, дети и...да, графу же нужен наследник! Кажется у Амелии запунцовели уши, и она опустила взгляд на их соединенные

руки. Муж нежно поглаживал ее пальцы, хотя смотрел на алтарь и думал о чем-то своем. От этого становилось как-то спокойнее.

Жак же старательно подавлял эмоции. Отравление пленных окатило его холодной водой – дядя не успокоится, и будет искать пути для возвращения титула. А что может быть проще, чем обвинить племянника в предательстве? Доказать всем, что храбрый офицер превратился в жестокого гангута? Прежде он мог себе позволить не обращать внимания на политическую возню родственника, ведь одинокий мужчина сам себе хозяин. Но теперь у него была жена – хрупкое создание, нуждающееся в его защите!

За спинами смельчаков, пришедших подтвердить клятвы понемногу собирались любопытные. Как-то незаметно появились король с королевой и генерал Корадис. Амелия и Жак ничего не замечали. Их охватило некое безвременье. Внутренняя тишина, похожая на полет во сне.

Когда первый луч утреннего солнца упал на алтарь, жрец тихонько занял свое место и мягким тоном сказал:

– Пусть небо, огонь, вода и земля станут свидетелями клятв, что вы произнесли когда-то!

Жак будто очнулся и протянул сомкнутые руки к лентам. Колокольчики звякнули. Растение закачалось, словно над ним пронесся ветер. Полыхнул огонь. Плеснула в кубке вода. Солнечный свет, узким лучиком прочертивший линию от оконца до алтаря вдруг стал широким потоком, накрывающим стоящую у алтаря пару. Пляшущие в воздухе пылинки золотым потоком обрушились на Жака и Амелию, в один миг осыпав их с головы до ног!

– Благословение стихий! – выдохнул кто-то в толпе.

– Брак подтвержден! – торжественно провозгласил жрец, и сияние медленно погасло.

После церемонии, гости неохотно начали покидать часовню, а к новобрачным подошел король:

– Я рад, граф, что вы вернулись, – сказал он, – ваш преемник... не оправдал наших ожиданий. Надеюсь, в самое ближайшее время увидеть вас на Совете Лордов.

Эммет вежливо раскланялся, Амелия присела в реверансе. Едва монарх отошел, к капитану приблизился генерал Корадис:

– Дю Боттэ, я и мои люди у вас в долгу.

Намек на спасение пленных был более чем прозрачен, но Жак возразил:

– Это не так, генерал, – мотнул он головой, – я сделал то, что сделал бы любой офицер в подобной ситуации.

– Что ж, вы можете считать и так, – не стал спорить гангут, – и помните, что ваша физическая форма сейчас зависит от вашего душевного состояния. Не поддавайтесь на провокации!

Дю Боттэ прислушался к себе и чуть не выругался вслух! Он совсем забыл про крылья! А вот генерал не забыл и вероятно еще в бальном зале кинул на него какое-то сдерживающее заклинание! Остатки этой магии развеялись, под действием высших сил, и теперь он мог невольно выдать себя разозлившись, или испугавшись.

– Благодарю за совет, генерал! Я приму его к сведению! – ответил Жак, сохраняя невозмутимый вид.

Где-то в саду еще гремела музыка, слышался смех и пьяные крики – бал, по традиции продолжался до полудня, но гости имеющие покой во дворце уже понемногу расходились по комнатам, чтобы урвать пару часов сна и встретить финальный котильон бодростью, улыбками и свежими нарядами.

Однако молодоженов это не касалось. Как только свидетели разошлись, Жак и Амелия медленно вернулись в ее покои. Ехать ранним утром в особняк дю Боттэ было бессмысленно – в городе тоже были гуляния, и слуги наверняка ушли из дома на праздник, оставив магическую охрану, да парочку стариков, не желающих оттаптывать ноги. Так что выделенная Амелии комната была их единственным убежищем по крайней мере до обеда.

Граф и графиня шли рядом сначала по аллеям парка, потом по лестницам и коридорам. Паж в потрепанной курточке маячил впереди, указывая путь, а после исчез у знакомой двери. Амелия вздрогнула и осенила себя знаком Светлых, а Жак криво улыбнулся:

– Не думал, дорогая супруга, что нам повезет встретить Хранителя королевского замка. Говорят этот паж встречает тех, кто важен для династии.

– Это магия? – дрожащим голосом уточнила девушка.

– И очень древняя, – сказал граф, и распахнул массивную дверь.

Спящая в кресле камеристка вскочила, прикрыла рукой зевок и спросила:

– Прикажете готовиться ко сну, миледи?

Девушка искоса взглянула на графа, и тот понял ее неловкость, ведь комната, хоть и достаточно просторная была одна.

– Вы можете поставить ширму, – сказал Жак, чувствуя, как бесконечный день наваливается на плечи. – И не беспокойтесь, мне вполне хватит кресла. Больше мне сегодня некуда идти и нет сил затевать разбирательство с дядей.

– Благодарю, – тихо ответила Амелия, и сама помогла мисс Кьюри отделить пространство перед кроватью простой деревянной рамой с натянутым шелком.

Раздевание прошло для нее, как во сне – быстро выдернули шпильки, сняли украшения, упало на пол платье. Горячее полотенце, припасенное служанкой в камине, вернуло телу бодрость на несколько минут, достаточных, чтобы натянуть свежую сорочку и заплести слабую косу. А дальше все – провал. Амели уже не слышала, как мисс Кьюри отодвинула ширму, убрала одежду, и сама не снимая платья уснула на узкой кушетке в углу.

Все трое просто спали почти до обеда. Потом Жак неловко потянулся, застонал, от этого звука проснулась камеристка, а следом и Амелия. Первой в себя пришла служанка – она вскочила, натянула чепчик и с поклоном шепнула:

– Милорд, миледи, постараюсь раздобыть завтрак! – а после выскользнула из комнаты, оставляя их наедине.

Амелия приподнялась, кутаясь в одеяло, и увидела графа в расстегнутом алом мундире, помятого и взъерошенного. Он сидел в кресле, зевал, потягивался и выглядел на удивление юно и незащитно. Странное впечатление от офицера, в мундире при орденах! Граф не спешил вставать, позволяя своей молоденькой жене рассматривать его, как некую диковинную вещицу. Она смущалась, но все же кидала на супруга взгляды из-под ресниц. И слава Светлым это были не кокетливые заигрывания и не страх. Простое девичье любопытство – искренне и слегка наивное.

– Доброе утро, миледи! – Жак решил, что настала пора поговорить.

– Доброе утро, милорд! – слегка испуганно ответила Амелия.

– После завтрака мы сможем покинуть дворец, но... я хотел бы навестить генерала Корадиса. Поскольку мой статус пока не

подтвержден официально, я прошу вас сопровождать меня.

Девушка не понимала причины этой просьбы, но сдержано кивнула:

– Буду рада, милорд.

Получив ответ, Жак сообразил, почему его супруга не покидает кровати – она его стеснялась! А ему стоило вызвать лакея, отыскать рубашку и сбрить отросшие в пути усы и бородку. Так что, поднявшись с довольно жесткого кресла граф одним движением отгородил кровать и туалетный столик ширмой и предупредил:

– Прошу вас пощадить мою скромность, миледи, я отвык от общества прекрасных дам.

Капитан понимал, что ему стоило уйти прямо сейчас и не смущать Амелию, но выход в коридоры дворца в одиночестве был опасен. Вчера он устал, переволновался, и чуть не выдал себя. Сегодня он чувствовал нечто иное – ему хотелось подняться в небо. И это желание басовито гудело внутри, перебиваясь только шорохом ткани и плеском воды за хрупкой преградой из резного дерева и вощеного ситца.

На счастье им обоим вернулась мисс Кьюри, да не одна. Опытная камеристка привела с собой немолодого уже лакея, а тот принес и бритвенный прибор, и кувшин с горячей водой и даже чистую рубашку! Впрочем, Жак знал, что все эти мелочи в королевском дворце предоставлялись не всякому, так что появление слуги было либо королевской милостью, либо попыткой выяснить настроение графа дю Боттэ.

А лакей явно служил личным камердинером кого-то из высокопоставленных вельмож. Он ловко помог Жаку умыться и обтереть тело горячим полотенцем, и сбрить щетину. Потом подал свежее белье, подходящего размера, и вычистил мундир мягкой щеткой, да еще обработал подкладку тальком, и начистил пуговицы!

Пока мужчины занимались утренним туалетом, за ширмой тоже плескалась вода, стучали щетки, падали шпильки, шуршал дорогой ирнейский шелк роскошного синего платья. Увы, больше Амелии надеть было нечего, но опытная камеристка запаслась и чистой сорочкой, и свежей шнуровкой для корсета и несколькими парами чулок и туфелек, так что к завтраку Амелия вышла в прежнем своем великолепии.

Стол накрыли на маленьком бюро. Мисс Кьюри призналась, что на кухне завтрак готовят лишь для королевской семьи, остальным придворным хватает заранее приготовленных напитков от похмелья, бульона да уцелевших закусок.

– Но вам, милорд, миледи, я свежее принесла, что нашла уж.

– Спасибо, мисс Кьюри, – ответила Амелия, – все выглядит очень аппетитно.

Служанка действительно принесла немало – горячий чай, подсушенные, но разогретые в печи булочки, джем, сыр и несколько кусков холодного мясного пирога. Воду согрели тут же, в камине, пирог поставили в теплую золу, и съели с большим удовольствием.

После завтрака слуги остались паковать платья графини, а также искать кучера с экипажем, готового увезти молодую пару в особняк. Жак же спешил навестить генерала. Он уже узнал от лакея, что «высоких иноземных гостей» разместили в самых дальних парадных покоях гостевого крыла. Капитан спешил. Он подозревал, что гангут остался во дворце, чтобы лично контролировать восстановление пленных, а к вечеру, как только станет понятно, что яд вышел, он утянет соотечественников в посольство и поспешит вернуть их на родину. А Жаку хотелось сказать генералу несколько слов и... задать пару вопросов. В конце концов у него теперь была жена и хорошо бы узнать хоть немного о горгульях, перед подтверждением брака...

Глава 29

В коридорах королевского дворца все еще было пусто. Слуги мелькали неслышными тенями, стараясь не беспокоить тех, кто перебрал в честь праздника. Где-то вдалеке еще звучала музыка, но так тихо и рвано, словно музыканты боролись со сном.

Амелия спокойно шла рядом с мужем, удивляясь и радуясь тому, как легко он находит путь в сплетении проходных комнат, галерей и странных покоев, полных то охотничьих трофеев, то необычной мебели. Ей казалось, она плывет во сне и шорох дорогой юбки, стук каблучков, ароматы незнакомых благовоний – все это лишь усиливало ее странное состояние. Виной всему был он – ее супруг!

Еще дома Амели порой представляла их встречу после войны. Лелеяла память о нем, качаясь от усталости на узком сидении дилижанса. Вспоминала его лицо, когда хотелось заплакать от обид, которые причиняли его родственники. Даже советовалась порой, мысленно задавая вопросы о мелких насущных делах, думая, что разговаривает с памятью ушедшего навсегда человека. А теперь оказалось, что он здесь, рядом. Он высокий и теплый, в его глазах мелькают шальные желтые искры, а скупая улыбка заставляет сердце бешено биться.

Амелия исподволь рассматривала лорда дю Боттэ, и ловила себя на том, что ей хочется коснуться длинных волос, стянутых в хвост простой бархатной лентой, оценить ширину плеч под алым мундиром, и тут же наваливался тяжелый стыд – разве может приличная девушка мечтать о таком? Брачные узы нужны для продолжения рода, для совместного преодоления трудностей этого мира, может быть еще чуть-чуть для уюта и тепла. Все предсказуемо, надежно и скучно. А ей хотелось... Смеяться! Она так давно не смеялась. Бегать босиком по траве, как там, в родительском саду, и не чувствовать осуждения окружающих. Здесь в столице мисс, бегающая по траве в парке, вызвала бы, пожалуй, санитаров из ближайшего скорбного дома!

Амели знала, что ей невероятно повезло получить титул, дом, модные платья и деликатесы на тарелке, но ей хотелось обрести в этом мире что-то свое. Что-то большее, чем шляпка или платье. Более

весомое, чем кружевные буквы на дорогой голубоватой бумаге. Ей хотелось ярких эмоций, бурных чувств, наполняющей душу близости – чтобы сердце и душа кипели, как молоко в кастрюльке, шипели и брызгали ароматными апельсиново-медовыми каплями напитка, который матушка готовила на каждый день рождения!

Лорд Эммет-Жаккард дю Боттэ тонко пах молоком и апельсином. Смешно. Разве мужчины пахнут молоком? Амелия не успела додумать эту мысль – граф остановился перед дверью, слегка нахмурился и предупредил:

– Миледи, генерал наверняка сейчас отмечает заключение договора, поэтому...

– Не тревожьтесь, милорд, – безмятежно ответила Амели, – я не испугаюсь храбрых офицеров, даже если они спят на полу. Мне случалось видеть мужчин, перебравших вишневой настойки.

– Я бы оставил вас в комнатах, – вздохнул, Жак, – но слишком переживаю, когда вы далеко, и не готов потерять вас снова.

Граф не стал уточнять, что это была не просто человеческая тревога, а что-то большее. Чувство принадлежности буквально выворачивало его наизнанку, когда он осмелился выйти в коридор один. Ему просто отчаянно требовалось увидеть генерала и узнать – является ли для гангутов нормой такое отношение к супруге?

В ответ на его тревоги Амелия улыбнулась и слегка сжала его руку. Граф погладил ее пальцы и решительно постучал, а потом приоткрыл тяжелую дверь. В просторной гостиной их ждал только генерал Корадис:

– Граф, графиня, рад вас видеть! – он встал и слегка склонил голову, приветствуя даму.

– Нам тоже очень приятно, Ваше Сиятельство, – отозвался Жак. – Я полагал, ваши соратники еще здесь...

– Я отправил их в посольство, как только в кувшинах закончилось вино, – понимающим тоном сказал гангут, – а сам задержался, чтобы ответить на ваши вопросы, – тут мужчина бросил короткий взгляд на Амелию, – полагаю, они у вас возникли.

– Да, – дю Боттэ не знал, как заговорить об этом, но его поняли.

– Миледи, можно вас попросить налить нам чаю? – сказал Корадис, указав Амелии на чайный столик у окна.

– С удовольствием, генерал, – ответила девушка и отошла к уютному эркеру.

Гангут тотчас щелкнул пальцами:

– Можем говорить свободно, граф, леди дю Боттэ нас не услышит.

– Скажите, это нормально... – Жак замешкался, не зная, как правильно сформулировать свою тягу к девушке-жене, но бросил на Амелю выразительный горящий взгляд.

– Притяжение пары? Интересно, не думал, что вам передались наши инстинкты. Дело в том, что наш сумеречный облик обостряет примитивные желания тела. Он требует не просто найти, но и охранять свою пару от других самцов, пока она не понесет дитя. Потом вам захочется следить за ее питанием и безопасностью. Поэтому первый год после обретения самый сложный для мужчины. Потом эмоции удается взять под контроль, да и рождение детей смягчает воина.

– Пару?

– Вы люди часто вступаете в брак по расчету, у нас это практически невозможно, – покачал головой генерал. – Женщина должна подходить сумеречному облику воина и чем сильнее его магия, тем меньше должно быть между ними сходство.

– Меньше сходство? – Жак повторял, как попугай, не отводя от Амелии взгляда.

– Граф, – усмехнулся Корадис, – вы же знаете, как специалисты отбирают признаки породы? Чтобы родились крепкие щенки, нужны противоположные доминанты. Наша магия не позволяет нам ослабить себя. Поэтому чем сильнее воин, тем более хрупкой и деликатной выглядит его жена. Слабые горгульи могут вступать в брак с почти равными, а вот мы и вы, – гангут развел руками.

– Значит моя жена – моя пара? – уточнил граф.

– Верно. Вам сказочно повезло.

– Вы предупреждали меня, сдерживать эмоции, что, если... я изменюсь в супружеской постели?

– Даже если это случится, вы не сможете нанести вред паре. Вот другую женщину можете поранить легко, особенно если она будет угрожать паре или вам.

– Но я не хочу меняться в такое время! – волнуясь Жак с трудом сохранял самообладание, держась от генерала на расстоянии, чтобы их разговор со стороны выглядел болтовней старых знакомых.

– Просто позаботьтесь о том, чтобы кровать была без балдахина, а комната просторной, – порекомендовал Корадис. – А то бывали в нашей истории случаи, когда увлеченным новобрачным следующий месяц приходилось проводить в лубках.

Жак с ужасом взглянул на тонкие запястья жены, на ее длинную шею целомудренно прикрытую тонкой тканью шемизетки и стиснул кулаки:

– Нет никакого способа этого избежать?

– Просто будьте осторожны, – пожал плечами генерал, – не роняйте свою даму с высоких мест, контролируйте когти и зубы. Если ваша сумеречная часть примет супругу окончательно, все станет проще... Я же верно понял, вы еще не подтвердили брак?

– Еще нет, – скупое ответил граф.

– Не волнуйтесь, никакой разницы с обычными брачными отношениями нет. Просто соблюдайте те меры предосторожности, о которых я вам сказал, – Корадис тоже оценил деликатное сложение Амелии.

А дю Боттэ перехватил его взгляд и с трудом сдержал лезущие во рту клыки – оказывается чужой мужской интерес вызывает у него прилив бешенства и желание оторвать наглещу голову!

– Спокойно, граф! – генерал вскинул руки, – я не претендую на вашу супругу, у меня есть своя!

– Милорды, – нежный голос графини сбил напряжение между мужчинами, – прошу к столу!

– Простите меня, графиня, – Корадис поклонился, не подходя ближе, – меня призывают дела. Если хотите, выпейте чаю здесь, – с этими словами генерал ушел.

Амелия проводила его удивленным взглядом и тем едва не вызвала у графа остановку сердца.

– Очень жаль, – девушка склонила голову и закусила губу.

В груди дю Боттэ поднялась волна бешенства, а его жена продолжила:

– Я так надеялась, что чаепитие с гангутом поможет мне позабыть кошмары.

– Кошмары? – Жак тотчас успокоился и ласково взял Амелию за руку, – я буду рядом, чтобы никто не посмел огорчить вас!

Она подняла к нему свое милое лицо, посмотрела в глаза, и он почти утонул в той смеси эмоций, которая отражалась в ее очах. Они, вероятно, долго бы так стояли, но в гостиную вошел лакей, и молодоженам пришлось уйти.

Глава 30

Особняк дю Боттэ встретил графа и графиню суматохой. Из сбивчивых слов кухарки, Амелия поняла, что дядюшка и кузина ее супруга вернулись значительно раньше внезапно воскресшего графа и тут же приказали собирать все ценное!

– Камердинер Его Светлости пошептал, что король их не принял! Охрана даже близко не подпустила!

Амелия мерно кивала, пригубливая мятный чай. Ей было неуютно. Ее флигель, ее маленькое убежище вибрировало и дрожало от громких криков, которые раздавались у главного входа. Жак сам отправился поговорить с дядей, мягко подтолкнув жену и ее камеристку ко «вдовьему дому».

– Подождите меня там, миледи, – сказал он, – распорядитесь на счет ужина. Думаю, к этому времени я решу основные вопросы.

– Мне положен глашатай королевского суда, – успела сказать девушка, – пошлите за ним!

– Благодарю за совет, Амели, – дернул бровью супруг и печатая шаг двинулся к высокой лестнице родного дома.

Амелия и мисс Кьюри мышками проскользнули в свою обитель и уже тут, переменяя парадное платье на очень милое домашнее – из серого шелка и бежевого кружева, молодая графиня дю Боттэ слушала подробности того скандала, который разворачивался в главном доме.

Эммет-Жаккард действительно появился в гостиной супруги к ужину. Поцеловал ей руку, поблагодарил за идею пригласить глашатая, и коротко рассказал о том, как все прошло с лордом де Вернелем:

– Дядюшка собрался под шумок вывезти фамильные драгоценности, графские регалии, и остаток дохода за минувший год. Вот на это я и напирал, когда появился глашатай. Вам же, согласно договору, полагается процент от всех средств, полученных графом, а лорд Арман хотел скрыть казну. Глашатай остановил его именем короля, а потом я напомнил слугам, кто в доме хозяин. Они сомневались, но тут явился курьер из дворца, с приглашением на музыкальный вечер к Ее Величеству, а следом еще один на аудиенцию к Его Величеству. Это сразу переломило ситуацию.

Тут Эммет-Жаккард вздохнул и жалобно посмотрел на Амелию:

– Миледи, надеюсь вы приготовили плотный ужин? Своего личного повара дядя все же забрал с собой!

– Так лорд Арман уехал? Вместе с леди Клариссой? – осторожно спросила Амелия, не веря своему счастью.

– Да, они отправились в де Вернель. Это небольшой замок в лесистой местности. Я позволил им взять карету без герба, слуг и часть гардероба, остальное пообещал прислать позже. Покормите меня, миледи и я отвечу на все ваши вопросы!

– Конечно, милорд, прошу вас! Ужин давно готов!

Амелия проводила мужа в свою маленькую столовую, к накрытому столу, и распорядилась подавать закуски. Граф действительно проголодался, поэтому поначалу в комнате раздавался лишь стук приборов, да вежливые просьбы передать соль и острый соус.

Когда лакей подал бренди и чай, Амелия ожидала, что граф выпьет хотя бы один бокал спиртного, но он отодвинул графин в сторону, взял чашку чая и устоялся в огонь. Девушка не стала ему мешать. Она давно наелась, поэтому пила чай, любовалась профилем супруга на фоне пламени. Мысли в ее голове витали невеселые. Прежде ей казалось, что любую беду, проблему, можно пережить. Уехать. Найти работу. Подать в суд. Получить статус и следовать его правилам. Да, рядом были дети, но брат и сестра зависели от нее, подчинялись ее решениям, а муж... Внезапно появившийся в ее жизни супруг как-то сразу дал понять, что исчезать не собирается. А его влияние на жизнь Амелии теперь не просто огромно – безгранично.

Легкий вздох девушки нарушил воцарившуюся в комнате тишину. Граф отвлекся от своих дум, поставил чашку и сказал:

– Полагаю, миледи, настало время поговорить.

Амелия молча кивнула и тоже убрала все из рук, показывая, что готова слушать.

– Наш брак был, наверное, шуткой высших сил, но именно память о вас помогла мне выжить в плену. Я не посмею принуждать вас, но буду счастлив, если вы согласитесь узнать меня получше, а после снизойдете до брачных отношений.

Девушка закусил губу и прошептала:

– Я понимаю, милорд, вам нужен наследник...

– Что? – кажется графа потрясла эта мысль, но он быстро справился с собой и очень серьезно сказал: – родственные связи дю Боттэ так широки, что претендент на титул найдется всегда. Я хотел бы не просто наследника, я хотел бы семью. Любящую внимательную жену, уютный дом и радость встреч. И я понимаю, что получить все и сразу – невозможно. Но я готов над этим работать. Знакомиться с вами, делить пищу и кров. Проблема в другом. Брак, подтвержденный Светлыми, станет самой популярной новостью сезона.

Амелия понятиво кивнула. Она уже была первой сплетней гостиных, ей не понравилось, но матушка лорда Флайверстоуна дала ей несколько ценных советов. Она следовала им, и сумела сохранить преимущества.

– Так мы должны будем всюду показывать радость совместной жизни? – девушка слегка улыбнулась и посмотрела супругу в глаза.

– Мы будем давать приемы, балы, – кивнул Жак, радуясь, что Амелия явно понимает, о чем идет речь, – выезжать вместе и часто бывать на публике.

– Значит вы теперь уволитесь из армии, и будете заниматься своими поместьями?

Эммет – Жаккард вскинул брови:

– Боитесь, что вам придется покинуть столицу?

– Что? Нет! – Амелия бросила на мужа возмущенный взгляд. Ей, конечно, нравился город, но светские обязанности были не такой легкой ношей, как могло показаться. – Просто ваш дядя, он совсем не занимался делами. Счета, письма, деловые предложения, все накапливалось. Его секретарь иногда жаловался, пока лорд Арман не слышал.

– Секретарь дяди обсуждал с вами дела? – кажется Жак удивился еще больше.

– Видите ли, – постаралась объяснить Амелия, – по брачному договору мне полагался не только процент от дохода графства, но и содержание равное содержанию вашей кухни. Суд присудил герольду следить за этим, а всеми делами ведал секретарь вашего дяди. Мы встречались раз в месяц, он предоставлял счета от модисток и ювелиров, потом выдавал мне такую же сумму или оплачивал мой счет из того же магазина. Это не всегда было удобно или мирно, но так

вышло, что мы много общались, и мистер Кауфман делился своими переживаниями. Иногда даже спрашивал совета.

– Совета?

Амелия пожала плечами:

– В одном из замков Вашей Светлости скопилось много изношенных простыней хорошего качества и с монограммами. В замке нет экономки, только управляющий, и он спрашивал, что делать с этим бельем.

– Вот как, – дю Боттэ стало интересно. – И что вы посоветовали?

– Простыни обычно истончаются в середине, края же с вышивкой и монограммами остаются целыми. Я посоветовалашить из простыней наволочек, а изношенную часть пустить на тряпки для горничных. Старые же наволочки, потерявшие вид, превратить в чехлы для диванных подушек или в мешочки-саше для шкафов.

Эммет-Жаккард рассмеялся:

– Право, такое мне никогда бы не пришло в голову! Вот почему отец говорил, что в доме нужна хозяйка!

– Рада, что удалось повеселить вас, милорд, – улыбнулась в ответ Амелия, – думаю, я смогу быть полезной вашим домам и замкам в таких вопросах. Меня хорошо учили.

– Я вижу, что это действительно так, – перестал веселиться граф. Он мягко склонился вперед, подхватил руку жены и коснулся ее пальцев легким поцелуем. – Благодарю за вашу лояльность, Амелия. Пока Его Величество не принял решения на счет моей отставки, мы вынуждены будем оставаться в столице. Завтра переберемся в главный дом. Отдаю в ваши руки всех слуг, оформление гостиной и меню. Если что-то нужно будет от меня – обращайтесь без церемоний.

Амелия вновь вежливо склонила голову:

– Благодарю вас, милорд!

– Зовите меня Жак, – отозвался он, – будет странно супругам соблюдать церемонии наедине. А слуги... видят и слышат слишком много.

– Понимаю, – Амелия не удержалась от легкого вздоха, – тогда и вы зовите меня по имени.

– С удовольствием!

Они помолчали, но граф быстро разрушил неловкость:

– Благодарю вас за гостеприимство, Амелия! Сегодня я заночую в главном доме один, но очень надеюсь, что уже завтра вы займете соседнюю спальню. Не стоит давать пищи сплетникам.

– Доброй ночи, ваше сиятельство! – девушка встала, чтобы проводить супруга.

Граф не спешил – вновь поцеловал жене руку, взглянул в глаза и только тогда ушел за лакеем, несущим фонарь. Амелия смотрела ему в след и понимала – жизнь снова изменится, хочет она этого или нет.

Глава 31

Вечером Амели так накрутила себя, что провела бессонную ночь, а утром проспала почти до полудня. Когда камеристка все же решилась побеспокоить госпожу без звонка, девушка нехотя поднялась на подушках, чувствуя раздражение и попросила:

– Мисс Кьюри, подайте мне стакан холодного молока и крекеры, боюсь без завтрака я не смогу встать с постели.

Служанка сразу принесла легкий перекус, и горячую воду для умывания. А когда молодая графиня встала и облачилась в серое домашнее платье сказала:

– Милорд граф прислал для вас приглашение на завтрак, но вы спали. Теперь вас зовут осмотреть комнаты для переезда, чтобы решить, что вы хотите там исправить.

Амелия на секунду прикрыла глаза, выдохнула и ответила:

– Поддай самую светлую шаль, и чепчик из серых лент.

Да, ей, как замужней даме дома полагалось носить чепец. Это было непривычно, к тому же практически все ее новые одежды были черными! Разве можно появиться перед супругом в траурных одеждах, пошитых по случаю его кончины? К счастью, камеристка все поняла верно и отыскала в гардеробе хозяйки светло-серую шаль с едва заметной черной вышивкой, и чепец из серых шелковых лент. Потом прихватила пачку бумаги и карандаш, чтобы записывать распоряжения, и вслед за леди двинулась к главному дому.

А там... Изгнание дядюшки прошло не так легко, как рассказывал лорд Эммет. Опрокинутые вазоны, взбитые газоны, осколки стекла на гравийной дорожке у крыльца! Амелия покачала головой и спросила:

– Мисс Кьюри, кто в доме отвечает за уборку сада и дорожек?

– Главный садовник и его помощник, миледи!

– Пошлите за ними!

Старательно держа спину прямо, Амелия вспоминала матушку, ежедневно обходящую дом и все службы. Придется скопировать ее выражение лица, жесты, поведение. Леди дю Боттэ, законная хозяйка дома, каждый слуга должен знать, от кого здесь зависит его благополучие!

Двери ей никто не открыл. Намекают? Амелия встала в центре холла и закричала:

– Милорд!

На голос появились любопытные, что-то где-то упало и на галерее второго этажа появился слегка встрепанный граф:

– Миледи? – в голосе Эммета-Жаккарда звучал вопрос.

– Прошу вас, громко и четко повторить то, что вы сказали мне вчера на счет управления домом и хозяйством! – потребовала Амелия, пылая праведным гневом.

Граф понял. Он выпрямился, поправил домашнюю куртку и громко сказал:

– Леди Амелия, вы полноправная хозяйка этого дома. Ваше слово в нем равно моему! Деньги на ведение дома, ключи, счета, все будет у вас! В вашей власти принимать и увольнять кого угодно, а также переделывать комнаты, открывать кладовые и вести этот дом как вам заблагорассудится!

– Благодарю за доверие, милорд! – ответила девушка, приседая в реверансе. – А теперь, я желаю увидеть дворецкого, экономку и всех слуг! Здесь и сейчас! – для пущего эффекта Амелия притопнула ногой и взглянула на часы.

Жак смотрел на свою молодую жену сверху и мысленно ей аплодировал. Умница! Сразу показывает кто в доме хозяин и отсеивает тех, кто хранит верность его дядюшке. Слуги явно подслушивали, потому что вскоре ручеек людей в униформе потек из всех дверей.

Выстроились они по старшинству. Дворецкий, экономка, повара не было, поэтому рядом с худощавой чопорной дамой встали рослые лакеи, потом помощники повара, горничные, поварята и мальчишки-посыльные. Всего пятнадцать человек.

Эммет внимательно рассматривал людей и пытался подсчитать, сколько же в особняке слуг, если дядюшка и кузина забрали своих личных камеристку и камердинера, повара, кучера, и пару лакеев? А ведь тут стоят не все! Нет истопника, садовника, привратника... Ой-ей, справится ли Амелия с таким количеством подчиненных?

Но молодая графиня несколько не ступевалась. Оказывается, она уже была знакома с дворецким и экономкой, и даже парочкой лакеев. Из ее коротких вежливых фраз стало понятно, что кое-с кем отношения не сложились. Жак продолжал наблюдать. Амелия

поговорила со всеми слугами, рассчитала нескольких, в том числе экономку, а вот дворецкого оставила и даже попросила его нанять слуг на замену.

– Миледи, – изумился тот, – почему вы меня оставили? Я же доставил вам немало хлопот!

– Вы защищали имущество и доброе имя своего господина, – пояснила Амелия, – и делали это открыто. А миссис Блум присылала во вдовый дом тухлое мясо, рваное белье и горничных-нерях. А потом собирала сплетни за моей спиной. Поэтому она уволена, а вас я попрошу так же верно хранить покой этого дома и отыскать еще нескольких лакеев и горничных. Экономкой вполне может стать мисс Кьюри, но мне понадобится умелая камеристка. Молчаливая, опрятная, не склонная к сплетням.

Отдав распоряжения, Амелия отправилась осматривать комнаты. Жак не удержался и присоединился к ней. В его комнатах все было в порядке – дядюшка сохранил интерьер покоев хозяина в неприкосновенности, разве что дополнил его вычурными деталями, вроде скульптуры бенгальского тигра, сплетенного из золотой проволоки, или головного убора заморского вождя из ярко окрашенных волокон не то травы, не то дерева. Все эти безделушки Эммет-Жаккард уже приказал убрать в кладовую, и в ближайшее время продать.

Открыв дверь в соседнюю спальню граф едва удержался от крепкого словца. Кларисса не посмела расположиться в спальне, смежной с комнатами родителя, но вынесла из красиво украшенной опочивальни все, что пролезало в двери! В результате в помещении осталась огромная старинная кровать с балдахином и волосяным матрасом на ней. Старинный резной шкаф от пола до потолка, прежде полный маленьких «дамских» секретов, баночек и бутылочек. Да такой же старинный резной сундук в изножии кровати. Даже портьеры были сняты, а на их месте висели унылые занавески, прежде висевшие в каких-то забытых слугами покоях.

– Где все? – сквозь зубы спросил Жак дворецкого, разглядывая царапины на паркете. Судя по ним, кровать тоже пытались сдвинуть.

– В комнатах леди Клариссы, – пряча глаза ответил тот.

– Вызвать мастера, восстановить паркет! – распорядился граф, – все, что тут было, вернуть на место! Амелия, – вежливо обратился он к

своей жене, – прошу меня простить. В моих комнатах сохранился интерьер, созданный предками, и я полагал, что тут тоже все сохранилось. Впрочем... – Жак задумался и предложил: – сходите в комнаты Клариссы. Если вам не понравится мебель, портьеры и покрывала, вы можете обставить эти комнаты так, как пожелаете.

Девушка задумалась и ответила:

– Я понимаю, милорд, что вы хотели бы придать этим комнатам тот вид, который они имели при ваших родителях. И если бы мебель осталась на своих местах, я бы уважила ваше желание. Но после того, как леди Кларисса воспользовалась вашим отсутствием, она наверняка приглашала подруг. И хвасталась.

– Я понял! – помрачнел еще сильнее граф, – Вы абсолютно правы, миледи! Если поползут слухи, что молодая графиня дю Боттэ пользуется обносками Клариссы, нашу репутацию не смогут поднять с мостовой. Тогда прошу вас сделать все по своему вкусу и ни в чем себя не ограничивать!

– Милорд, – Амелия подошла ближе, – вы уверены, что мы можем себе это позволить?

– Несомненно! – убедительно ответил Жак. Он успел проверить маленький тайничок, в котором копил золото перед отъездом в армию. Тогда он мечтал сделать подарок своей невесте. Вот и сделает – молодой жене!

– Благодарю! Тогда я немедленно приглашу мастеров и закажу каталоги. Вы позволите мне взглянуть на ваши комнаты, чтобы наши покои были гармоничны?

– Конечно, прошу! – граф предложил жене руку и сам провел ее по мужской половине.

У него было четыре комнаты – спальня с купальней и гардеробной, личный кабинет с удобным письменным столом и полками для бумаг и книг. Охотничья гостиная, украшенная ружьями, эстампами и книгами об охоте, и курительная комната с коллекцией трубок и чубуков. Жак не курил, но это мужское убежище служило гостиной тем близким гостям, которые порой собирались у него.

Графине тоже полагалось четыре комнаты, но немного иные. Спальня так же с купальней и гардеробной. Будуар, в котором не осталось ничего, и даже обивка стен была содрана, а элегантный ореховый столик разбит в щепки.

Жак с сожалением коснулся обломков кончиком сапога:

– Это был любимый матушкин стол. Зачем его нужно было ломать?

Дворецкий, который сопровождал супругов слегка откашлялся и доложил:

– Леди Кларисса считала, что леди Ванесса хранила в столике что-то секретное, поэтому приказала его сломать.

– И как, нашли что-то интересное?

– Ваш детский портрет, милорд, два десятка золотых и бумагу с вензелем покойной графини.

Эммет передернул плечами и повел Амелию дальше. Следующей комнатой была рукодельная. Это помещение уцелело. Должно быть Клариссу не интересовали альбомы с рисунками для вышивки, настоящая прялка в углу, и пальцы разных размеров на красивых подставках.

– Матушка любила рукоделие, – сказал граф, ласково погладив большую вышитую подушку на широком кресле. – Прежде здесь была музыкальная комната, бабушка великолепно играла, пела, а до этого, кажется, был рисовальный класс. Эту комнату каждая графиня обустроивает под себя.

– А куда девается предыдущая? – поинтересовалась Амелия, разглядывая виньетки на крышке альбома с образцами.

– На первый этаж, – пожал плечами Эммет. – Когда-то там была длинная анфилада абсолютно одинаковых пустых комнат, а теперь есть музыкальная гостиная, студия живописи, токарный класс и что-то про камнерезное искусство.

– Значит у графов тоже есть своя комната увлечений?

– Не у всех, – улыбнулся наконец Жак, – дед коллекционировал трубки и табак, поэтому рядом с моей гостиной есть курительная комната, хотя я не курю. А отец очень любил лошадей. На первом этаже уже есть гостиная, украшенная портретами победителей скачек, барельефами и скульптурами конских голов, так что он не стал менять интерьер.

– А там что? – прерывая смущающий ее разговор Амелия устремилась к следующей двери, и обнаружила там уютную чайную гостиную. Вернее, эта комната когда-то была чайной гостиной, на это

намекали следы мебели на ковре, и небольшой буфет для посуды у стены.

– Не думал, что Кларисса даже гостиную заберет, дернул щекой Эммет.

– Нужно все же навестить ее комнаты, – задумчиво сказала Амелия, – если она как сорока тащила к себе все лучшее, что было в доме...

– Джинкс, в каких комнатах жила леди Кларисса?

– В покоях невесты, милорд! – ответил дворецкий.

Амелия отметила панику в глазах супруга и поспешила за ним, шепотом уточняя у дворецкого, что же это за покои.

– Это комнаты невесты, миледи. Иногда будущие супруги графов дю Боттэ останавливались в особняке и для них всегда готовили особые комнаты. Они отражали любовь графа к своей избраннице.

Девушка ничего не поняла, кроме того, что в особняке были комнаты, которые использовались один раз в поколение, и именно эти помещения чем-то пленили разборчивую и капризную кузину ее мужа.

Оказалось, «покои невесты» расположены ровно напротив комнат графа и графини. Жак распахнул дверь в спальню и поперхнулся вопросами. Амелия заглянула ему через плечо и закусила костяшку пальца, чтобы не высказать несколько слов не уместных для графини. Спальня была золотой! Мебель лоснилась от блестящего лака, стены сияли парчой, роскошная кровать, прикрытая золотым балдахинном на золотых столбиках, соперничала мерцанием с золотыми статуэтками, держащими лампы.

– Знаете, милорд, – задумчиво сказала Амелия, рассмотрев комнату получше, – эти покои вызывают у меня весьма сильные религиозные чувства.

– В смысле «Светлые, за что»? – грустно хмыкнул Жак.

– Именно! И если вы не будете возражать, я бы поручила мисс Кьюри побыстрее продать всю эту красоту на ближайшем аукционе.

– Я не буду возражать, миледи, – заверил ее граф, – только куда делась мебель из спальни графини и та, что стояла здесь?

– Все дальше, милорд, – с самым чопорным видом подсказал дворецкий.

Супруги переглянулись, вздохнули и двинулись дальше.

Глава 32

До самого ужина граф и графиня дю Боттэ осматривали дом, осознавая, как много придется сделать в кратчайшие сроки. Нет, поначалу они собирались заняться собственными комнатами, и неспешно привести в порядок все остальное, но буквально через пару часов после обеда в особняк зачастили курьеры! Приглашения, письма, визитки... Амелия уже пережившая одну волну светского интереса схватилась за голову! Жак тоже смотрел на конверты невесело.

– Придется сначала переделать гостиные! – хором сказали они, присев за стол в маленькой семейной столовой для завтраков.

– Несколько дней на обустройство нам дадут, – задумчиво сказал граф, отрезая изрядный ломоть жаркого, – но потом целый месяц придется встречать гостей ежедневно. А еще приглашения во дворец!

– Платья! – вздохнула в ответ Амелия, – мне неловко это говорить, милорд, но мой гардероб весь траурный! Нужен хотя бы десяток светлых платьев!

– Не светлых, – качнул головой Жак, – ярких! От нас ждут приема, и ко Двору стоит выбрать платье фамильных цветов.

В ответ молодая графиня сделала очередную пометку в стопке бумаг, и принялась за еду.

Только когда за окнами вновь стемнело, Амелия и Эммет поняли, что ей негде спать! В спальне графини была кровать, без подушек, одеял и белья, да еще срочно вызванный мастер начал реставрировать паркет, засыпав комнату мелкой древесной пылью с запахом лака. В общем спать в главных покоях было невозможно, в комнатах Клариссы – неприлично, а гостевые спальни никто не протопил, и в них гуляли сквозняки не смотря на теплый летний день.

– Может быть мне стоит вернуться в мой флигель? – осторожно спросила Амелия, когда проблема встала перед ней в полный рост.

– Это неприемлемо, – резко возразил Жак, – уже завтра по городу разнесется слух о нашей ссоре, и тогда король может потребовать не просто подтверждения брака в часовне стихий, а например паломничества в Лисс!

Амелия содрогнулась. Она слышала про это паломничество. Небольшой городок, расположенный почти у границы, был счастливым обладателем Ночной часовни. Абсолютно черной, мрачной, укутанной изнутри черной тканью. К ней шли раскаявшиеся грешники, блудные супруги, и невольные убийцы. Паломничество в Лисс некоторые судьи принимали как отбывание срока в тюрьме, потому что путь к этой часовне был труден и опасен. А еще туда полагалось идти босиком, в рубище, без денег, с одним лишь кнутом, постоянно истязая себя.

– Я поняла.

Девушка глубоко вздохнула, не зная, что еще предложить, а граф ворчливым тоном заявил:

– Не надо меня бояться! Я не ем юных леди на завтрак, и мы вполне можем спать в одной постели. Моя кровать такая большая, что мы с вами там даже не встретимся!

– Благодарю вас, милорд! – почти прошептала Амелия, присела в вежливом книксене и отправилась искать мисс Кьюри, чтобы поскорее устроиться на ночлег.

Камеристка, повышенная до звания экономки не подвела – помогла молодой графине искупаться, надеть красивую ночную сорочку и плотный стеганный халат лилового цвета. Потом девушка осторожно выглянула в спальню, рывком добралась до кровати, поколебавшись сбросила халат на кресло и нырнула под одеяло, закутавшись до самого носа. И уже в постели пожалела о том, что не надела на голову ночной чепец, положенный приличным женам. Ее мать никогда не пренебрегала головным убором, впрочем, в их доме зимой было так холодно, что все дети спали в ночных колпаках, а летом тонкий лен отлично спасал от насекомых, залетающих в приоткрытые окна!

Граф появился через пару минут, должно быть камеристка уведомила его о том, что леди готова ко сну. Он прошел в купальню, а вышел оттуда уже в халате. Амелия наблюдала за ним из-под ресниц, и невольно залюбовалась. Халат похоже шили до того, как ее супруг отбыл в армию, и теперь тяжелый темный сатин, простеганный затейливым узором, обтягивал его широкие плечи как вторая кожа. Щелчком пальца Эммет-Жаккард погасил светильники, приблизился к постели и лег. Амелия замерла, как испуганный зверек, стараясь

дышать ровно. Муж лежал спокойно некоторое время, а потом... заговорил. Негромким проникновенным голосом рассказал, как прикрывал свой отряд, как сражался, пока не потерял сознание, как очнулся в подвале старого арсенала, обнаженный, укутанный в собственные крылья.

– Крылья? – Амелия подскочила, села, уставилась в темноту.

– Вам страшно? – осторожно спросил ее Жак. Он ждал чего угодно – истерики, страха, обвинений в обмане. Не каждая женщина согласится терпеть рядом чудовище, даже ради титула и содержания.

– Нет, я просто не представляю, как выглядит человек с крыльями, – призналась девушка. – Те гангуты, которые напали на наш дом выглядели как обычные люди, просто высокие и с такими... жесткими лицами.

– Хотите увидеть? – голос графа звучал мягко и искушающе.

Амелия не знала, что он отлично видит в темноте и ловит каждую эмоцию, написанную на ее лице. Девушка колебалась. Было страшновато, и все же любопытно. Она искусала все губы, когда Жак решил:

– Прикройте глаза, миледи, я зажгу свет! – щелчок пальцами, и в спальне загорелись «ночные огоньки» – голубоватые светильни, превращающие темноту комнаты в уютный полумрак. – Посмотрите на меня, не бойтесь! Клянусь, я не причиню вам вреда!

Граф вышел в центр комнаты, и скинул нижнюю рубаху, в которой лег спать, оберегая скромность юной супруги. Оставшись в одних полотняных бриджах, он раскинул руки, и вспомнил то потрясающее ощущение, которое испытал, глядя на жену под сводами часовни. Что-то треснуло, крылья с хлопком раскрылись, заполнив просторную комнату и тогда Жак осторожно взглянул на жену, сидящую на постели. В ее глазах плескался восторг!

– Как это красиво! – прошептала Амелия, не сводя взгляд от крупных черных перьев, окружающих фигуру мужа. Потом она перевела взгляд на лицо и вздрогнула. Да, теперь она верила, что граф получил порцию крови гангутов. Те же резкие линии проступили на его лице, а еще глаза – они потемнели, стали ярче, а уши? Они явно двигались, улавливая звуки большого дома! И хотя лорд дю Боттэ сохранил человеческую внешность, теперь Амелия воспринимала его иначе – как насторожившегося зверя. Опустив глаза на толстое

шелковое одеяло, девушка вспомнила, как ей случилось уговаривать раненого пса протянуть лапу для лечения.

– Вы очень красивы, милорд, – повторила она, подняв глаза на супруга, – но уже очень поздно, я устала, – и Амелия ничуть не рисуясь деликатно зевнула, прикрыв рот ладонью.

Крылья хлопнули, уронив на ковер пару пушинок, и через миг на ковре остался стоять обычный полуодетый мужчина. Он задумчиво посмотрел на супругу и ровным тоном сказал:

– Спасибо, что не высказали страха, Амели, я плохо знаю возможности своего второго облика, но понял, что в таком виде обладаю более тонким восприятием окружающего мира.

– Лучше видите и слышите, милорд? – предположила девушка.

– Острее всего воспринимаются запахи, миледи. От вас не пахло страхом, и я этому очень рад. Доброй ночи!

Лорд дю Боттэ щелчком погасил магические огоньки в светильниках, и забрался в кровать. Амелия уже не смущаясь свернулась в клубок и уснула.

Утром граф ушел первым, оставив жену сладко дремать до прихода камеристки. На самом деле он проснулся еще раньше и около получаса замерев рассматривал свою жену, борясь с искушением. Она была так хороша, так мила и невинна, а его обострившееся восприятие рисовало ее самыми сладостными красками. Но Жак сдержался. Признался сам себе, что слишком давно у него не было женщины. Только собственной неводержанностью можно испортить ту тончайшую ниточку доверия, которая протянулась между ними во время осмотра дома. Дорогу друг к другу мостят двое, и он не посмеет разрушить этот путь внезапной страстью. Всеми свое время. Он подождет.

Уходя граф вспомнил, что за весь длинный путь до столицы гангуты ни разу не пользовались услугами трактирных девиц. Кто-то из кучеров, денщиков или помощников бегал за юбками, но офицерский состав смотрел на служанок и даже горожанок равнодушно. Помнится генерал Корадис тогда упомянул, что имеющие второй облик надеются на встречу со своей половинкой, или уже женаты. И хранят верность своим женщинам.

Дю Боттэ припомнил собственных старших офицеров и промолчал. У людей верность не считалась непременным

обязательством брака. Мужчины, покидая дом пользовались всеми преимуществами холостяцкой жизни. Дамы получали свободу флиртовать, подарив мужу наследника. Полковник, руководивший той частью королевской армии, в которую входил капитан дю Боттэ имел двух жен – одну в столице, вторую на границе. И перед началом военных действий отправил глубоко беременную вторую жену в дом к первой со словами: «леди сами разберутся». Полковник в той мясорубке, кажется, уцелел. А вот вторая жена умерла родами, оставив ловеласу в мундире крошечную дочь. До той судьбоносной схватки офицеры успели поздравить командира с пополнением в семействе. Неофициально.

Пока молодой граф переодевался в собственной гостиной, графиня с ужасом рассматривала огромный поднос полный конвертов, поданный к завтраку.

– Это все? – наконец спросила она мисс Кьюри, разглядев на самых внушительных экземплярах печати с земляничными листьями.

– Это то, что адресовано только вам или «графу и графине», – сочувственно сказала камеристка. – Письма для милорда отнесли в его кабинет!

Амелия только вздохнула. Похоже рукодельную комнату придется превратить в личный кабинет. Или достаточно будет письменного стола в будуаре? В любом случае пора вставать и приступать к решению самых срочных вопросов! Девушка быстро допила чай, раскрошила тост и велела подавать платье.

– Миледи, – камеристка сияла, как начищенный медный таз, – для вас доставили несколько платьев от мадам Ланвен!

– Для меня? Я не успела сделать заказ! – удивилась Амелия. Она собиралась поехать к модистке, но не представляла, как выкроить для этого время.

– Счет прилагается, – мисс Кьюри показала на конверт с серебристой печатью.

– Там есть утреннее платье? Или хотя бы чайное?

– Есть очень красивое утреннее платье! – заверила камеристка, – и чепец к нему!

– Несите! – обрадовалась девушка и осторожно постучав заглянула в купальню мужа. Там уже было пусто, но в кувшине парила

горячая вода, а на столике красовалось свежее цветочное мыло – похоже камердинер милорда нашел общий язык с мисс Кьюри!

Платье оказалось просто сказочным! Плотный набивной шелк на легком подкладе цвета сливок. Пена кружев у горла и по внутреннему краю свободных рукавов. Корсет к домашнему платью не полагался, но цветастая ткань была аккуратно простегана ровно от груди до бедер, создавая иллюзию этого неперемennого атрибута благородной леди. «Чепец» же был лишь элегантно присборенной полосой кружев, которую мисс Кьюри боясь дышать от восторга закрепила на волосах хозяйки. В общем из спальни супруга Амелия вышла красивой и уверенной в себе.

Попавшийся на встречу камердинер доложил, что милорд работает в кабинете. Графиня тотчас приказала доложить о себе супругу, заявив, что дело не терпит отлагательства. Немолодой, но крепкий слуга, нанятый буквально накануне, с достоинством отправился к нужной двери, делая вид, что не замечает нетерпеливого пристукивания туфелькой по полу. Граф приказал немедля пропустить к нему жену и встал из-за стола, чтобы встретить ее лично:

– Доброе утро, миледи! Вам нужна помощь?

– Мне очень нужен письменный стол и чернильный прибор, – вздохнула в ответ Амелия. – Доброе утро милорд, мой почтовый поднос вот-вот сломается под тяжестью приглашений. Я зашла к вам узнать, что мне стоит отвечать на них?

Жак потер лоб. Он успел перекусить и распечатать несколько конвертов. Приглашения были... слишком восторженные. А их количество пугало! Столько он не получал даже тогда, когда впервые начал появляться на столичных балах как наследник графа дю Боттэ. Его приглашали в мужские клубы и на скачки, звали навестить давно забытые родственники, старые знакомые осведомлялись – ждать ли его на охоте осенью?

Такое повышенное внимание света изумляло и пугало Эммета! Он ведь просто капитан-неудачник, угодивший в плен! Он обычный граф, каковых в королевстве несколько десятков. Он даже не завидный жених уже – женат! И не так уж богат! Дядюшка и кузина растратили запасные счета, дохода от поместий в этом году не будет, ведь под руководством родственника дела велись из рук вон плохо! Да и будет

ли следующий год урожайным? Никто не может предсказать, а его угоды заняты в основном полями.

Он искал подвох, но не владел информацией. Будь он холостым мужчиной, велел бы подать экипаж и поехал бы в клуб, узнать новости. Потом нанес бы пару визитов в будуары сплетниц и всем известных содержанок. Возможно, заглянул бы к актрисам – любительницам поболтать, а вечером посетил бы ресторан в компании старых знакомых и друзей, чтобы окончательно влиться в привычный круг.

Но теперь он женат, и часть приглашений прислали на семейные праздники, чаепития и музыкальные вечера! Их желают увидеть вместе! А значит ему неприлично кутить в компании молодых гуляк, открыто навещать актрис и посещать скачки в одиночестве. Теперь его желают всюду видеть с женой, или не видеть вообще... Так дело в этом? Свет интересуется она? Или тут все же что-то другое? Как узнать что?

Небрежно присев на край стола граф дю Боттэ изложил все свои соображения юной жене. Леди Амелия покусала (ах, какую соблазнительную!) губу и решительно сказала:

– Значит нужно узнать, милорд! Раз мы не можем обратиться к вашим старым знакомым, обратимся к лорду Флайверстоуну и его матери! Полагаю они в курсе всех событий и не откажут нам в любезности!

– Флай! Конечно же! Пригласим их на обед! Только повар уехал с дядюшкой...

– Пусть вас это не тревожит, милорд, – успокоила мужа Амелия, – моя кухарка вполне справится с обедом на четверых.

– Отлично! Тогда я напишу другу, а вы напишите виконтессе, отправим приглашения с нарочным, а на остальные приглашения ответим, как только разберемся в ситуации!

– Замечательный план, милорд, но мне по-прежнему негде писать...

Жак обвел взглядом свой собственный кабинет, просторный, светлый, с большим столом. Потом вспомнил, сколько времени и сил матушка тратила на управление домом, и решительно распахнул дверь:

– Полагаю, мебельный магазин на Риволи уже открыт, – сказал он, – и письменный стол доставят быстро!

Амелия склонила голову, и улыбнулась:

– Пусть он будет из розового дерева, и с потайными ящичками для детских портретов и монет!

Глава 33

Граф коротко поклонился, и начал действовать. Слуги, каталоги, горничные отмывшие тусклые стекла и пыльный пол. Все делалось так быстро, что у Амелии закружилась голова, и ей пришлось присесть в одной из гостиных первого этажа. Мисс Кьюри восторженно порхала вокруг, уточняя, принося, восхваляя.

– Миледи, его светлость просит вас выбрать шелк для стен! Миледи, его светлость спрашивает, какие портьеры вы предпочтете – эти или эти? Миледи, милорд граф приглашает вас выпить чаю в голубой гостиной!

Амелии вновь чувствовала себя щепкой, угодившей в поток. Но идти против течения она не стала. Изучила каталоги, выбрала портьеры, сделала вид, что не слышит стука молотков и грохота сапог наверху. Она теперь леди дю Боттэ – легкая и беспечная дама, проводящая время в уютной гостиной за чашкой чая. А то, что именно с ее подачи дворецкий вспомнил про запасы тканей в кладовых, горничные отыскали свежие подушки, одеяла и постельное белье, а лакеи шустро переместили забракованную леди мебель и безделушки на склад модного аукционного дома – это же мелочи. Вот выбор меню для званого обеда – это важно. Рыба или куропатки? А может быть бараний бок? И что подать на десерт в такую жару? Ягодный маседуан?

Благодаря стараниям графа стол действительно доставили быстро – часа через два. К этому моменту будуар леди дю Боттэ был вымыт, стены обиты тканью из запасов дома, паркет укрыт персидским ковром, найденным в кладовой, а окна прикрыты красивыми портьерами, купленными вместе со чайным столом, мягкими стульями, диваном, креслами, зеркалами в резных рамах и наконец столиком-секретером розового дерева.

Пачку конвертов и дорогой бумаги с вензелем графини принес дворецкий, скупно сообщив:

– Сохранились в личных вещах покойной графини.

Амелия сначала удивилась букве «А» сплетенной с «Б», ведь леди дю Боттэ звали Ванесса, но граф провел пальцем по знакомым буквам

и объяснил:

– Ваннесса, это второе имя мамы, его использовали дома, а первым ее именем было Анна.

Амелия улыбнулась, и аккуратно распределила все необходимое для написания писем по ящичкам секретера. Камеристка уже принесла из вдовьего флигеля ее саквояж с каллиграфическими инструментами, чернила, промокашки и костяной ножичек, помогающий подчищать помарки. Приглашения леди и лорду Флайверстоун были давно отправлены, до обеда оставалось полчаса, девушка просто хотела оставить в этой новенькой комнате свой отпечаток.

Полюбовавшись подносом для почты, полной чернильницей и свежей промокашкой в пюпитре, Амелия вдруг вспомнила, что за всей этой суетой забыла переодеться к обеду!

– Мисс Кьюри! – позвала она, и камеристка появилась в дверях спальни.

– Все готово, миледи!

Любопытствуя, девушка заглянула в комнату, в которой еще вчера пахло старым лаком и пылью, и с изумлением увидела чистый, покрытый свежей мастикой пол, застеленную кровать, укрытую новеньким балдахином, красивые портьеры, ковер, туалетный столик и... самое прекрасное дневное платье, которое она только видела в своей жизни! Нет видела она и более дорогие туалеты, и более элегантные, и вычурные, но вот именно это было ее мечтой! Воплощением ее представлений о летнем обеде в светлой столовой столичного особняка. Темно-голубое, с небольшим вырезом прикрытым кружевным воротником, с рукавами чуть ниже локтя – удобными за столом, с пышной мягкой юбкой, которую можно разложить в кресле, чтобы наливать чай... Не платье – сказка от доброй феи!

– Мадам Ланвен неподражаема! – выдохнула Амелия.

С помощью мисс Кьюри она быстро умылась и переделалась. Прическа для домашнего обеда полагалась самая простая, к тому же ее можно было прикрыть кружевной наколкой, что камеристка и сделала. Через двадцать пять минут графиня дю Боттэ спускалась по лестнице на первый этаж, чтобы приветствовать гостей.

Вдовствующая виконтесса радостно обняла девушку, похвалила чудесное платье, порадовалась ее бодрому виду и шепотом сообщила,

что у нее есть новости. Виконт был более сдержан – поцеловал Амелии пальцы, сердито взглянул на ее наколку, и перенес свое внимание на графа. Лорд дю Боттэ был рад старому другу, но сразу понял, отчего Флай так хмур. Амелия. Его жена. Волна непонятных эмоций всколыхнулась в нем, и тут же в голове зазвучал голос генерала:

– Эмоции могут показать ваш второй облик всему миру. Сдерживайтесь дю Боттэ.

Схватив стакан с водой, Жак сделал глоток, потом второй и наконец шум в ушах прекратился, и он расслышал, как вдовствующая виконтесса серьезно рассказывает его жене последние новости:

– Его Высочество не был на балу, но наблюдал за церемониями с галереи. Говорят, что вы, Амелия привлекли слишком пристальное внимание наследника, – голос леди был скорее сочувствующим.

Эммет-Жаккард и Флай одновременно сжали челюсти.

– Король попытался донести до принца всю сакральность клятв, данных перед лицом Светлых в часовне стихий, – продолжала свой рассказ виконтесса, забыв про остывающих куропаток, – но вы же знаете, как легко загорается Наследник? Одна стычка с гангутами чего стоит! В общем он перебрал вина и заключил пари с оболтусами из своей свиты, что соблазнит вас не позднее, чем через месяц, к окончанию сезона.

– Что? – от неожиданности Амелия выронила вилку.

– Такие пари среди юнцов не новость, – печально покачала головой виконтесса, – но мне сообщили, что наш будущий король неосмотрительно дал клятву. Если он не сумеет уложить вас в постель, он должен будет отречься от короны!

Последнюю фразу леди Флайверстоун произнесла шепотом, но ее расслышала даже муха, случайно залетевшая через приоткрытое окно. А через секунду раздался тонкий серебряный звон – приборы графа кусками посыпались на пол, а на его руке начали стремительно отрастать черные когти. Виконтесса отшатнулась, виконт напрягся, а вот Амелия моментально вскочила, и бросилась к супругу:

– Милорд, прошу вас, не обращайтесь внимания! Я уверена, это лишь чья-то дурная шутка! Не мог наш принц дать такую глупую клятву!

Звонкий от волнения голос жены все же пробился сквозь пелену, заволакивающую сознание Жака. Он разжал кулаки, и постарался сосредоточиться на той искренности, которая плескалась в этом голосе. Отпустило. Открыв глаза граф дю Боттэ извинился перед гостями, и добавил:

– Мы с графиней недоумевали, ощутив волну интереса света. Теперь все стало понятно.

– Вам лучше уехать, – мрачно сказал Флай, – вся столица будет наблюдать за выполнением клятвы. И ты знаешь, что будет, если принц отречется!

– Знаю, – признался Жак.

Он ведь не зря в детские годы играл во дворце. Он знал, что у короля не один сын, и второй принц, по всеобщему мнению, куда больше подходил на роль наследника, чем честолюбивый любитель женщин, готовый ради славы развязать войну.

– Однако уехать мы сейчас не можем.

Старый друг вскинул на Жака удивленные глаза, пришлось пояснить:

– Меня пригласили на аудиенцию к Его Величеству, а мою супругу ждут на музыкальном вечере Ее Величества. И все это на следующей неделе.

Леди Флайверстоун сочувственно похлопала Амелию по руке:

– Значит придется остаться, но вам совершенно необходимо выработать план визитов и... никогда не оставаться в одиночестве.

Остаток обеда мужчины разрабатывали план сопровождения леди дю Боттэ во дворец и на светские мероприятия, а дамы пытались составить план визитов и посчитать количество необходимых туалетов. Все же внезапная смена гардероба посреди сезона требует вложений!

Когда дамы оставили мужчин дегустировать портвейн, и удалились в гостиную, чтобы выпить чая с десертами, Жак собственноручно налил два бокала, подал один из них Флаю, а потом строго глядя ему в глаза спросил:

– Ты ухаживал за моей женой?

Тот грустно улыбнулся в ответ:

– Пытался. Леди Амелия – сокровище. Сначала я помог ей в память о тебе, потом оценил ее характер и веселый нрав. Но ты

можешь быть спокоен, твоя супруга хранила память о тебе, и ни разу не позволила себе даже флирта.

– А ты? – дю Боттэ все еще нависал над старым другом.

– А я... помогу тебе уберечь леди Амелию от принца, а когда все закончится – уеду в поместье, – ровным тоном ответил виконт.

Жак подумал, вернулся на свой стул и поднял бокал:

– Что ж, я рад твоей помощи, и благодарен за все, что ты сделал для Амелии. Пожалуй, только ее образ помог мне продержаться в плену!

На последней фразе голос графа дрогнул, и мужчины, не сговариваясь залпом выпили портвейн, а потом вновь наполнили бокалы, но цедили напиток уже по капле. Сложившаяся ситуация требовала ясной головы и нешуточных мер безопасности.

Между тем и дамы не теряли времени даром. Они обсуждали стратегию посещения приемов, балов и вечеров. Следовало отзываться на одно приглашение из трех, посещать только приличные дома, и... старательно избегать тех приемов, где обязательно появится наследный принц.

– Конечно пользуясь своим положением наследник может войти в любой дом, – объясняла виконтесса правила света юной графине, – но просто так вломиться на скромный семейный вечер верх неприличия! Гораздо больше шансов увидеть принца на большом балу, или в театре.

Амелия внимательно выслушала, а потом попросила леди Флайверстоун разобрать приглашения:

– Просто подскажите мне, куда идти не стоит, и где могут быть внезапные встречи.

Мисс Кьюри быстро явилась на звонок и принесла письменный поднос, заполненный плотно уложенными конвертами. Виконтесса оценила ровные ряды корреспонденции и сказала:

– Я бы посоветовала вам нанять секретаря, миледи, но сейчас это неразумно, да и бессмысленно – сезон подходит к концу, уже завтра половина города уедет на воды. Но если вы планируете жить в столице, хороший секретарь вам будет просто необходим!

Амели только улыбнулась в ответ. После обучения у мастера каллиграфии, напугать ее бумагами было сложно.

– Что ж, приступим! – леди Флайверстоун моментально выбрала из общей стопки самые солидные конверты с массивными печатями,

присмотрелась, не открывая: – это от Ее Величества, отказать нельзя! – с этими словами конверт лег на чистое блюдо. – Герцогиня Вулчестер, весьма почтенная дама. Ее супруг второй советник короля. Полагаю Жака там ждет политический допрос, а вас, леди, кружок любопытных дам.

– Принц может там появиться? – напряженно уточнила Амелия.

– Наследник не любит такие собрания, так что маловероятно, – заверила девушку виконтесса, – в общем это приглашение желательно принять.

Письмо добавилось к приглашению от королевы, а вот следующий конверт леди Флайверстоун взяла слегка брезгливо:

– Граф Пемброк. Не советую. Лучший друг принца. Игрок, ловелас, горничные в его доме меняются каждые полгода.

Молодая графиня не сразу поняла, на что намекнула виконтесса, а когда сообразила – покраснела.

– Маркиз Кантерберри, приятный молодой человек. Серьезный и ответственный. Он недавно женился, думаю визит будет приятным, вам с леди Кантерберри будет о чем поговорить...

Так конверт за конвертом дамы довольно быстро перебрали почту. В процессе они выпили по чашке чая с капелькой ликера, отведали пропитанный сиропом бисквит, и даже заговорили о шляпках. В этот момент с одной стороны гостиной отворилась дверь в столовую, впуская мужчин, а с другой распахнулась дверь в холл, и за ней появился дворецкий.

– Миледи! – слуга был чопорным и говорил самым сдержанным тоном, что как уже знала Амелия говорило о волнении. – Вам просили передать немедленно!

– Что передать?

Девушка подумала об очередной коробке от мадам Ланвен, но по знаку старшего слуги лакеи внесли тяжелую каменную вазу полную цветов. Амелии хватило одного взгляда на потемневшее лицо супруга, чтобы понять, что это не его подарок.

Слуги аккуратно поставили вазу на пол и замерли. Граф отослал их жестом, подождал, пока закроется дверь и уставился на цветы, как на врага. Говорить что-то было рискованно. На ленте, опоясывающей букет висела карточка в конверте с гербом, и Амелия немного

нервничая встала и протянула руку, чтобы взять ее, но девушку опередила виконтесса:

– Миледи, вы позволите мне открыть этот конверт? Клянусь, что не буду читать послание, но на бумагу легко ложатся... некоторые заклинания.

Графиня вздрогнула и кивнула:

– Прошу вас, миледи! Моя магия слишком слаба, чтобы различить такие... нюансы.

Мужчины слушали этот диалог и хмурились все сильнее. Леди Флайверстоун надела перчатки, которые на время чаепития прикрепила специальным зажимом к сумочке, и буквально двумя пальцами сняла конверт с ленты. Поднесла к носу и поморщилась:

– Автор письма явно переборщил с духами!

Граф потянул носом, закашлялся, и сказал:

– Амбрные духи с приворотом.

– Мне влюбиться в Его Высочество не грозит, – усмехнулась виконтесса и все же вскрыла конверт.

С печати посыпалась золотистая пыльца.

– Ого, – виконт протер глаза, – неужели «пыльца фей»?

– Здесь еще и в тексте есть приказы, подкрепленные магией королевской крови! – вздохнула леди Флайверстоун, проводя пальцем по строчкам. – Вам Амелия ни в коем случае нельзя это читать. От магии, вложенной в эту записку даже зубы ломит!

– Да я прекрасно обойдусь без приказов явиться во дворец в одной сорочке, – грустно вздохнула девушка, – если там есть что-то важное, просто скажите.

– «Прекраснейшей звезде столичного небосклона от скромного поклонника», – с легкой насмешкой зачитала виконтесса, – это первый слой послания. На втором приказ прибыть во дворец и лечь в постель принца. На третьем – влюбиться как кошка. Да, так и написано!

Мужчины стиснули кулаки, а леди взглядом попросив разрешения у Амелии бросила послание в камин, и жестом подожгла растопку.

– Такие бумаги лучше всего сразу жечь, – устало улыбнулась виконтесса, поворошив кочергой кучку пепла.

– Почему принц только сейчас прислал все это? – задумчиво спросил Флай.

– Полагаю, искал исполнителей, – ледяным тоном отозвался Жак. – Принц не покидает своих комнат по причине нездоровья, собственный магический потенциал у него довольно скромный.

– Сюда одних духов влило на пару сотен золотых, – поддержала беседу леди Флай.

– Зачем? – глядя на все это широко открытыми глазами спросила Амелия.

– Ради короны, – чуть не хором ответили ей.

Потом виконтесса пояснила:

– Магия приняла клятву принца, значит он не может отказаться от выполнения того, в чем поклялся. Все вокруг будет подталкивать его к достижению результата.

Амелия опечалилась:

– Значит он будет присылать мне странные записки и букеты, даже если я буду их сжигать?

– Будет, – подтвердила почтенная леди, – но букет сжигать нельзя! Нужно поставить его в приемной и всем рассказывать, какие чудесные цветы подарил принц. Только сначала...

Виконтесса обошла букет, потрогала ленту, заглянула в вазу и наконец стремительным движением выхватила гибкую золотистую веточку из самой середины цветов и веток.

– Все! – веточку леди сунула под чайную чашку, перевернув ее над блюдцем.

– Что это? – поинтересовались мужчины.

– Любисток, травка, которая в сочетании с некоторыми цветами несколько... размягчает мораль в женщинах или мужчинах.

Лорды смутились, но горячо поблагодарили леди, деликатно обходя вопрос – откуда вдовствующая виконтесса так много знает о приворотях? Впрочем, леди не таилась:

– До замужества я служила при Дворе, а там любистоки порой подавали на завтрак, обед и ужин.

– Мы очень признательны вам за помощь, леди Флайверстоун, – граф любезно поцеловал леди руку, – надеюсь, вы не откажетесь навестить нас завтра, перед аудиенцией у Его Величества. Не хочу оставлять леди Амелию одну в доме.

– Приеду к ланчу, – пообещала виконтесса и вскоре уехала вместе с сыном.

Глава 34

Оставшись вдвоем, граф и графиня дю Боттэ вдруг испытали некоторую неловкость. К счастью, их взаимное молчание не успело стать тягостным – в гостиную явился слуга, чтобы собрать чашки. Потом мисс Кьюри заглянула спросить – куда унести разобранную почту, и неловкость сошла на нет под лавиной срочных дел.

До самого вечера Амелия писала вежливые отказы и любезные ответы на приглашения. Граф был занят тем же самым, а еще он писал в поместья, сообщая о скорых визитах, разбирал кипу счетов, перенаправляя большую их часть в поместье дядюшки и разбирал с поверенным дела, связанные с возвращением титула. Лорд Арман умудрился натворить столько дел, что разгрести последствия Эммету-Жаккарду придется несколько лет!

К ужину граф и графиня вышли задумчивыми. Правда Жак отметил, что не смотря на усталость его супруга выглядит очень мило и уместно в чудесном бледно-желтом платье, расшитом ирисами и ласточками. Амелия тоже невольно залюбовалась мужем – кроме военной выправки и манер было в лорде дю Боттэ что-то удивительно привлекательное, почти магнетическое. Как в тигре, которого девушка увидела однажды на раскрашенной гравюре в книжном магазине.

Они молча ели жаркое, и только к десерту смогли заговорить на хозяйственные темы. Жак поделился необходимостью объехать поместья, все же бумаги это одно, а ситуация на месте – другое. Амелия призналась, что шум ремонта в соседних комнатах отвлекает, как и необходимость нанимать еще слуг, но в целом она успела ответить на все приглашения.

– Да у вас просто невиданная скорость письма! – восхитился Эммет-Жаккард, – отец в свое время держал двух секретарей и поверенного, а матушка делила свои почтовые обязанности с компаньонкой.

– У меня есть маленькая хитрость, милорд, – улынулась Амелия, – я написала идеальное письмо с вежливым отказом, потом магически скопировала его, и перенесла на бумагу восемьдесят раз.

– Восемьдесят? – поперхнулся кусочком марципана граф.

– Потом пришлось составить столь же вежливый ответ на приглашение, – вздохнула Амелия, – и повторить его двадцать два раза. Составление меню, подписывание собственных карточек без черного обреза и благодарственные письма оставила на завтра.

– Право я не думал, что ваша почта столь обширна! Может быть, стоит нанять вам помощницу?

– С почтой я пока справляюсь, – деликатно обошла тему Амелия, – а домашних слуг наберем в должном количестве в самое ближайшее время. К тому же через месяц мы уедем, про нас позабудут и мне хватит камеристки. Сейчас приближать к себе незнакомого человека небезопасно.

– Согласен с вами, – покивал головой лорд дю Боттэ, – и все еще поражаюсь вашим знаниям и умениям!

– Моя матушка была леди по рождению, – отозвалась Амелия, – так что мы воспитывались в строгости, а еще она была доброй женой сельского священника, поэтому меня учили вести хозяйство, общаться с прихожанами и слугами. Отец же любил храм, и развивал в нас таланты полезные для службы.

– Так вы учились не только дома? – удивился Жак.

– Я провела несколько лет в пансионе. Потом училась у каллиграфа. Сестра умеет вышивать шелком, а брата учили делать переплеты для книг и немного резьбе по дереву.

– Удивительно! – граф отсалютовал чашкой чая, как бокалом, – мне действительно невероятно повезло!

– А вы, милорд, учились дома? – спросила девушка.

Ей действительно было интересно узнать о своем супруге побольше. А еще разговор отодвигал тот момент, когда нужно будет встать и идти в спальню. Ее комната практически готова, нет нужды ночевать в комнате графа, но... вдруг он решит к ней прийти? Или, наоборот, решит не приходить? Как приличная аристократическая жена подает мужу сигнал о желаемой встрече? В общем девушка вновь ощутила неловкость и смущение, а мужчина бросил на нее понимающий взгляд, и предложил рюмочку шерри:

– День был слегка безумный, предлагаю посидеть в гостиной, немного выпить и поговорить.

Амелия не отказалась. Они перешли из столовой в уютную комнату, обставленную легкой белой мебелью. Главным украшением

здесь были шпалеры в стиле мильфлер и вазы из граненного стекла и горного хрусталя. Еще утром горничные наполнили изящные сосуды водой, а днем поставили в них букеты, присланные поклонниками. По счастью любистоков в охапках роз, лилий и орхидей больше не обнаружили. Высокие окна были приоткрыты, свежий ветерок шевелил тонкие вуалевые шторы, и наполнял гостиную ароматом свежести и свежескошенной травы.

Приняв из рук супруга бокал вишневого ликера, молодая графиня дю Боттэ попросила разрешения, скинула простые домашние туфельки и устроилась на диванчике поджав ноги. Атмосфера комнаты располагала к уютным посиделкам. Граф улыбнулся, распустил галстук, и вытянул ноги на низенький пуф.

– Домашнее обучение я закончил в десять лет, после отправился в школу для мальчиков имени короля Руата. К тому времени мой дар уже показал себя, так что учили меня жестко.

– А какой у вас дар? – Амелия сделала крохотный глоток ликера и смутилась. Ну что поделаешь, она не знает о своем муже даже таких мелочей.

– Основной дар – огонь. Еще есть воздух, и немного телекинеза, что говорят является одной из сторон воздушного таланта.

– Если воздух, значит левитация? – глаза девушки блеснули любопытством.

– Прежде я мог удерживать два-три снаряда, – почему-то вздохнул Жак, – а теперь, имея крылья могу летать и левитировать примерно свой вес. Правда серьезных испытаний я не проводил, не случилось.

– Даже завидую, – восторженно сказала Амелия, не замечая, как разругались от ликера ее щеки и заблестели глаза. – Мой дар очень скромный, и позволяет только делать копии, да иногда подчищать неудачные строки.

– Не думаю, что все так просто, – склонил голову мужчина, любуясь девушкой, – во время учебы я бы дорого дал за такие способности. Сколько страниц мне пришлось переписать из-за клякс и помарок! Единственный преподаватель, который владел искусством подчищать кляксы магией убедил нас, что это очень тонкое колдовство!

– Я занималась переписыванием старинных книг, и каждый лист был не только моим трудом, но и дорогим удовольствием. Пергамент,

киноварь, лазурит, позолота... Я очень быстро освоила все заклинания, – с легким смешком ответила Амелия. – А как вы попали в армию? Разве наследник титула не обучается управлению хозяйством?

– Я был младшим, – глухо отозвался граф, – поэтому уже в школе поступил в кадетский класс, потом перешел в корпус. Родители вместе с братом погибли, когда ехали сватать его невесту. Холера. Мне было так тяжело, что, едва закончив учебу я купил патент и ушел в армию, не смотря на необходимость заниматься землей. Наезжал во время отпуска, многое доверил управляющим, как-то справлялся. А потом наследник решил показать свою доблесть...

Амелия передернула плечами, вспомнив нападение гангутов и поспешила сменить тему:

– Но теперь вы можете уволиться из армии?

– Могу, если Его Величество позволит. Все решится на аудиенции. Но судя по тому, что произошло на балу, никаких препятствий для этого нет.

Уклончивый ответ девушку не вдохновил. Она отлично помнила одну вдовицу в их селе, от которой разбегались все служанки. Но задержанных девушек не отпускали просто так. Им обязательно ставили «последнее условие» – сделаешь работу и уйдешь. И даже деньги свои получишь. А работу вдовица назначала такую... Что многие служанки, по сути, бесплатно пахали на нее всю зиму или все лето.

Поэтому Амелия прекрасно понимала, что король может многое потребовать от ее мужа за возвращение титула и земель. И еще больше за увольнение из армии. А уж что он запросит... Вспомнив про клятву принца девушка сглотнула. На самом деле многое будет зависеть от того, желает ли король видеть на троне старшего сына?

– А что, если король потребует за титул... меня? – дрожащим голосом спросила она, разбивая своими словами уютную атмосферу гостиной.

Ответом стали огромные черные перья, укрывшие ее шатром.

Лицо мужа, ставшее вдруг невыносимо четким, словно вырубленным из камня нависло над головой Амелии, и полужнакомый голос проскрежетал:

– Никогда!

– И все же, – Амелия закусила губу, не понимая, какую бурю вызвала этим простым действием в теле мужчины.

– Мы можем уехать. После официального отказа. Моих крыльев хватит до пригорода, а там все сделает золото.

– А дети? – девушка напряглась. Она отвечала за сестру и брата, и не могла сбросить их со счетов.

– Они же в школах, – удивился супруг, – им ничего не сделают. Если же все будет плохо, позже вытащим их оттуда.

– Может... заберем их завтра с утра и спрячем где-нибудь? – предложила Амелия продолжая терзать губы.

– Если тебе будет спокойнее, – граф выпрямился, убрал крылья и поморщился, ощутив, что камзол, жилет и сорочка на спине превратились в лохмотья. – Но завтра аудиенция. Лучше пошли за ними дворецкого с запиской, пусть привезет их сюда.

– Да, так и сделаю, – Амелия тихонечко вздохнула.

Огромные черные крылья поражали ее воображение. Хотелось погладить глянцевые перья, но было как-то неловко. Между тем Жак подал Амелии руку, собираясь проводить ее в спальню, и в этот момент стекло за его спиной взорвалось осколками! Крылья тотчас распахнулись, закрывая пару от опасности, в нижнюю губу уперлись острые кончики клыков, а из самого нутра раздалось предупреждающее рычание. Ответом стал жалобный вскрик, торопливый топот и стук в дверь.

Граф не стал убирать крылья. Похоже уже поздно. Кто бы не швырнул камень в большое французское окно, он явно добивался какой-то реакции. Пусть слуги увидят его и решат, готовы ли они служить такому странному господину. В дверь вошел лакей:

– Милорд... начал он и замер, глядя на хрупкую женскую фигурку в объятиях крылатого чудовища.

– Кто-то разбил окно, – безмятежно-мелодично сказала Амелия, даже не думая вырываться из рук супруга. – Граф защитил меня от осколков. Пошлите людей поймать того, кто это сделал, и горничную, убрать осколки.

Под пристальным взглядом черных, налитых кровью глаз слуга вздрогнул, поклонился и вышел. Жак хотел отступить от девушки, но ее пальцы ласково погладили черные крылья, вызывая в нем дрожь:

– Простите, милорд, это так прекрасно, что я не могу удержаться...

Продолжение фразы повисло в воздухе – одним слитным движением граф развернул жену к себе и прижался губами к ее губам! Это было остро и сладко, как вино с медом и перцем. А еще это было безусловным доверием между ними. Легкое касание как-то плавно переросло в нежный, но страстный поцелуй. Только когда ей перестало хватать дыхания, Амелия уперлась кулачками в плечи мужа, и он отстранился. Они оба тяжело дышали, тяжелые крылья трепетали рядом, снося на пол статуэтки, но им было все равно!

– Миледи...

Жак протянул ей руку, и когда она робко вложила в его ладонь свои пальцы, коснулся ее кожи поцелуем. Потом подхватил жену на руки, и двинулся к двери. Их окружало что-то такое, не требующее слов и даже взглядов. Двери отворялись, слуги расступались, и даже кровать оказалась приветливо расправлена, маня белизной простыней и подушек.

Граф опустил Амелию на постель, навис, укрывая крыльями от всего мира, продолжил целовать ее высокий белый лоб, скулы, веки, постепенно подобрался к губам, и втянул трепещущую девушку в бесконечный поцелуй, который он пил, как живую воду.

– Амели, моя Амели, – лихорадочно шептал он, разрезая когтями шнурки корсета.

Когда ее грудь предстала перед ним, девушка стыдливо закрыла глаза, а он не удержался – благоговейно прижался лицом к мягким холмикам, чувствуя, как бешено бьется сердце. Хотелось больше – обнять, прижаться всем телом кожа к коже, ощутить ее аромат и вкус, но одежда, как она мешала! Следом за корсетом жалобно треснули швы платья, потом нижние юбки, и тут граф с полным восторгом обнаружил, что его молоденькая жена носит восхитительно-невинное белье! Белое, шелковое, согретое теплом ее тела! Ленточка лопнула от одного жаркого взгляда и короткие панталончики с кружевной оборочкой по краю улетели на ковер. Или на люстру. Абсолютно не важно! Главным было то, что скрывалось под ними! Полузакрыв глаза от удовольствия, он припал губами к нежному холмику и позабыл обо всем! Король, принц, Двор и дядюшка могли провалиться в бездну! Никто и ничто не оторвет его сейчас от его собственной жены!

Глава 35

Стоило Жаку припасть губами к ее самому неприличному месту, и Амелия сдалась. Нет она еще долго краснела, бледнела, стискивала колени, цеплялась за подушки и легонько попискивала, когда ее захватил безумный вихрь по имени «граф дю Боттэ». Но его поцелуи вызвали внутри такой жар, что девушка растерялась – неужели так бывает? Прежде Амелия считала себя чопорной особой, умеющей держать себя в руках, удачно избегающей страстей. Это помогало ей в трудных жизненных обстоятельствах, но муж одним своим видом разбил ее ледяную скорлупу, а поцелуем зажег такой огонь, о котором она прежде не ведала!

От его нежных ласк мысли окончательно улетучились и девушка, не помня себя вцепилась сначала в черные перья, а потом в светлые волосы супруга. Зная, что в первый раз не каждая женщина способна получить удовольствие, Жак разжигал огонь желания своей юной супруги, пока хватало сил терпеть собственное возбуждение. Потом выпрямился и взглянул в подернутые поволокой глаза:

– Амелия, ты готова стать моей женой навсегда?

Амелия робко кивнула. Она смущалась и стеснялась ровно до того момента, пока Жак не встал над ней на колени срывая лоскутами свою одежду. Крылья мешали, и он, поймав ее взгляд криво улыбнулся:

– Они так тебе понравились, что не хотят теперь исчезать!

Девушка счастливо улыбнулась, легонько коснувшись перьев, а потом протянула к супругу руки, окончательно сдаваясь его желанию.

Потом они лежали на сбившихся простынях, чувствуя себя пловцами, выброшенными на берег самой высокой волной. Амелия устала от непривычной нагрузки и переживаний, поэтому вскоре задремала, под плащом из крыльев супруга, а вскоре крепко уснула. Только тогда Жак сумел встать с постели, вернуть себе обычный вид и завернувшись в халат на цыпочках выйти из спальни.

Камердинер невозмутимо караулил милорда у двери держа в руках стопку чистого белья и комплект домашней одежды. Так же тихо они вдвоем зашли в кабинет, граф оделся и выслушал доклад слуги:

– Никто из домашних слуг не уволился.

На скептически поднятую бровь лорда пожилой подтянутый мужчина пояснил:

– Вы разумный хозяин, платите хорошо, а то, что перьями обрастаете – пустяки. Некоторые лорды бывает в шкурах по двору скачут и к горничным пристают.

Граф дю Боттэ поперхнулся вопросом и невозмутимо подставил руки, чтобы ему помогли надеть рубашку. Камердинер деликатно расправлял складки и рассказывал, что происходило в доме последние несколько часов. В парке возле особняка поймали угодившего в канаву стражника из королевского дворца. Кинуть камень в стекла ему приказали, но он не знает кто. Незнакомец хорошо заплатил. Камень был завернут в письмо с угрозами. В нем графине приказано явится во дворец в постель принца, иначе...

– Простите, мы прочитали милорд.

Жак взял смятый лист очень дорогой бумаги с отрезанным вензелем, вчитался в резкие скачущие строки. Амелия была права. Принц быстро выяснил кто ей дорог и угрожал не только графу, но и детям. Запугивал. Требовал молчания и покорности...

– Милорд, простите, но в доме больше не осталось одежды!

Негромкий ровный голос вернул лорду дю Боттэ самообладание. Он спрятал отросшие когти и зубы, порадовался тому, что не успел раскрыть крылья – действительно от его гардероба мало что уцелело. Дядюшка велел избавиться от его одежды, да и мало что налезало на раздавленные плечи.

– Благодарю, – коротко сказал он камердинеру, радуясь, что Амелия так удачно повысила одного из лакеев до столь ответственной должности.

– Я прежде служил, милорд, – деликатно поклонился слуга, – могу предложить забрать детей из школ до того, как до них доберется Наследник.

– В доме им тоже может быть небезопасно, – поморщился граф, – в полдень у меня аудиенция во дворце, и... подозреваю принц воспользуется моментом.

– Миледи может отправиться в гости вместе с детьми, – предложил камердинер, – например в Священный лес.

Граф даже замер. Ну конечно! Ему и в голову не пришло, что Амелия может вместе с леди Флайверстоун и детьми отправиться в

храмовый комплекс, расположенный едва ли не в центре столицы! Это место было запретным для мужчин, но там в любое время суток принимали детей и женщин. А еще Священный лес располагался на острове! Попасть туда быстро, в обход храмовой стражи можно было только на крыльях, а крыльев у принца и его приближенных нет!

Приняв решение, Жак молниеносно начал действовать. Слугам было приказано приготовить все экипажи, имеющиеся в наличии. А также корзины еды, пледы и мелочи для пикника. Экипажей нашлось аж пять – легкая городская двуколка, фаэтон, зимняя карета, дорожная карета для долгих поездок в поместья и старинный рыдван на полозьях, который доставали только на время праздничных катаний. Лошадей хватало на три экипажа. Поразмыслив, граф приказал приготовить все три и подать их к подъезду ровно тогда, когда в дом пожалуют лорд и леди Флайверстоун.

Слуги подгоняемые хозяином дома пробежали до рассвета. Амелия все проспала и не знала, что едва солнце появилось над горизонтом, дворецкий и пара крепких лакеев отправились в пансион за детьми. Девушку разбудил аромат горячих булочек. Жак сам вкатил в спальню столик с завтраком, который собрала мисс Кьюри – после потрясающего подтверждения брака, его вторая натура запрещала даже слугам видеть его теплую ото сна жену.

Молодая графиня сонно хлопала ресницами, пока граф самолично налил ей чаю, вручил вместе с теплой булочкой, щедро намазанной маслом, и рассказал свой коварный план.

– Записку Флаю и его матушке я уже послал, оденьтесь удобно и будьте готовы провести весь день в Священном лесу.

Амелия кивнула, не думая спорить. Ее муж в лучах яркого утреннего солнца был таким красивым, уверенным, сильным! Правда явно не договаривал, но пусть так. Ей не хотелось кормить свои страхи.

Выпив чаю, Жак нежно поцеловал свою жену в губы, пробежался цепочкой легких поцелуев от виска до шеи, обнял, чувствуя под тонким одеялом, как сильно бьется ее сердце... А потом с сожалением отпустил:

– Вам нужно одеться, миледи, скоро придут гости.

Мисс Кьюри впорхнула в комнату по первому звонку. Поскольку граф не отпустил жену в другую комнату даже за одеждой, объясняя

все безопасностью, камеристка принесла в спальню элегантное прогулочное платье светло-зеленого цвета с отделкой из зеленых и розовых лент. Оттенки были более насыщенными, чем те, которые носили юные незамужние леди, но все же достаточно светлые, чтобы подчеркнуть юность графини дю Боттэ.

К платью полагался прелестный капор, украшенный шелковыми цветами и кружевной оборкой. В отдельной коробке стояли туфли, в шелковой мешочке нашлись чулки, перчатки, зонтик от солнца и веер.

Когда нарядно одетая Амелия спустилась вниз, ее уже ждали муж и лорд и леди Флайверстоун. Переждав минуту приветствия мужчины, по-военному коротко перебросились парой слов и разошлись. Флай повел матушку и жену друга к черному ходу, граф отправился надевать парадный мундир, а горничные наряженные в забытые платья леди Клариссы и статные лакеи в спешно ушитых сюртуках лорда Армана отправились к экипажам. Первая компания вышла из дома шумно, сообщая всем любопытным, что едут во дворец на аудиенцию.

– Сейчас отвезем графа на королевскую площадь, и устроим пикник в парке! – громко вещал лакей в цилиндре, две горничные в шляпках с вуалями вежливо что-то бормотали, изображая благовоспитанных леди на прогулке.

Через полчаса после фиакра подали карету и еще одна компания уехала в другую сторону. Только после этого камердинер милорда, временно пониженный до кучера, вывел на подъездную дорожку двуколку. Именно в ней граф дю Боттэ отправился ко Двору, а его друг и соратник тем временем вывел дам через заднюю калитку, усадил в наемный экипаж и отвез на причал Священного леса.

На причале уже переминались с ноги на ногу дети. Амелия птичкой спорхнула с коляски, обняла брата и сестру и даже чуть не прослезилась. Виконтесса терпеливо дождалась, пока радость встречи утихнет и напомнила:

– Графиня, нам пора, Светлые сестры прислали баркас!

Молодая графиня тут же взяла себя в руки, от души поблагодарила мужчин, и вместе с детьми села в лодку, которой управляла одна из послушниц Света. Леди Флайверстоун последовала за ними, еще раз напомнив сыну, чтобы он берег себя. Мужчины передали лодчице корзины с пледами и провиантом, отдельно вручили кошелек с приношением, и оттолкнули тяжелую посудину от

причала. Около получаса виконт и дворецкий провели на берегу, наблюдая за мерными взмахами длинного весла, и тогда, когда убедились, что баркас добрался до острова, занялись насущными делами:

– Милорд дю Боттэ приказал вам возвращаться домой, – Флай передал записку от Жака слугам, – приготовьте все необходимое для поездки милорда и миледи с детьми в провинцию. К девяти часам накройте горячий ужин на шестерых. Я же отправлюсь во дворец, на тот случай если графу понадобится помощь!

Глава 36

Дворецкий поклонился и уехал. Виконт же поспешил во дворец. Если предположения дю Боттэ верны – его будут долго мариновать на входе, потом посадят в какой-нибудь приемной ожидать аудиенции, возможно пришлют фрейлину с чашкой чая и флиртом, а затем выяснится, что встреча с Его Величеством перенесена на другой день. Все это время шпионы принца будут искать графиню дю Боттэ, чтобы уложить ее в постель Наследника. А что попробует сотворить Его Высочество, когда узнает, что леди Амелии в столичном доме нет... Вот тогда Жаку пригодится помощь старого друга. Как бы не пришлось вытаскивать графа дю Боттэ из Мрачной башни – знаменитой королевской тюрьмы.

Под эти мысли путь до дворца пролетел незаметно. Флай вышел из экипажа у ворот назвал себя, показал родовой перстень, и медленно пошел по дорожке парка. Разглядывая крупные розовые розы, усыпавшие кусты возле караулки, виконт горестно дернул углом рта. Он не желала дю Боттэ зла, но видел утром, как смущенно и нежно смотрела на мужа графиня. Уже не невинная девочка, а юная, расцветающая женщина. Еще робкая, но уже осознающая свою женскую силу. А еще это платье – шуршащее, легкое, подчеркивающее гибкую талию и свежий румянец. Право слово – убойное сочетание скромности и страсти!

Мужчина так задумался, что чуть не налетел на толпу фрейлин, что-то жарко обсуждающих прямо на аллее. К счастью, дамы не стали отвлекаться от жарких дебатов, и ему удалось обойти их, вежливо прикладывая пальцы к краю шляпы. И только сделав несколько шагов, виконт сообразил, что юные болтушки обсуждали как раз клятву принца и его неудачу!

– Графини нет дома, и у знакомых ее тоже не нашли! – довольно громко говорила висока блондинка с пышными формами, – мой дядя служит у графа Варвика, он рассказал за ланчем, что им пришлось все утро мотаться по городу за каретами дю Боттэ! Кто-то догадался посадить туда слуг в старых платьях графини! Тайная служба скрипит зубами, а принц выбросил из окна стул, метя в главу своей охраны!

Остальные девушки дружно загомонили. Кто-то восхищался ловкостью графа, кто-то возмущался его непокорством. Дамы постарше, шепотом, со смешками удивлялись – неужели графиня так хороша, что муж не может «одолжить» ее на одну ночь принцу? Флай поморщился. Он знал, что по должности фрейлинам приходится видеть немало, но их намеки на выгоду адюльтера коробили его нежную душу. При всей внешней практичности и цинизме виконт в душе был романтиком, и мечтал создать семью похожую на ту, что была у родителей.

Вновь замечтавшись, он с трудом успел поймать девушку, которую буквально сшиб с ног.

– Простите, миледи, надеюсь вы целы? – Флайверстоун чуть отстранился и аккуратно поставил на дорожку юную леди в скромном серо-розовом платье.

Она отстранилась, горестно взглянула на оборванный волан и ее губы задрожали, как у обиженного ребенка. Виконт заглянул в серые, полные слез глаза и пропал! Уже через минуту он утешал плачущую леди, обещал немедля послать за новым платьем и прикрыть только что нанятую фрейлину перед статс-дамой.

– Мне только сегодня это платье выдали, сказали в счет жалования! – икая после бурных рыданий кое-как объяснила свой ужас юная аристократка.

– Простите, леди, я не представился, – виконт Флайверстоун!

– И вы меня простите за несдержанность, – девушка смущенно потупилась, – я забылась. Меня зовут леди Виола, дочь барона Гренделя.

– Очень приятно! – Флай легко улыбнулся, позабыв о том, что куда-то спешил.

Пойманный слуга был немедля отправлен за камеристкой леди, потом виконт договорился о новой встрече с леди Грендель, и только когда она скрылась на дорожке, ведущей к боковому входу во дворец, мужчина вспомнил, что шел выручать друга! Стиснув зубы и мысленно костеря себя Флайверстоун поспешил к главному входу и видел, что дю Боттэ стремительно сбегает с крыльца!

– Жак! – окликнул он друга.

Тот моментально сменил направление:

– Флай! Ты здесь! Как наши дамы?

– Все благополучно, проводил и помчался к тебе... Тут виконт слегка смутился, вспомнив о задержке, но тут же перебил сам себя: – ты уже видел Его Величество? Я опасался, что придется ждать в приемной до темноты!

Граф окинул пристальным взглядом придворных и слуг, мелькающих то тут, то там, и вывел друга на широчайшую центральную аллею, где подслушать их было проблематично:

– Я и сам удивлен, но меня приняли мгновенно!

Флай невольно остановился, переваривая новость.

– Тебя быстро приняли? А... что с увольнением из армии?

Дю Боттэ поднял несколько свитков с тяжелыми печатями:

– Только что забрал в канцелярии. Уволен с повышением, в чине майора. За доблесть, проявленную во время боевых действий награжден орденом святого Бонифация. Поскольку все это время моей супруге выплачивалась пенсия, жалование выплатят частично – как действующему майору и орденоносцу, – Жак нервно дернул рукой и чуть не уронил свитки.

– Постой! – виконт не удержался, и просто схватил нервно спешащего приятеля за рукав, – ты хочешь сказать, что тебя наградили? Выплатят что-то из казны просто так?

– Не просто, – теперь усмешка дю Боттэ напоминала оскал, – Его Величество, – тут голос графа упал до легчайшего шепота, – настоятельно попросил меня уехать в поместья до начала зимнего сезона.

Флайверстоун открыл рот. Закрыл его. Снова открыл и уточнил:

– Вместе с графиней? – это был наиважнейший нюанс королевской просьбы. Позволят ли вернувшемуся из плена капитану сохранить семью и доброе имя? Или потребуют оставить жену в одиночестве, чтобы загнанная в угол женщина свалилась в постель принца, как спелый плод?

Если Жак и заметил, что друг воспользовался более официальным именем Амелии, то никак этого не показал. Только коротко кивнул:

– Да. Мы уедем с Амелией.

– Значит король...

– Не желает, чтобы Наследник выполнил свою клятву, – жестко продолжил граф, выходя на площадь, где гостей дворца ждали кареты.

После этого мужчины замолчали, сели в экипаж и отправились в особняк дю Боттэ. Там уже во всю сновали слуги – укладывали сундуки, накрывали на стол. Камеристка Амелии строго отчитывала лакея, требуя бережно нести картонки со шляпками. Право слово, разгром пугал, но благородных лордов вовремя заметил дворецкий:

– Приказать подать бренди и закуски в ваш кабинет? – спросил он графа.

– Да-да, в кабинет! – пробормотал Жак, протискиваясь мимо горничной, с целой корзиной дорожных припасов. Масштаб сборов его откровенно пугал!

* * *

Амелия очень волновалась, усаживаясь на жесткую лодочную скамейку. Прежде она ничего не слышала про Священный лес, но в этом не было ничего удивительного – столица огромна, в ней есть место разным чудесам. По пути к причалу виконтесса пыталась коротко рассказать о том месте куда они едут, но ее фразы, сбиваемые ветром, не подготовили Амелию к тому, что они увидели. Огромный остров был окружен плотной стеной темных деревьев. Лишь напротив пристани своеобразная ограда открывала вид на извилистую дорожку, ведущую к первому из семи храмов. Послушница со стуком подвела баркас к причалу, выпрыгнула на толстые плахи, закрепила веревку на аккуратной тумбе и указала гостям на тропинку, выложенную фиолетовыми камнями:

– Вы можете пробывать в Священном лесу до заката, леди. Вечером я буду ждать вас здесь.

Корзины с провиантом пришлось нести Брису и Илане. Юные маги просто наложили на них левитацию и картинно придерживали двумя пальцами, чтобы доказать свои умения и силы. Амелия поражалась тем переменам, которые произошли в детях за короткий срок. Она опасалась, что новые школы станут проблемой для провинциалов, но родственники графа дю Боттэ – это не то, что дети нищего священника с окраин королевства.

Младшие брат и сестра увлеченно учились, поздоровели и окрепли, а еще перестали сомневаться в завтрашнем дне. Внезапный визит дворецкого и посещение Священного леса они восприняли, как увлекательный пикник, и теперь всячески демонстрировали старшей

сестре свои навыки, да еще успевали крутить головами, и комментировать увиденное.

– А почему тут вдоль дорожки цветут только лиловые и белые цветы? – спрашивала Илана.

– Потому что белые цветы означают Свет, – отвечала им леди Флайверстоун, уже бывавшая на острове, – а лиловые первую ступень познания себя – разум.

– Ой! – восторженно пыхтел Брис, – дорожка тоже лиловая! И стены!

– Возле первой часовни с весны до глубокой осени цветут лиловые цветы, напоминая смертным о том, что веру сначала принимает разум, – пыталась говорить серьезно виконтесса, – но по моему мнению это просто очень красиво! – тут она подмигнула детям и улыбнулась, заставив их рассмеяться в ответ. Тревоги Амелии отсутствовали.

Они дружно дошли до невысокого фиолетового здания с округлой крышей.

– А почему храм такой низкий? – на этот раз от вопроса не удержалась Амелия.

– Следующий, синий немного выше, – объясняла леди Флай, – и так до самого высокого – алого. Если встать вот тут – дама потянула леди дю Боттэ к белому кругу в сочной зеленой траве, – можно увидеть все храмы сразу!

Девушка встала на выложенную камнем площадку, и замерла от восторга: все цвета радуги плавали в зелени и облаках цветов. Это было так красиво и волшебно, что она замерла, наслаждаясь удивительным видом. Илане и Брису быстро надоело ждать сестру – они расположились на скамейке, и принялись потихоньку ощипывать пышную булку. Амелия заметила это и напонила:

– Перед пикником нужно зайти в часовню, поблагодарить Светлых!

Дети уже знали, что граф вернулся, и потому не стали возражать. Они дружно зашли внутрь, полюбовались на окна, в которых таинственно мерцали лилово-розово-белые витражи, зажгли фиалковые свечи возле укрытого сиреневым покровом алтаря, постояли, шепча одними губами слова благодарности, а вышли

задумчивые, притихшие, словно увидели что-то новое в тенях, пляшущих на лиловых стенах.

До синего храма так и дошли впечатленные. Синяя тропинка вилась равномерно, словно волна, а по краям дорожки иногда возникали чаши-фонтанчики с золотыми рыбками. Илана не удержалась – покрошила в одну из чаш кусочек булки, и долго смотрела, как крошечные – с палец рыбешки жадно хватают крошки.

Рядом с синей часовней все напоминало о воде и море. Леди Флайверстоун сказала, что этот храм напоминает о бесконечности Творения. Ее не поняли, но строением полюбовались.

Здесь было на что посмотреть – у стен храма тихонечко журчали два маленьких фонтана, сине-серый камень и белая плитка в окружении зелени производили удивительное впечатление. Особенно понравились Амелии необычные растения с толстыми листьями, растущие в белых мраморных вазонах на бордюре.

– Это агавы, – сказала виконтесса, любуясь площадкой, от которой вдаль уходила тропинка, выложенная голубыми изразцами. – Подарок Священному лесу от герцогини Вандомской. Говорят, она вместе с дочерьми чудом спаслась, когда корабль налетел ночью на риф, и отблагодарила Светлых таким необычным способом.

Возле синего храма не было подходящей для пикника лужайки, так что все решили потерпеть с ланчем до голубой часовни. Шагали дружно, любуясь стоящими вдалеке домиками для послушниц, красиво постриженными кустами и клумбами.

– Зимой здесь, наверное, очень грустно и пусто, – сказала Амелия, разглядывая пышные кисти незнакомых ей синих цветов.

– Зимой сюда можно дойти по льду, – ответила виконтесса, – но посетителей мало. Послушницы на зиму уходят в главное здание обители, а здесь остаются те, кто следит за порядком в часовнях, да топят здания, чтобы не промерзали.

Вот тут Амелии стало интересно:

– Вы так много знаете об этом месте... – протянула она.

– Все просто, – грустно усмехнулась леди Флайверстоун, – когда мой Ричард погиб, я растерялась. Флай был в школе, родственники занимались своими делами... В общем я приехала сюда и прожила почти год.

– Вы стали послушницей? – изумилась девушка.

– Нет, просто оплатила гостевую келью. Это не запрещается, – вздохнула матушка Флая. – Через год сын приехал на каникулы, и я вернулась в свет. Не скажу, что мечтаю сюда вернуться, но иногда вспоминаю тот год. В нем было много хорошего.

Амелия промолчала. Она понимала, что лишь печальный случай помог ей узнать такие подробности о жизни виконтессы. Чужие тайны должны оставаться тайнами!

До следующей площадки они шли в молчании. Голубая башенка утопала в незабудках и ромашках. Незатейливые цветы и стены цвета индиго успокоили и расслабили, а уютная полянка, заросшая голубым мхом, позволила расстелить пледы и перекусить. Пока Амелия вместе с детьми расставляла кувшины и тарелки, виконтесса продолжала понемногу рассказывать историю Священного леса:

– Когда-то на острове была одна малюсенькая часовня, и две пожилые служительницы. Они укрыли у себя наследницу престола, во время Кровавой войны. Никто и подумать не мог, что на пустом острове можно спрятаться. Потом наследница стала королевой Фредегондой Первой, и в благодарность построила Алый храм. Остальные появились позже, их добавляли ее наследники. Считалось хорошим тоном, если королева или принцесса вкладывают часть своего приданого в обустройство этого острова.

– А почему Священный лес, а не Священный остров? – спросила Илана, откусывая кусочек булочки с джемом.

– Каждое дерево здесь посажено женщинами из королевской семьи, – ответила леди Флайверстоун, – это старались подчеркнуть, вот и стали называть остров «лесом». А со временем деревья разрослись, а название прижилось.

Закончив трапезу, гости обитатели умылись у маленького питьевого фонтанчика и двинулись дальше. Зеленая часовня была вся увита плющом. Желтую окружали заросли «золотых шаров» и подсолнухов. Оранжевая не производила сильного впечатления, но виконтесса уверила, что она особенно хороша осенью.

До Алого храма – самого большого и яркого добрались уже еле-еле. Дети сразу упали на скамью в ажурной белой беседке, а дамы задержались, разглядывая буйство алых роз, маков, глянцевого анемонов, махровых гвоздик и горделивых алых лилий. Стены храма

были красно-коричневыми, но окна, двери и мелкие архитектурные детали подчеркивались глазурованными алыми плитками.

– В этот храм принято заходить в одиночестве, – негромко сказала Амелии виконтесса, – сходите, я побуду с детьми!

Девушка медленно пошла по красному кирпичу дорожки к двери. Вошла и замерла. Она ожидала увидеть примерно то же, что в остальных часовнях – подобранный по цвету интерьер, сияющие алые витражи, алую завесу. Но все оказалось немного иначе. Витражи были и даже алые. Солнце, давно прошедшее полуденную точку, просеивало лучи сквозь стекла различных оттенков красного, и бросало их на абсолютно белый пол! Белые стены, белый потолок. Белая глыба алтаря, лишенного покровов. Из-за красного стекла в окне казалось, что пол и стены покрывают лужи крови, и это пугало.

Последняя часовня знаменовала собой любовь, и здесь Амелия хотела поблагодарить Светлых за возвращение супруга, но ей почему-то стало страшно. Она преклонила колени, и прикрыв глаза, чтобы не видеть буйства алого цвета самыми простыми словами высказала то, что накопилось у нее на сердце. Какое-то время вокруг стояла звенящая тишина, а потом вкрадчивый голос поинтересовался:

– Разве ты не мечтаешь стать возлюбленной принца? Взгляни, как он хорош!

От неожиданности Амелия распахнула глаза и увидела над алтарем магическую иллюзию. Мужчина лет тридцати, одетый с роскошью и утонченностью записного франта расхаживал туда-сюда вдоль огромного камина, украшенного королевским гербом. Он что-то резко говорил невидимому собеседнику, и жестами прогонял его прочь.

– Нет, – искренне сказала девушка, – я хочу любить своего супруга, быть ему доброй женой и если Светлым будет угодно, подарить ему наследника.

– Принц осыплет тебя украшениями... – вкрадчивый голос почти шептал и этот шепот проникал в уши, заползал в голову, мутил сознание, пугал.

Иллюзия между тем сменилась видениями шкатулок, полных украшениями, роскошных нарядов, изысканных покоев. Амелия осталась равнодушной. Она успела побывать во дворце и в других

богатых домах столицы, и убедилась, что самая роскошная комната может оказаться сырой, неудобной и пыльной.

– Нет, – твердо сказала Амели.

– Ты любишь почести? Любовница принца может стать женой, или просто очень влиятельной особой!

Иллюзия сменилась – перед растерянной девушкой предстала вереница важных сановников, роскошно одетых дам и смущенных юниц. Все они заглядывали ей в лицо, кланялись, слащаво улыбались, говорили комплименты... Пришлось зажать уши и еще раз твердо сказать:

– Нет!

– Жаль! – голос звучал разочарованно, – что ж, тогда все будет иначе!

После этой фразы иллюзия лопнула черно-алыми осколками, и в часовне стало тихо. Амелия подождала еще немного, потом поднялась, разминая затекшие ноги, промокнула платочком выступивший пот и торопливо выскользнула из просторного помещения. Кажется, теперь она не скоро вернется сюда!

Глава 37

Заперевшись в кабинете вместе с Флаем, граф дю Боттэ до самого вечера улаживал дела: оплачивал счета, писал письма, оставлял распоряжения по завершению ремонта в доме. Когда до ужина оставался час, они торопливо вышли к фиакру, чтобы забрать дам и детей с пристани Священного леса. Кучер их уже ждал – он сразу сел на свое место, подобрал поводыя и погнал коней по улицам, спеша к причалу.

В дороге мужчины молчали – сказывалась усталость и переполненность впечатлениями. Дю Боттэ все еще не мог поверить тому, что его отпускают из столицы, и даже с преференциями. А Флайверстоун переживал встречу с юной фрейлиной и сам того не замечая погружался в мечты. Когда впереди показался скромный монастырский причал, мужчины одновременно подались вперед – оказалось, они немного задержались, поэтому дамы и дети уже стояли на грубом деревянном настиле, вежливо прощаясь с послушницей.

Взмах длинного весла совпал с последним лучом заката, упавшим на воду. Искра отразилась от темной поверхности и угодила прямо в глаза кучеру графа. От неожиданности тот натянул поводыя, заставляя коней притормозить и в эту минуту рядом с графиней сгустился воздух, раскрылся зев портала и чьи-то сильные руки втянули Амелию внутрь.

Все вместе заняло не больше минуты! Ошеломленный граф слетел с подножки, бросился к виконтессе и детям, но было поздно – его жену украли у него на глазах! Флай спрыгнул следом и сразу догнал друга:

– Мама, ты видела кто это был?

Леди Флайверстоун посмотрела на сына широко распахнутыми глазами:

– Это был принц!

Дю Боттэ сориентировался моментально:

– Во дворец нас не пустят, но... Флай, отвези детей в особняк, пусть готовят карету.

– Что ты задумал? – растерялся виконт.

– Узнаешь. Или не узнаешь, – криво усмехнулся граф и Флайверстоун вздрогнул. Именно с такой улыбкой дю Боттэ остался на той полянке, прикрывать солдат, уносящих друга.

– Чем я могу тебе помочь?

– Сбереги детей, – попросил Жак, – если все получится, мы уедем в поместье. Если не получится, школы оплачены до конца, просто навещай их иногда.

Сжав на прощание руку друга, Эммет – Жаккард не стал терять времени – выбежал на площадь, остановил извозчика и скомандовал:

– На Дворцовую!

Рысак резво дернул легкую коляску, а в груди графа затикали часы. Сколько времени понадобится принцу, чтобы притащить Амелию в свою постель? Как именно звучала клятва, он не знал. Возможно, Наследнику будет достаточно уложить графиню дю Боттэ поверх покрывала, но остановится ли он, разглядев нежную красоту юной женщины? Не пожелает ли получить компенсацию за хлопоты?

Однако примерно на середине пути Жак отодвинул дурные мысли и принялся планировать проникновение во дворец. Где находятся покои наследника он знал. Только кто знает, где проводили открытие портала? Дело непростое, трудоемкое, требующее подготовки и заранее выписанных знаков на полу и на стене. Значит это либо пустующие комнаты, в которых есть белые стены либо... подвал! Именно! В подвале-леднике гладкие каменные полы чтобы укладывать лед, беленые стены для чистоты и вечерами там никого нет, ведь припасы клюкницы выдают с утра!

Значит нужно подъезжать ко дворцу не с центрального хода, а там, где почти круглосуточно мельтешат слуги! Дернув извозчика за широкий кафтан с желтой нашивкой, граф приказал ему немного сменить направление и погонять.

– Доплачу! – сказал он, перебрасывая молодому еще парню крупную серебряную монету.

Тот понял правильно и лихо свистнул, подгоняя коня. Через десяток минут граф вывалился из экипажа, вознаградив возницу еще одной монетой. «Черные» ворота уже заперли, но через калитку еще ходили люди. Приняв самый высокомерный и слегка блудливый вид, дю Боттэ просочился через калитку вспомнив дядюшку, тот ровно с таким же лицом зажимал в доме горничных.

Его пропустили, но попасть на территорию дворца – мало. Здесь десятки флигелей, павильонов, беседок и домиков. Еще больше – хозяйственных построек, ведущих то в прачечную, то в кладовую. Где искать вход в подвал? И тут Жак вспомнил слова генерала о том, что гангуты чуют свои половинки. Он остановился, прикрыл глаза и прислушался всем телом, стараясь как можно подробнее вспомнить Амелию. Ее глаза, улыбку, запах, мягкость волос и нежность рук... Когда в груди заныло и потянуло к «семейному» королевскому крылу, дю Боттэ понял, что принц уже утащил графиню в свою «берлогу», а значит времени на размышления не осталось.

Крылья распустились сами, превратив в лохмотья его одежду. Сорвав лоскуты Эммет-Жаккард, взмахнул черными перьями, как на тренировке, поднялся к окнам второго этажа, и выставив вперед ноги приземлился на балкон. Прислушиваться и присматриваться не стал – чувствовал, что времени у него все меньше. Просто ударил окаменевшим кулаком в стекло, и шагнул в комнату.

На постели бились двое. С первого взгляда можно было подумать, что кто-то жарко сплетается в любовном объятии, особенно потому, что мужчина был только в штанах и распахнутой рубашке, а платье женщины потеряло все пуговицы и готово было уступить напору. Но Жак видел, что Амелия борется всерьез, защищаясь руками и ногами, а ее щека уже наливается тяжелой краснотой от увесистой затрещины.

Один миг, и гангут сдернул насильника с жены, подхватил ее на руки, прижал к себе укрывая крыльями.

– Милорд! – слезы градом посыпались на его обнаженную грудь.

Больше графиня не сумела ничего сказать – оглушенный ударом о паркет принц вскочил и заверещал, точно подстреленный заяц. Жак развернулся, пригвоздил Наследника тяжелым взглядом и сказал:

– Вы уже получили, что хотели, Ваше Высочество, и тем оскорбили меня и мою жену. Надеюсь, магия не примет ваш способ выполнить клятву!

В двери уже ломились, поэтому граф не стал тянуть – вышел на балкон, расправил крылья и позволил магии подхватить его распахнутые крылья. Лететь с грузом было непросто и дю Боттэ дернул углом рта, вспомнив, как генерал учил его транспортировать «раненого товарища». Амелию еще на балконе пришлось перехватить под живот, повесить на сомкнутые руки, словно штандарт, чтобы

держат правильный баланс, но жена все понимала – закусила губу и молчала, пока он планировал в маленький сквер, стараясь принять удар о землю собственными ногами.

И все же не удержался – шаловливый ночной ветерок запарусил крылья, опрокинул, протащил по газону. Жак сжался в клубок, прикрывая Амелию, потом пошатываясь поднялся на ноги, не обращая внимания на ссадины и ушибы.

– Миледи! Нужно идти! Скорее!

Графиня молча поднялась, утерла кровь с закушенной губы, стянула одной рукой разорванный лиф платья и похромала к мужу. Жак крепко обнял ее убрал крылья и потянул к выходу из сквера объясняя:

– В особняке готова карета. Флай отвез детей. Выедем прямо сейчас, дадим взятку на воротах и уже к рассвету будем далеко от столицы.

Амелия молчала. Поначалу Жак этого даже не заметил – его волновала возможность быстрее добраться до особняка. Он поймал извозчика, кинул монету, чудом удержавшуюся в пояском кармашке, потом обнял жену, укрывая ее от ночной прохлады и заглянул в лицо. Она была все так же бледна и молчалива:

– Тебе нужен доктор? – сообразил спросить Эммет-Жаккард, разглядев не только опухшую щеку и заплаканные глаза, но и царапины на шее.

Платье Амелии было закрытым – дамы ведь отправлялись на прогулку в обитель, а теперь разодранный сверху до низу лиф демонстрировал мягкие полушария груди, выпирающие косточки корсета и ключья кружева нижней сорочки. Юбки пострадали меньше лишь потому, что легко задирались, а вот что там под ними?

В ответ на его вопрос жена лишь пожала плечами, баюкая прижатую к груди руку. Жак бережно взял ее и благодаря все еще не перестроившемуся зрению увидел алые полосы от локтя до запястья.

– Принц вывернул тебе руку, когда схватил? Еще где больно?

Амелия закусила губу и потупилась.

– Он успел? Там тоже болит?

Графиня отчаянно замотала головой, и слезы посыпались, как горох.

– Амелия, я спрашиваю не потому, что считаю тебя виноватой! – Жак мягко обхватил ее голову руками и заглянул в глаза, – я спрашиваю, потому что мне нужно знать, какого врача звать. Порой лекари отказываются помогать женщинам в чем-то специфическом, для этого обычно вызывают повивальную бабку. Так вот я еще раз спрашиваю – звать эту женщину для тебя? Или хватит обычного доктора?

Амелия вновь не произнесла ни слова, но активно трясла головой отказываясь от помощи женщины.

– Я очень рад, что принц не успел, – граф мягко привлек жену к себе, обнимая ее дрожащие плечи.

Глава 38

Когда коляска остановилась у ворот особняка, Амелия пригrelась и перестала трястись. Жак вынес ее на руках, приказал привратнику заплатить кучеру и не спуская жену с рук, зашагал к особняку.

В доме никто не спал. Виконт и виконтесса вместе с детьми ждали хозяина дома в ближайшей к холлу гостиной. Увидев Амелию, леди Флайверстоун вскочила, но удержалась от лишних возгласов, просто сухо сообщила:

– Милорд, нужна ванна, одежда и камеристка. Возможно доктор.

– У нас не более часа, – сразу предупредил граф, – я не знаю, что наплетет стражам принц, но нам лучше как можно скорее убраться из города. Лекарь есть в нашем поместье. Сейчас миледи нужно помыть, переодеть и обезболить. Все остальное утром.

– Я постараюсь успеть, – пообещала виконтесса, пока дю Боттэ сгружал жену на кровать.

Мисс Кьюри влетела следом, и две женщины тут же захлопотали над юной графиней. Платье просто срезали. Воду нагрели амулетом, и опустили плачущую от боли девушку в теплую ванну.

– Соль, фиалковая вода и мазь с арникой. Придется потерпеть, дорогая. Жак прав, вам стоит как можно скорее уехать... – говорила виконтесса, кадая в стакан обезболивающий элексир.

Болтая обо всем и ни о чем, женщины в четыре руки вымыли Амелию, завернули в простыню, шлепнули на лицо компресс с бодягой, намазали тело арникой, календулой и ромашковым бальзамом. Потом облачили в самое мягкое домашнее платье – даже без корсета! И наконец заплели влажные волосы в косу, чтобы не задерживать отъезд.

Внизу же шел серьезнейший разговор. Граф обсуждал с виконтом способы обмена сообщениями:

– Держи меня в курсе всех столичных сплетен и дел. Газеты до нас дойдут, но поздно, лучше присылай вестника, или шляпку.

– Шляпку? – Флай впал в ступор.

– Спроси у маменьки, – хмыкнул Жак, – заказ из модного магазина даже в глушь доставят быстрее почты, и никто этому не

удивится. Любая безделушка из модного дома мадам Ланвен прилетит в Боттэ-холл за полдня.

– Понял. Завтра постараюсь навеститься во дворец, есть у меня там, кого расспросить...

Виконт говорил уверенно и граф не стал задавать лишних вопросов – есть, значит есть. Закончив беседу с другом, он набросал несколько записок и приказал слугам подавать карету. Как только по гравии прощуршали колеса, Жак сам отвел детей на крыльцо, усадил их в огромный деревянный ящик с гербом дю Боттэ и закутал в пледы:

– Можете пока подремать, ехать придется всю ночь, – сказал он.

Лакеи тотчас поставили в карету ножную грелку, корзину с припасами и несколько фляг с горячим чаем и подогретым вином. Когда все еще бледную, закутанную в огромную шаль Амелию свели вниз, все уже было готово. Мисс Кьюри усадила хозяйку, обложила подушками, и завернувшись в плащ, уселась рядом. Граф и пятерка крепких лакеев должны были ехать верхом.

Простившись с Флаем и его матушкой, Жак махнул рукой, давая команду отправляться. Кучер тронул поводья. Небольшой, но хорошо вооруженный отряд проскользнул по сонным улицам, до площади у ворот. Там все сладили быстро – получив кошелек, стражи заглянули в карету, увидели детей и пару измученных женщин, поверили, что родственницы спешат к роженице и пропустили.

Карета радостно загрохотала по грубому камню королевской дороги. Кони стучали подковами, свежий ветер оведал лицо, а граф с каждой минутой чувствовал необъяснимую тревогу. Что-то волновало его не смотря на успешный побег из столицы. Особняк? Ерунда. Слуги запрут дом, бумаги он забрал с собой, и даже если король откажет ему в титуле и землях, в поместье довольно тайников – на жизнь им с Амелией хватит. В крайнем случае... они уедут в Гангутию. Попросят убежища у генерала Корадиса и его милой жены. Это конечно моветон, но его поймут, генерал ведь сам спас любимую женщину из лап принца. Правда в родной стране его назовут предателем... От одной мысли об этом у Жака стыла в жилах кровь, но он понимал, что пойдет на все. Ради Амелии. Ради ее брата и сестры. Ради их собственных возможных детей!

Дети? Что если его жена беременна? Граф насупил брови и придержал коня, стараясь заглянуть в окно кареты. Пока трудно

сказать, но его опыт военной жизни подсказывал – порой женщины умудряются зачать с первой ночи, и носят дитя в таких условиях, в которых мужчина давно бы умер от истощения. Принц не успел ничего сделать, виконтесса специально спустилась вниз и сообщила шепотом, что белье графини уцелело, хотя ноги покрыты царапинами и синяками. Но что, если Амелия напугалась и не подпустит к себе даже супруга? Такое Жаку тоже случалось видеть. Нужно будет поговорить с ней...

Вот тут граф ощутил, что ему будто ударили под дых: поговорить! За все время, которое прошло между его появлением в опочивальне принца и посадкой в карету, Амелия не произнесла ни слова! Даже плакала молча! В горле моментально пересохло – Наследник пережал ей горло? Запугал? Угрожал? А может применил магию, чтобы женщина не кричала? Ведь на постели она боролась молча!

Невольно пришпорив коня дю Боттэ вырвался вперед. Скорее, скорее в Боттэ-холл! Там есть отличный доктор, обладающий кое-каким магическим потенциалом. Он должен... Он сумеет снять заклятие! Карета трещала, скрипела, но катилась мучительно медленно. Когда над верхушками деревьев зарозовела заря, до границ поместья оставалось еще около двадцати миль.

Сделав остановку в придорожной деревеньке, граф растормошил сонных детей, помог им умыться и съесть по булочке с чаем. Амелией занималась мисс Кьюри, но Жак находился рядом, помогал жене дойти до колодца, поддерживая, уговаривая выпить чай с капелькой бренди. Его жена двигалась, пила, отщипывала кусочки булки, но... молча. Попросив камеристку подождать с детьми у кареты, дю Боттэ отвел свою леди в сторону, усадил на чурбак и спросил:

– Ты испугалась моих крыльев?

Амелия вскинула удивленные глаза и помотала головой.

– Ты обиделась и не желаешь говорить?

Изумленный взгляд стал ему ответом.

– Принц... сдавил тебе шею?

Девушка сглотнула, прикоснулась пальцами к высокому воротничку и сделала такое движение, словно дергала его.

– Порвал платье и сделал этим больно?

Кивок был утвердительным.

– Ты кричала?

Амелия закусила губу и снова кивнула.

– Принц кинул заклинание немоты?

Графиня пожала плечами.

– Ты не знаешь кто кинул и какое заклинание, но говорить не можешь? – понял ее выразительную мимику Жак.

Вот теперь Амели снова кивнула одобрительно, а в уголках глаз начали скапливаться слезы.

– Значит доктор может помочь, – успокоился дю Боттэ и обнял супругу. – Наш док слабый маг, и любит сложные случаи. Не плачь мое сердечко...

Объятия и поцелуи успокаивали их лучше бренди, но вскоре иллюзорное уединение нарушили голоса лакеев, храп коней и с тяжелым вздохом Жак разорвал объятия:

– Идем в карету, моя леди, еще пара часов, и будем дома.

В Боттэ-холле их не ждали. Сонный управляющий выполз на крыльцо, и явно собирался побранить путников, свернувших не туда, но увидев графа моментально проснулся, поднял слуг. Пока в доме открывали комнаты, сдирали чехлы и застилали кровати чистым бельем, все разместились в беседке. Из кухни принесли горячий чай, тосты, джем и свежесбитое масло. Они позавтракали, любуясь слегка запущенным садом, низким и широким старинным домом с деревянными колоннами по фасаду, и медленной речкой, текущей внизу, среди заливных лугов и покрытых всходами полей.

Когда управляющий с поклонами пригласил хозяина и хозяйку в дом, Амелия была удивлена. Внутри все было простым и уютным, как в любом сельском доме. На широкое крыльцо выходили высокие двустворчатые двери. За ними располагалась небольшая прихожая, из которой расходились во все стороны, прикрытые кисеей от насекомых дверные проемы.

– Кухня слева, – объяснял и показывал Жак, – она пристроена отдельно, мама не любила резких запахов в доме, а папа очень ценил простые сельские блюда, которые готовятся часами. Так что тут просто боковая дверь и коридор. Справа купальни. Тоже отдельное строение с мостками до самой воды. Здесь все устроено просто, так что прачки работают тоже там. Прямо гостиная, библиотека и бильярдная. Гости мужчины любят погонять шары, пока дамы щебечут за чаем.

Эммет-Жаккард старался рассказывать подробно, понимая, что Амелии неудобно задавать вопросы.

– Это поместье самое близкое к столице, поэтому сюда мы часто приезжали летом, чтобы отец мог ездить на службу, и в то же время отдыхать на природе. Дом очень старый, но его не перестраивали, просто постепенно вынесли все службы за пределы, главного здания, заменили отделку стен и кое-какую мебель.

Хозяйская спальня в доме была одна на двоих. Огромная старинная кровать, украшенная резными крылатыми львами, произвела на молодую графиню сильное впечатление. Граф же провел пальцами по тонко вырезанным перьям и пробормотал:

– Надо же, я про них забыл. Складывается впечатление, что среди моих предков был гангут...

Кроме кровати в спальне нашлось окно со старинным свинцовым переплетом, пара огромных хозяйских сундуков, полных до самого верха какой-то одеждой, туалетный столик с потемневшим зеркалом и таз для умывания за ширмой. Все основательное, старинное и красивое, но громоздкое и неудобное.

Напротив спальни расположилась детская с коробом старых игрушек и кроватью для няни. Еще нашлась парочка самых простых гостевых комнат, рукодельная, лакейская...

– Когда к нам приезжали гости, – чуть смущаясь рассказывал граф, – матушка приказывала поставить парусиновые складные кровати в рукодельной и в бильярдной. Все понимали. А однажды в гости заглянул герцог Вандом, он мамин родственник, так он просто приказал своим людям поставить его дорожный шатер у нас на лужайке, и в нем уложили всех детей с няньками, а для взрослых нашли кровати в доме.

Амелия ласково погладила мужа по руке, показывая, что дом ей понравился. Не успели они расположиться в комнатах, как на аллее показалась простенькая коляска.

– Доктор приехал! – поспешил доложить управляющий.

Крепенький седовласый мужчина в полотняном пыльнике и широкополой соломенной шляпе чинно сошел с подножки и радостно приветствовал графа:

– Дю Боттэ! Рад вашему возвращению в родные пенаты!

– Доктор Миллиган! И я рад! Простите, что подняли вас так рано, моей супруге нужна ваша помощь!

– Вас можно поздравить? – обрадовался док избавляясь от пропыленного облачения.

Жак глянул сумрачно и ответил:

– Я и сам не знаю. Давайте зайдем в дом, я вам все объясню.

Глава 39

Увидев графиню с огромным синяком на пол-лица, доктор яростно встопорщил усы. Но Жак сразу поднял руки:

– Док, это было нападение! Мы ехали из столицы всю ночь, и моей жене нужна ваша помощь!

Когда по настоянию мужа Амелия показала синяки и царапины на руках и шее эскулап спешно открыл свой саквояж и осведомился:

– Миледи, вам больно дышать?

Молодая графиня беспомощно оглянулась на графа.

– Моя жена не может говорить, док, – сказал вместо нее Жак. – Я не знаю, что это было – заклятие или просто страх. Леди Амелия носила корсет, когда на нее напали, но тот, кто сделал это был очень силен. Я не знаю, что с ребрами и какие еще могут быть повреждения.

– Тогда позвольте...

Док Миллиган быстро и аккуратно провел руками по талии пациентки, заметил расширившиеся зрачки и приоткрытый в беззвучном крике рот, потом выслушал бешено бьющее сердце, поводит у горла прозрачным кристаллом, фыркнул, когда камень налился желтизной и наконец сделал выводы:

– Речь пропала из-за заклинания. Его криво наложили, предполагалась временное молчание, но леди вероятно кричала и тем повредила нормальный ток силы...

От этого бормотания у Жака мороз прошел по коже. Амелия потупилась, и он взял ее за руку, успокаивающе поглаживая пальцы. Кричать, не издавая не звука – страшно!

– Я подправлю, что смогу, через несколько дней речь вернется. Пока горло нужно беречь, полоскать, как при ангине, не пить холодное и не пытаться говорить. Я напишу рецепт. Для синяков мазь с бодягой, для царапин арника, а трещину в ребрах придется подлечить. Прошу вас расстегнуть платье, миледи.

Амелия беспомощно взглянула на Жака, тот вздохнул и объяснил:

– Док, на мою супругу напали. Буквально вчера. Ей страшно.

– Вы можете быть рядом и держать ее за руку, – сказал в ответ Миллиган, – если трещину не залечить сейчас, могут быть крайне

неприятные последствия. Поездка в карете не пошла костям на пользу. Мне нужно только прикоснуться к телу, на пять-шесть минут.

Эммет все понял. В армейском госпитале он видел «последствия» – перекошенные фигуры, торчащие под странными углами кости. Ломать и сращивать их заново было той еще мукой.

– Амели, моя Амели, – граф присел перед женой заглядывая в лицо, – я немного расстегну твоё платье и док дотронется до твоей кожи. Это не больно, разве что немного горячо. Я буду рядом, буду держать тебя за руку. Потерпишь? Я очень-очень прошу тебя!

Под это бормотание Жак расстегнул пуговицы, распустил завязки и открыл доку «оконце» достаточное, чтобы просунуть ладонь. Ворча о том, что современные дамы носят на себе слишком много ткани, Миллиган просунул руку под платье, отодвинул распущенный вырез сорочки и уложил ладонь на липкую от холодного пота кожу молодой женщины.

– Ага, – глубокомысленно заявил он через полминуты, – давайте-ка милорд, поддержите старика, чтобы вашей леди не пришлось пить снотворное на ночь. Ей это теперь вредно!

– Что? – граф не сразу понял, а когда догадался задохнулся от нахлынувших чувств.

– Быстрее, быстрее! – поторопил его лекарь, поток должен быть ровным!

Жак шлепнул ладонь на шею дока, делясь магической силой, и увидел, как по руке лекаря бегут крохотные золотистые искорки исцеляющей магии. Да, Миллиган не был особенно сильным магом, но искусности ему не занимать! И сейчас он сказал, что Амелия беременна! Мир покачнулся и встал на место от озадаченных слов целителя:

– Ох, какой сильный малыш! Тянет, почти как взрослый! И не скажешь, что пока размером с горошину!

Сердце дю Боттэ окатило волной страха – что, если ребенок унаследует его крылья? Генерал уверял, что это редкость, но...

– Вот теперь все в порядке! Эээ, – док перехватил пошатнувшегося от слабости графа и направил его на диванчик, – эй, кто там есть! – крикнул он в двери, – подайте горячего чаю, мяса и сыра! Милорду и миледи нужен плотный обед! Миледи, вам нужно

обязательно выпить горячего бульона, а лучше съесть хороший бифштекс и пудинг!

Амелия вскинула на врача изумленные глаза и Миллиган пояснил с добродушной усмешкой:

– Месяцев через девять граф получит наследника или наследницу. Но для этого вам нужно хорошо питаться и беречь себя! Ну что это такое! – всплеснул руками док, когда графиня вдруг обмякла и едва не сползла на пол из кресла.

– Что с ней! – вскочил Жак.

– Да разволновалась ваша леди сильно! Не переживайте. Хотя... – врач цепко взглянул на графа: – вы же понимаете, что на леди напали только вчера и этот ребенок абсолютно точно ваш?

– Понимаю, мистер Миллиган, – прохладно ответил Эммет, – на мою жену напали, но сделать ничего не успели. Я прибыл вовремя. Поэтому я абсолютно уверен, что ребенок мой. Даже магическая диагностика не может определить беременность через несколько часов после зачатия. Требуется несколько дней.

– Вижу вы интересовались вопросом, – прокомментировал выпад доктор.

– Я офицер, – коротко ответил Жак. – Иногда девицы, заночевавшие в стогу с кадетом, прибегали наутро, требуя жениться. Или приносили детей в казармы. Приходилось разбираться с привлечением лекаря.

– Что ж, я рад, что вы все понимаете, милорд, – вежливо склонил голову доктор. – А сейчас непременно ланч!

Слуги споро накрыли на стол, выставив копченую грудинку, простецкое деревенское рагу, куриный бульон и свежие овощи. Горячая еда быстро вернула всем хорошее настроение и силы. Доктор рассказывал местные новости и байки из своей долгой интересной жизни. Граф скупово поведал о свадьбе и королевском празднестве. Дети хвастались учебой в магической школе и своими способностями. Услышав, что Иле полезно гулять среди животных, Миллиган пообещал юной мисс отличную прогулку на ферму, а Брису посоветовал тренироваться на крохотном островке, посреди реки.

– Вода сейчас тихая, а камень тот пустой, можно рассыпать искры, сколько душе угодно!

Эммет мысленно благодарил дока, и замечал, что Амелия начала потихонечку оживать. Когда дети убежали в сад, а мисс Кьюри увела усталую графиню отдохнуть с дороги, мужчины разлили по бокалам портвейн, док вынул из кармашка сигару, закурил, выдохнул ароматный дым и сказал:

– А теперь скажите мне, граф, что же такое с вами случилось?

Эммет задумался, покатав во рту глоток золотистого вина и коротко ответил:

– На мою жену напал наследный принц.

Док философски пыхнул сигарой:

– Что ж, если вы успели вырвать супругу из его лап, значит нам стоит ожидать здесь гвардию?

– Не все так просто... – граф вспомнил беседу с королем. – Если подходить формально, клятву он выполнил, графиня дю Боттэ лежала в его постели. Мой друг остался в столице и будет держать нас в курсе дел. При малейшей опасности мы уедем.

– Значит стоит послать мальчишку к старой заставе, – подсказал Миллиган, – оттуда хорошо видно королевский тракт и у вас будет полчаса, чтобы вывести коней.

– Спасибо за совет, док! – поднял бокал Жак.

Мужчины посидели еще немного, наслаждаясь летним днем и обществом. Потом за доктором прибежал взволнованный слуга из соседнего поместья и Миллиган откланялся.

Проводив доктора, граф сразу же прошел в спальню к жене. Амелия спала, свернувшись в клубок поверх покрывала, зябко кутаясь в большую кашмирскую шаль. Жак присел рядом, всматриваясь в тонкое измученное лицо, потом не касаясь провел рукой над ее волосами. Нужно ждать вестей. Похищение благородной дамы, открытие портала в центре города, это преступления, которые не пройдут без последствий даже для принца. Но многое будет зависеть от короля. Пока Амелия спит, нужно отдать распоряжения. Док прав – иногда побег лучший выход.

Следующий час граф дю Боттэ организовывал караульные посты, охранение и дорогу для быстрой эвакуации. Двухолка с припасами встала на старой дороге. Телега с крестьянской одеждой и скудным скарбом притаилась у королевского тракта. Несколько мальчишек из деревни разместились на всех возвышенностях вокруг поместья имея

при себе амулеты связи из личных запасов графа. Все было готово к любому исходу.

Амелия проснулась, умылась, выслушала восторги детей, поклевала клубнику, собранную в саду, и снова ушла спать. Жак встревожился. Он знал, что некоторые люди лучше переживают стресс во сне, но разве его жена такая? Впрочем, что гадать... Проверив, что детей разместили в детской и мисс Кьюри читает им огромную книгу сказок, найденную на полке, граф проскользнул в спальню. На этот раз Амелия переделалась в ночную сорочку с глухим воротом, нацепила чепец и натянула одеяло до самого носа. Ничего. Скоро ей станет жарко, ведь за окном лето, и бастион выкинет белый флаг. А пока нужно поспать, скопить сил для завтрашнего дня. Их судьбы и жизни висят на тонком волоске королевской воли! С такими мыслями Жак прилег на свободную половину кровати, и закрыл глаза.

Глава 40

Лорд Флайверстоун нервничал. Он трижды сменил жилет и уже пятый раз перевязывал узел на галстук. Ему все казалось, что модная вариация «контрабас» выглядит фривольно. Когда камердинер печальным взглядом проводил очередной измятый галстук, в двери деликатно стукнули, и в спальню сына заглянула леди Флайверстоун:

– Сын, ты опаздываешь, на тебя не похоже...

Тут вдовствующая виконтесса оценила кипу смятых рубашек, отвергнутых жилетов и пожеванных галстуков, элегантно приподняла бровь и вошла:

– Позволишь помочь? – пара движений и элегантный узел лег, как надо. – Красавец! – нежно улыбнулась любящая маменька и уточнила: кольцо возьмешь?

– Какое кольцо, матушка? – поперхнулся воздухом Флай, стремительно краснея.

– Сынок, – безмятежно улыбнулась леди, – я знаю тебя вот уже двадцать восемь лет. На моей памяти ты лишь дважды менял рубашку и жилет, в тот день, когда пошел в школу и когда отправлялся в полк. Если кто-то или что-то заставило тебя сделать это в третий раз... значит моя будущая невестка невероятная умница и красавица!

Флай покраснел еще гуще, а леди Флайверстоун рассмеялась, похлопала его по рукаву, и напомнила:

– Возьми кольцо, умные девушки ценят фамильные драгоценности. И не тяни, познакомь невесту с мамой, осенью получатся самые красивые свадьбы!

С этими словами виконтесса вышла, оставив сына самому принимать решение.

Виконт чуть-чуть колебался. Дело было в том, что фамильная реликвия Флайверстоунов выглядела довольно скромно. Тонкое серебристое колечко с тремя мелкими камушками, похожими на осколки стекла. Другое дело, что это было знаменитое «звездное серебро» и ледяные кристаллы, выращенные с помощью волшебства из слез первого виконта. Редкие магические ингредиенты,

превращенные кровью и волей первого в роду сильного мага в мощный защитный артефакт.

Флай еще помнил, как возмущалась его матушка, говоря, что мужчины рода Флайверстоун отлично позаботились о своих женах и дочерях, но безалаберно отнеслись к собственным жизням. Фамильный перстень виконтов был обычным украшением, и служил печатью для важных документов.

Вспомнив серые омуты глаз, Флай все же открыл зачарованную на его кровь шкатулку, и вынул тонкий серебристый ободок. Надел его на мизинец, и стараясь не смотреть на себя в зеркало, торопливо вышел из комнаты.

Поездка во дворец за новостями только внешне выглядела как обычно. Опытный глаз леди Флайверстоун отмечал дополнительные наряды стражи на территории парка, суету в семейном королевском крыле и группки взволнованных фрейлин в галереях и приемных. К тому же на въезде в королевскую резиденцию у них довольно строго спросили цель визита.

– Я вдовствующая виконтесса Флайверстоун! – леди нетерпеливо похлопала веером по бархатной обивке коляски. – Загляните в список гостей графини Невилл!

Стражники действительно открыли потрепанную тетрадь, нашли леди в списке допущенных и узнав, что ее сопровождает сын, все же пропустили гостей, яростно дергая усами.

Заранее договорившись, мать и сын неспеша добрались до центральной лестницы и разошлись. Вдовствующая виконтесса отправилась в гости к своим подругам – статс-дамам и фрейлинам королевы и принцессы. А Флай решил прогуляться по парку в тайной надежде встретить леди Грендель.

Его надежды оправдались – несколько дам из свиты принцессы устроили игру в мяч на тенистой лужайке. Смеясь, девушки бегали по аккуратно постриженной траве, приподнимая юбки, на радость прогуливающимся кавалерам. Принцесса бегала вместе с подругами, весело пиная большой мяч, сшитый из лоскутов кожи и набитый хлопком. Леди Виола сидела на скамеечке любуясь игрой, и карауля целую грудку сумочек, вееров, платочков и прочих дамских мелочей.

– Добрый день, леди Грендель, – Флай деликатно подобрался поближе.

– Добрый день милорд!

Девушка обернулась, и виконт увидел, что ей очень хочется туда, на лужайку, бегать вместе с другими леди, слегка кокетничать и смеяться, но ее как самую серьезную и младшую оставили стеречь скамейку. Она уже не плакала и ее глаза сияли нежной безмятежностью рассветного озера. Флайверстоун загляделся, но все же вспомнил, зачем пришел:

– Вам, наверное, тоже хочется поиграть в мяч?

– Хочется, – ответила юная фрейлина, – но Ее Высочество не любит, когда теряются ее перчатки или веер.

– Буду счастлив сменить вас на посту! – галантно поклонился Флай.

– Ой, нет, простите, милорд, но я не хочу разгневать Ее Высочество!

Виконт увидел подлинный страх в ее глазах и отступил. Он еще помнил, как сам испуганным юнцом явился в полк и ревностно исполнял свои обязанности, не зная ничего, кроме скупых строчек устава.

– Тогда позвольте мне остаться рядом с вами, и развлечь беседой? – Флай решил действовать по правилам, принятым при дворе.

Девушке явно интереснее было наблюдать за игрой, чем беседовать с мужчиной, но она молча кивнула. Виконт скрыл улыбку. Такая юная и открытая! Именно простотой обращения и открытостью его подкупила Амелия, но Жак вернулся и, наверное, это к лучшему. Флаю нечем было переломить ситуацию с принцем. А дю Боттэ смог, и получил свой приз! Теперь же настало время Флайверстоуну доказать, что он достоин любви!

Больше часа виконт простоял возле скамейки, не мешая леди Грендель веселиться. Она стискивала кулачки, подпрыгивала на жесткой скамейке, иногда тихонько вскрикивала, когда нахальные кавалеры прятали мяч в кустах или нарочно выбивали на дорожку, чтобы подольше искать его с полюбившейся фрейлиной. Флай совершенно не обращал внимания на игру, он любовался леди Виолой и мечтал о том дне, когда эти прекрасные глаза будут смотреть только на него.

Игра закончилась, дамы подбежали к скамейке, обсуждая новости, делясь сплетнями. Принцесса заметила особое внимание виконта к ее фрейлине и попеняла ему:

– Лорд Флайверстоун! Не стоит так смотреть на леди Грендель! Она еще очень молода, и недавно появилась при дворе.

– Ваше Высочество! Прошу простить мою дерзость – Флай поклонился со всем возможным изяществом, – клянусь, что я любовался прекрасным цветком вашего сада исключительно с честными намерениями!

– Вот как! – принцесса блеснула глазами, – неужели вы готовы сделать предложение виконт? Должна вас предупредить, леди сирота, не имеющая средств. Маменька взяла ее ко двору из милости!

Королевская дочь явно хотела смутить навязчивого кавалера, но невольно довела свою даму до слез. О, это тонкое искусство речи! Принцесса в один миг сообразила, что наделала. Если сейчас виконт переведет все в шутку, леди Виолу заклюют соперницы. Пусть лорд Флайверстоун не настолько богат и знатен, как некоторые, но герцогов в столице можно пересчитать по пальцам одной руки, графов – по двум, а дам при дворе служит не менее сотни, и половина из них еще не замужем!

Однако Флай ни секунды не сомневался – он просиял и снова раскланялся:

– Ваше Высочество, я прошу у вас руки леди Грендель! Готов немедленно вести ее в часовню всех стихий, если вы позволите!

Принцесса замерла. Ей предлагали выход из ситуации! Красивый, благородный! Она бросила косой взгляд на закусившую губу, чтобы не пролить слезы фрейлину, оглядела ожидающих ее решения дам и неожиданно сказала:

– Сегодня во дворце очень скучно! Думаю, красивая брачная церемония нас развеселит!

Все тут же радостно загалдели, поддерживая внезапное желание развлечься.

– Надеюсь, у вас найдется кольцо, виконт? – принцесса старательно не смотрела на леди Грендель. Не хотела чувствовать свою вину.

– Найдется, ваше высочество! – еще раз поклонился Флай и постарался поймать взгляд невесты.

В серых озерах глаз вновь стояли непролитые слезы. Он шагнул вперед, собираясь поговорить с девушкой, но принцесса замахала руками, призывая на помощь кавалеров и дам.

– Нет-нет! Жених не должен видеть невесту до церемонии! Мы уходим, лорд Флайверстоун, а вам – в другую сторону!

Виконта тут же окружили гвардейцы и с шутками-прибаутками повели в кавалерскую, чтобы переодеть в мундир. Невесту, которая так и не ответила на предложение, увели дамы принцессы.

В кавалерской дым стоял коромыслом – менялись караулы, отдыхали заступившие на дежурство. Узнав в чем дело, виконту сразу предложили стакан грога и холодную говядину с овощами. Перекусил он с удовольствием, а от вина отказался, намекнув на грядущую брачную ночь.

На самом деле Флай опасался, что его взвинченное состояние плюс хмель помешают ему поговорить с нареченной, успокоить, объяснить, что иного случая сочетаться браком им могло и не представится. Ее Величество дама практичная, она предпочитает выдавать своих фрейлин замуж за нужных людей. Это у принцессы еще сохранились остатки романтичности и добросердечия, а легкий беспорядок в дворцовых делах, устроенный дю Ботте позволил сумасшедшей идее осуществиться.

К счастью, дамам требовалось гораздо больше времени, чтобы нарядить невесту, поэтому Флайверстоун успел послать домой за мундиром и орденами, и в назначенный час переминался у часовни, поджидая невесту.

Ее Высочество, устроила выход невесты с королевским размахом! Сначала к часовне подошла сама принцесса с малой свитой и стала на стороне невесты. Гвардейцы все поняли и заняли места за спиной жениха. Потом на дорожке, идущей из дворца, показались четыре девочки в простых белых платьях с розовыми кушаками. Они несли корзинки с зерном и розовыми лепестками, щедро насыпая их на юбки и сапоги всем желающим. Следом четыре фрейлины в скромных голубых нарядах несли бархатную сень, придерживая столбики, увитые цветами и лентами. А под сенью шла невеста...

Ее белое платье было абсолютно простым. Руки сжимали букет белых роз. Длинная кружевная фата покрывала ее от венка из флердоранжа, до шлейфа. Но шла она так легко, словно парила над

землей, и Флайверстоун воспарил вместе с ней. Он не сводил с леди глаз, и даже не запомнил церемонию. Очнулся, когда у него попросили кольцо для невесты. Снял с мизинца, надел на ее дрожащую руку и впервые выдохнул – моя!

Когда же под старинными сводами прозвучало:

– Можете поцеловать жену!

Флай благоговейно откинул фату, заглянул в серые озера и нежно-нежно коснулся губами губ. Он и не знал, что в его сердце столько нежности! Потом не слушая шуточек старых приятелей, виконт подхватил свою жену на руки и вынес из часовни. Поставил на траву, поклонился задумчивой принцессе:

– Просим прощения у вашего высочества, нам с супругой пора домой...

– Ступайте виконт, виконтесса, буду рада вас видеть при дворе.

Еще раз поклонившись, виконт и виконтесса Флайверстоун буквально сбежали, но... удрать окончательно им не удалось!

– Сынок! – окликнул их мелодичный голос в парке, – ты собрался домой? Не забудь свою старую матушку!

Флай поморщился, как кот зубной боли – потеряв голову от счастья, он обо всем забыл! А ведь гвардейцы в кавалерской поведали ему о нападении на принца!

– Матушка, позвольте вам представить леди Виолу в девичестве Грендель, мою жену!

Молодая супруга задрожала, бросила взгляд на колючую изгородь не дающую сбежать от пристального взгляда свекрови, тихонько вздохнула и прижалась к его боку.

Вдовствующая леди Флайверстоун оценила метания, и широко улыбнулась:

– Поздравляю, Жан-Поль! Поймал свою птичку? Уже? Я хочу об этом послушать!

Обняв Виолу Флай развернул ее к себе, заглянул в глаза и сказал:

– Это моя мама. Она не ест моих жен на завтрак.

– На ужин тоже не ем! – подхватила вдовствующая виконтесса. – Так что бояться меня не надо! От меня бывает польза, я, например могу прямо сейчас отправить горничную, чтобы забрать ваши вещи из фрейлинской комнаты. Кроме платьев и безделушек нужно забрать что-то еще?

Юная виконтесса покраснела и призналась:

– Мою кобылу. Звездочка стоит на конюшне рядом с конями принцессы.

– Тогда еще и грума добавлю! – пообещала виконтесса, – а пока, рассказывайте мне, как все произошло, а я поделюсь новостями про принца.

Флай на миг зажмурился, но маменьку не так-то просто было выбить из седла. Пока экипаж вез их по городу, виконт коротко рассказал матери, как ему удалось заполучить руку фрейлины принцессы.

– Сынок, ты сделал все верно! Я рада, что ты нашел свою прекрасную фиалку. А теперь коротко про нападение на принца.

Виконт выпрямился и задумчиво взглянул на молодую жену:

– Простите, что втягиваем вас в это, леди Виола, но вы наверняка слышали о клятве, которую наследник неосмотрительно дал на балу.

– Слышала, – негромко сказала девушка.

– Дю Боттэ мой друг. Он спас меня в той самой пограничной стычке с гангутами. Я помогал ему спрятать жену от наследника, но Его Высочество нашел мага порталыщика...

Молодая виконтесса прикрыла ладошкой рот. Порталы были весьма опасным делом, и если у мага не хватало сил или умения, для их открытия использовали жертвоприношения!

– Вот про этого мага я и узнала, – маменька Флая потеряла ручки в изящных лавандовых перчатках, – наше высочество портал открывал в подвале. Графиню с причала выдернули, принц ее в спальню утащил, а маг остался в подвале, расписанном рунами и залитом свиной кровью!

– Сил не хватило? – сообразил виконт.

– Он там и умер, – мрачно кивнула маменька. – Нашли слуги поутру. Привлекли службу магического сыска. Те дорожку до комнат принца проложили. А там... магия страшно не любит тех, кто пытается играть с клятвами...

– Принц жив? – осведомился Флай, понимая, что свеженькая сплетня уже несется по просторам столицы.

– Жив, и даже здоров, – фыркнула вдовствующая виконтесса, – только отныне не может прикоснуться ни к одной вещи с изображением короны! Любой предмет разрушается на глазах!

Виконт и его жена вытаращили глаза, переглянулись и захохотали! Королевский дворец полон корон! Резные украшения и узоры на тканях, печати, гербы, клейма на оружии и метки на одежде!

– Да-да, – блеснула глазами леди Флай, – о наказании догадались не сразу, искали злую волшбу, порчу, и прочие глупости. К счастью, королевский маг разобрался быстро. Так что утром Его Высочество пришлось срочно переодеть в исподнее из запасов полка, искать мундир без знаков различия, ведь на эполетах тоже есть короны, и даже завтрак в покои принца подавали в посуде для слуг!

– Почему? – поднял бровь Флай, видел он, что матушке не терпелось поделиться подробностями.

– Потому что герцогские, графские и баронские короны для принца столь же не переносимы! – объявила вдовствующая виконтесса и широко улыбнулась.

Леди Виола минутку подумала и с ужасом произнесла:

– Значит принц теперь станет простым лордом?

– Не знаю, какой выход найдет Его Величество, – пожала плечами леди Флай, – но на коронации все аристократы, имеющие корону, должны ее надеть! А принц не может коснуться даже тарелки с рисунком короны!

Молодожены вновь переглянулись, оценивая масштаб проблемы, но тут карета остановилась напротив дома вдовствующей виконтессы.

– Матушка, – торопливо сказал виконт, – вас не затруднит описать все эти новости в письме и отправить дю Боттэ вместе с платьем или шляпкой от мадам Ланвен? Они сейчас в Боттэ-холле, ждут вестей из столицы.

– Напишу, – улыбнулась виконтесса, – а вы езжайте домой, и побыстрее делайте мне внуков!

Дверца кареты захлопнулась, и леди Виола зарделась от смущения под пристальным горящим взглядом мужа.

– Миледи, – голос Флая вдруг стал хриплым, – я могу считать, что вы не против нашего союза.

– Нет милорд, не против, – девушка протянула руку и положила ее в ладонь супруга.

Флайверстоун прикрыл глаза, и начал считать удары копыт по булыжной мостовой – только бы продержаться до дома, до спальни, до...

Эпилог

Граф и графиня дю Боттэ оставались в своем поместье до рождения малыша. Из столицы их не беспокоили. Несколько писем с королевской печатью пришли буквально через неделю после скандала с наследным принцем. В одном послании его величество гарантировал графу и его семье безопасность. Во втором и третьем настойчиво приглашал вернуться в столицу и взять на себя переговоры с Гангутием и контакты с посольством гаргулий. Жак вежливо отказался, отговорившись беременностью супруги. Настаивать король не стал, хотя намекнул на то, что дядюшка графа дю Боттэ подал в Королевскую Канцелярию прошение о возвращении ему титула и земель «в связи с неразумным поведением племянника». Эммет-Жаккард вежливо ответил, что доверяет воле Его Величества безраздельно. Ответ король написал собственноручно. Поворчав на счет изнеженных дам и трепетных мужей, король пожелал стать крестным будущего графа или графини дю Боттэ и на этом конфликт был исчерпан.

Примерно через год в Боттэ-холл пришла весть о замужестве леди Каролины. Окончательно промотав свое скромное наследство, лорд Арман выдал ее замуж за богатого пожилого вдовца, бывшего полковника, который с легкостью пренебрег истериками и капризами молодой жены, ради наследников.

Амелия за городом не скучала. Сначала занималась благоустройством дома к зиме, потом собирала сестру и брата в школы. Затем хлопотала по хозяйству, делая припасы на долгую зиму. До весны граф и графиня разбирались с делами, вели активную переписку с управляющими, строили планы реконструкции некоторых предприятий и фермерских хозяйств, а весной док Миллиган принял шустрого крикливого мальчишку. К счастью совершенно обычного.

Остаток весны и лето пролетели незаметно. Крестили малыша Эйрела-Александра в деревенском храме. Король прибыть не смог, но прислал вестового с подарками и поздравлениями.

Поздней осенью граф решил, что настало время взять малышу Александру еще одну няньку, и немного развеяться. Как только

появился санный ход, Жак предложил молодой жене навестить остальные дома и замки дю Боттэ. Целых три месяца они неспешно переезжали в семейной карете из одного дома в другой, любуясь то грубой каменной кладкой, то толстенными бревнами. Знакомясь с управляющими и экономками, разглядывая старинные интерьеры и доспехи, испытывая на прочность фамильные кровати.

Разве удивительно, что в Боттэ-холл молодая графиня вернулась вновь беременной? И разве мог граф оставить ее одну? Его Величество вновь поворчал, но кажется не особенно рассердился. Когда, Александру дю Боттэ исполнилось три года, и он начал рассказывать маме и няне о снах, в которых летает на больших черных крыльях.

Строго следящий за развитием наследника граф сразу написал генералу Корадису, а потом отправился с женой и сыновьями в гости на границу с Гангутией. Там выяснилось, что старший сын унаследовал от отца кровь гангутов, и сможет обернуться в подростковом возрасте, или во время сильного стресса. Младший же просто человек, но при этом сильный огненный маг.

– Впрочем нашу кровь можно заглушить, – сказал генерал, качая на колене собственного сына, – в этом поможет вегетарианская диета, низкая физическая активность и отсутствие сильных эмоций.

Жак проследил за Александром, который в прыжке, зацепил цепь, с помощью которой в парадной гостиной спускали люстру для зажигания свечей. Потом перевел взгляд на младшего сына, Ричарда-Августа, готового зажечь огоньки на оплывших огарках, вздохнул и уточнил:

– А как усилить кровь?

– Кормить мясом, гонять, подкидывать испытания, – хмыкнул генерал, подбрасывая годовалого младенца едва ли не к потолку.

– Я понял, – хмыкнул Эммет-Жаккард, и подмигнул Корадису: – только Амелии не говорите, она все еще уверяет, что ждет девочку!

Генерал гортанно рассмеялся. Он ведь сам когда-то рассказал пленнику, что у горгулий рождается крайне мало женщин.

Погостив в Пограничье недельку, граф и графиня решили наведаться в столицу.

За минувшие несколько лет там произошли большие перемены. Бывший наследный принц, помучившись некоторое время с результатом своего поспешного решения, уступил корону наследника

младшему брату и уехал в отдаленное поместье. Через пару лет он пожелал вернуться, но не во дворец, а в столичную академию. Там он увлекся изучением магических клятв и их последствий и до сих пор преподает предмет «магическая безопасность», являя собой живой пример неосмотрительности. Он не женат, и вероятно никогда не женится, чтобы не вызвать в стране смуту.

Принцесса Корнелия вышла замуж в другую страну. Поговаривают, что из нее получилась добрая королева – милостивая и милосердная. Особенно Ее Величество любит устраивать браки своих подданных и даже носит милое прозвище «брачный ангел».

Виконт и виконтесса Флайверстоун вскоре после свадьбы уехали в провинцию. А вот вдовствующая виконтесса осталась в столице. Она по-прежнему ведет активную светскую жизнь, и очень любит, когда молодые приезжают на праздники и привозят сиятельной бабушке внуку и внука. Виконт нашел себя в сельском хозяйстве, а его супруга умело ведет дом и радуется мужу.

Примерно через неделю после прибытия в столицу, графа дю Боттэ вызвали на аудиенцию и настоятельно предложили должность в министерстве иностранных дел. Отказываться он не стал, но попросил в помощники брата своей супруги. Король отнесся к идее благосклонно и Брис Фонтен получил свою первую магическую должность. Илана Фонтен к этому времени уже завершила обучение в школе для магически одаренных леди, и готовилась к своему первому балу.

Через несколько дней после аудиенции у короля, Амелия получила письмо от тетки. Пожилая дама чувствовала себя плохо, и призывала племянницу, чтобы проститься. Поразмыслив, графиня дю Боттэ надела потертый плащ, самую простую шляпку и отправилась в гости в экипаже без гербов. Амелия давно простила родственницу, и не желала возбуждать в ней зависть.

Визит получился скромным. Госпожа Парис уже едва дышала, ее сын, кузен Амелии бросал на скромно одетую родственницу недовольные взгляды и отвечал на вопросы сквозь зубы. Молодая женщина не обратила на это внимания, выслушала торопливые слова тетушки, и от души простила ее.

Однако после разговора на сердце у графини было тяжело, навалились воспоминания, поэтому она приказала карете ехать шагом

до ближайшего угла, а сама заглянула в знакомый сквер. Присела на скамеечку, задумалась глядя на гуляющих с нянями малышей, отрешилась от всего мира.

– Мисс Фонтен! Неужели это вы?

Бодрый голос вырвал из грез.

– Мистер Четвертинский? – от изумления Амелия сразу вспомнила долговязого мужчину в потертом сюртуке.

– Снова ищете работу? У нас большой заказ!

– Нет, что вы, – улыбнулась в ответ молодая женщина, – я просто присела отдохнуть.

– Подумайте, мисс! – не унимался Четвертинский, – двести карточек для стола! Бальные карточки! Меню и приглашения для дебютного бала от самой графини дю Боттэ!

Амелия покачала головой, чувствуя, как дурные воспоминания и впечатления разлетаются, словно дым.

– Мисс Фонтен! – умоляюще произнес мужчина, делая самые просящие «щенячьи» глазки.

Молодая женщина встала, поправила перчатки, чтобы спрятать смешинку и шепотом сказала:

– Мистер Четвертинский, графине дю Боттэ просто неприлично самой подписывать свои бальные карточки!

Конец!